

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА

ГЕРМАН ВЕЙС

ОБЫЧАИ и НРАВЫ
КОСТЮМ · УКРАШЕНИЯ
ПРЕДМЕТЫ БЫТА
ВООРУЖЕНИЕ
ХРАМЫ и ЖИЛИЩА

ДРЕВНИЙ РИМ. Возвышение и упадок империи

Оформление серии и переплета
художника *Е. Шамрай*

Шеф-редактор проекта *В. Людвинская*

Вейс Г.

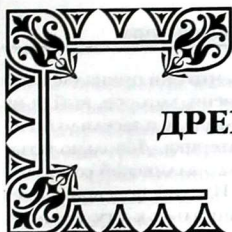
В 26 История культуры народов мира. Древний Рим. Возвышение и упадок империи. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 144 с., ил.

ISBN 5-699-09608-6
ISBN 5-699-13019-5

История человечества немыслима без монументальной имперской цивилизации, созданной древними римлянами. Когда-то суровые и аскетичные, они покорили мир при помощи меча, но удержали его благодаря умению «ладить» с чужими богами, перенимать науку и искусство более развитых, но менее воинственных народов. Так возник неповторимый феномен Древнего Рима — центра мировой культуры своего времени, места, где встречались и уживались все верования и обычаи, творили ученые, художники и скульпторы из самых экзотических мест Европы, Азии и Африки. В этой книге интересно все: римские доспехи и вооружение, облачение жрецов и правителей, устройство знаменитых цирков, терм и загородных вилл, мебель и осветительные приборы, описания жертвоприношений, пиршеств и праздников, наконец, одежды, украшений и косметики, еще в те далекие времена игравших неоценимо важную роль в жизни обитателей «вечного» города.

«История культуры народов мира» — уникальное издание, в котором описаны костюмы, оружие, мебель, посуда и архитектурные сооружения народов нашей планеты начиная с IV тысячелетия до н. э. и вплоть до XIX века. Автор этого интереснейшего труда — выдающийся немецкий художник и историк культуры Герман Вейс (1822—1897), профессор Берлинской академии художеств, лично выполнивший большинство многочисленных иллюстраций, украшающих страницы этого энциклопедического собрания. По широте и объему материала, сведенного в единое целое с истинно немецкой добросовестностью и аккуратностью, эта книга до сих пор не знает себе равных в России.

УДК 94(3):930.85
ББК 63.5

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ ЕВРОПЫ

НАРОДЫ ИТАЛИИ

Предварительные замечания

аходясь на перепутье между восточными землями и Западной Европой, итальянский полуостров вместе с о. Сицилией образует своеобразную плотину или дамбу, выдвинутую в море от Европейского материка к Африканскому. Такое расположение можно было бы считать очень выгодным, если бы не отсутствие островов, которые всегда облегчают мореплавание. От берегов Испании Италию отделяют два больших и практически лишенных островов моря — Тирренское и Иберийское. Адриатическое море, омывающее восточный берег Италии, довольно узкое, но тоже лишено островов. Даже там, где итальянский берег ближе всего к греческому, разделяющее их Ионическое море достаточно широко; еще шире проливы между южной оконечностью полуострова и Африкой.

Рельеф Италии определяет Апеннинский хребет. Прорезая полуостров посередине во всю длину, он отделяет его на севере от обширной континентальной низменности (Ломбардо-Венецианской и Пьемонтской равнины), которая в свою очередь ограничивается Альпами, прилегающими к ней с северо-востока.

Собственно древнеиталийская область начинается от подножий южных склонов поперечного кряжа Апеннин, идущего от Генуи до Анконы. Гористая в своей северной части, она быстро понижается террасообразными уступами по направлению к западному берегу и тянется далеко к югу, упираясь с восточной стороны в Апеннины.

В Италии не было найдено никаких следов первобытного коренного населения, которое соответствовало бы предполагаемому северо-европейскому населению так называемого каменного века. Археологические исследования показали, что самые древние поселенцы Италии были пастухами и занимались земледелием еще до своего переселения в эту страну.

Рис. 1

Можно предположить, что они принадлежали к тому же кочевому племени, которое, выйдя из Азии, направилось к юго-западу и заселило большую часть греческого материка. Довольно поздно отделившись от пеласго-эллинской семьи народов, будущие жители Италии перешли через Апеннины и стали продвигаться к югу, занимая, вероятно, сначала возвышенности, но из-за недостатка пастбищ и пахотной земли спускаясь и на равнины. Очень возможно, что равнины уже были заняты и новые пришельцы встречали отпор со стороны хозяев этих земель. Постепенно завоеватели распространились по всему полуострову и поделили его между собой.

Первыми из этих переселенцев были, по всей вероятности, япиги. За ними следовали так называемые латины и, наконец, умбры. Под напором племен, следовавших за ними, япиги продвигались все далее к югу и осели только на самой южной оконечности полуострова. Латины, в свою очередь, заняли всю его западную половину от левого берега Тибра до Мессинского пролива, а отделившиеся от них сиккулы переправились через пролив и поселились по берегам Сицилии.

Умбрам достались северо-западные области Италии и вся ее восточная половина. На западе поселились представители южной ветви умбров, известные под названием тусков (*tusci*, *tursici* — строители городов или башен), но подверглись нападению рассенов — дикого племени, вероятно, северного происхождения — и были ими покорены. Победители слились с умбрами в один народ и, утратив свои прежние имена, стали называться этрусками.

Развитию культуры на западе Италии способствовали греческие колонии. Принеся с собой знание многих полезных ремесел и более развитую культуру, дорийцы вскоре прочно обосновались среди окружавшего их полудикого населения и так быстро размножились, что триста лет спустя — ко времени основания Рима — вся плодородная Кампания и Южная Италия были заселены ими. Они распространились также по Сицилии и вытеснили оттуда финикийцев, заставив их переселиться на соседний материк и на близлежащие острова.

Благодаря своей воинственности, которая со временем превратилась в доминирующую черту их национального характера, римляне возвысились над соседними племенами. С учреждением республики усиление Рима пошло еще быстрее, несмотря на внутренние смуты, вызванные борьбой между плебеями и патрициями. К 351 г. до н. э. римляне положили конец тяжелым войнам с Этрурией и окончательно ее покорили. Этруски (рис. 1) не только были побеждены, но в течение следующих ста лет полностью романизированы, за исключением немногих северо-восточных ветвей.

С превращением Рима в главный город Италии в его гражданах пробудилось стремление к блестящей столичной жизни со всеми ее удобствами и соответствующей обстановкой. Римляне заимствовали у греков только то, что считали для себя полезным или заманчивым. Они охотно населяли свой Олимп греческими богами и смешивали, сами то-

го не сознавая, греческие пороки со своими национальными добродетелями.

Распространив свое владычество до самых границ Италии, римляне перешли через Апеннины и за несколько лет (236—222 г. до н. э.) покорили область, заключенную между этими горами и южными склонами Альп. Вскоре они вынуждены были начать войну с Карфагеном (220 г. до н. э.) и в то же время сражались в Сицилии, Греции и Испании.

Войны эти чрезвычайно изнуряли римлян, но они снова собирались с силами и благодаря своей стойкости и искусству своих полководцев победоносно отражали натиск неприятелей. После упорной борьбы они овладели богатым Карфагеном (201 г. до н. э.) и утвердили свое владычество на море, но вслед за этим снова были вовлечены в продолжительные и кровопролитные войны почти со всеми своими соседями (см. рис. 2 — карфагенский воин).

После всех этих завоеваний римляне действительно могли считать себя повелителями всего современного мира.

После побед на Западе и Востоке Рим стал центром, в который отовсюду стекались товары, но вместе с ними и всевозможные пороки. Быстро распространившаяся во всех слоях населения склонность к наслаждениям ослабила воинственный дух нации. Пассивно поддаваясь влиянию покоренных ими народов, римляне при этом еще долго оставались глухи и слепы к тому прекрасному, что могли предложить им эти народы, они медленно учились понимать красоту эллинского искусства и эллинской литературы.

Правда, они охотно перевозили к себе произведения греческих скульпторов в качестве военной добычи и знакомились с сочинениями греческих писателей, но смотрели на это, как на несущественное дополнение к житейской обстановке. Впрочем, умение ценить художественные произведения скоро стало признаком хорошего светского образования.

Такой переворот в нравах римлян не мог не повлиять и на их политическое положение: последствия этого внутреннего разлада ослабили силы, объединявшие общество. В народе начались волнения, которые еще больше разжигали безуспешные попытки некоторых одаренных личностей возглавить движение.

Во время этих волнений, продолжавшихся около 50 лет, развращенность нравов достигла предела. В Риме царили обман и предательство. Положение было напряженным до крайности; хотя богатств римской знати было бы достаточно, чтобы предотвратить обеднение граждан, обладатели этих богатств предпочитали тратить огромные суммы на подкуп черни в свою пользу. Рим стоял на краю гибели, когда появился Цезарь.

Рис. 2

Опираясь на войско, он сумел укрепить государство, но с нравственными проблемами ему справиться не удалось. Разврат и пороки при эллинской образованности приобрели лишь более утонченные формы. Население Рима до такой степени оказалось под влиянием греческого окружения, что, в сущности, уже можно было говорить об эллино-италийском, а не собственно римском государстве.

После смерти Цезаря вновь обострились все противоречия Римского государства. Разгорелась гражданская война. Мир установился на некоторое время лишь при Октавиане.

Правление его преемников показало, как низко пал некогда гордый римский народ. Сначала Тиберий, потом Нерон, далее Оттон и Вителий заставили его испытать такие жестокости и такое унижение, что тщетными оказались все благие усилия Веспасиана, Тита (69—81 гг.) и целого ряда их преемников, от Нервы до Марка Аврелия, пытавшихся исцелить болезни общества.

Так же бесплодны были и попытки позднейших императоров, например Септимия Севера (146—211 гг.). К тому же с этого времени римским престолом начинает распоряжаться войско: легионы самовольно провозглашают императором то одного, то другого полководца и вносят полный хаос в управление государством. Диоклетиану удастся наконец ограничить такой произвол, однако и он вынужден избрать себе соправителя и разделить с ним верховную власть. После того как он отрекся от престола, явились шесть императоров, выбранных разными легионами (305 г.). С этих пор начинается окончательное разложение римской монархии, и древний мир уступает место новому...

Одежда

Все, что было сказано о художественном стиле ближневосточных и греческих памятников, относится и к этруским. Относительно позднейших из них достаточно заметить, что, несмотря на приближение к греческим образцам, они остались всего лишь копиями. Как ни тщательно представлена одежда на этруских скульптурах и картинах, они все-таки дают лишь безжизненную, схематичную копию действительности.

Нет сомнения, что у италийских племен, как и у греческих, все характерные для них отличительные особенности выразились прежде всего в одежде. Хотя одеяние древних этрусков, а позже римлян состояло из тех же основных предметов, что и у всех древних народов, не носивших штанов: из нижней одежды (рубашки) и верхней (плаща), однако покрой плаща у римлян был совсем не таким, как у греков или этрусков (тусков).

Рис. 3

По памятникам видно, что одежда тусков, не уступая по пышности восточной, по покрою приближалась к одежде малоазиатских, а в некоторых случаях и европейских греков, между тем как национальная римская одежда отличалась своим оригинальным характером.

О материале, из которого этруски изготавливали свои одежды, и способах его переработки мы никаких сведений не имеем. Весьма вероятно, что этрускам с древнейших времен были известны ткани, которые использовались для этих целей на Востоке. Конечно, и у них, как и у древних греков, ткачеством и прядением занимались сначала только женщины, а позднее эти занятия перешли в руки ремесленников, выделявавших те разноцветные и золотые одежды, о которых рассказывают мифы и свидетельствуют найденные в Этрурии картины и скульптуры.

Римляне изготавливали свою одежду преимущественно из шерсти: сначала — не имея других материалов, а впоследствии — узнав из опыта, что шерстяная одежда лучше всякой другой защищает тело. Даже когда стали привозить множество различных материалов из-за границы, спрос на шерстяные одежды не уменьшился и сукнодельное и валяльное ремесла оставались самыми выгодными. Одежды из льняных тканей начали носить гораздо позднее, хотя обработка льна и пенки производилась у римлян издавна и в широких масштабах.

У римлян изготовление одежды являлось исключительно женским занятием. Во многих семействах обычай носить изготовленное платье сохранился до времен Империи. Сходство латинских названий одежды, платья (vestis) и глагола «шить» (suo, neo) с санскритскими (vastra, siv, nah) указывает на их общее происхождение от первоначальных корней, которыми обозначались понятия: оболочка и действия шитья, соединения, но не помогает решить вопрос, умели ли латинцы ткать и пряхать, прежде чем переселились из своей прародины в Европу. Но нет сомнения, что ткачество было известно в Лациуме с незапамятных времен.

В противоположность грекам, носившим одежду без швов, цельно сотканную на станке, римляне при изготовлении одежды пользовались иглой. Римская рубашка шивалась, и даже тогда должна была пройти через руки портного, чтобы стать пригодной для ношения. Как и греки, римляне считали одежду белого цвета наиболее приличной, а для торжественных выходов и процессий единственно подходящей. Но впоследствии это правило осталось в силе только для тоги. Цвет остальной одежды зависел от моды.

Уже во II в. до н. э. в Риме стали распространяться иностранные материи и одежды. Даже мужчины стали носить разноцветное платье, а во времена Пунических войн народный трибун Оппий счел нужным издать закон, чтобы остановить страсть римских женщин к щегольству (215 г. до н. э.). Вскоре был издан другой, более строгий закон, запрещающий излишнюю роскошь (195 г. до н. э.).

Несмотря на эти законы, страсть к роскоши не только не уменьшилась, но, наоборот, усилилась,

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

особенно после войн в Малой Азии (190 г. до н. э.). Все драгоценности Востока провозились сначала через Коринф, потом через остров Делос в Путеолы и оттуда отправлялись в Рим, где продавались знати. После войны с Митридатом (136 г. до н. э.) римские купцы стали получать восточные товары прямо из Сирии, а позднее, когда Египет стал римской провинцией (31 г. до н. э.), вся восточная торговля римлян велась исключительно через Александрию.

Из тканей и готовых одежд, которые производились таким путем и цена на которые благодаря усиливавшейся расточительности римлян постоянно увеличивалась, главное место занимали тонкие прозрачные ткани с островов Кос и Аморгос, египетские белые и разноцветные льняные ткани, а также тонкие хлопчатобумажные и узорчатые ткани из Индии и Персии и шелковая материя.

Рис. 7

Выше всего римскими модницами ценились одежды из прозрачных материй, протканых золотом и серебром и окрашенных в разные цвета. Несмотря на императорский запрет носить одежды, оставлявшие тело почти обнаженным, ношение их не только не прекратилось, но стало модным даже среди мужчин, которые до тех пор одевались преимущественно в шерстяные ткани, привозимые из Самоса, Милета или Лаконики, и только в редких случаях заменяли их льняными, хлопчатобумажными, иногда шелковыми. Полупрозрачные ткани выделялись также в этрусской деревне Тускус, и это обстоятельство тоже могло способствовать большой их популярности в Риме.

Еще более дорогие ткани были известны под названием золотых, или, по имени их изобретателя пергамского царя Атталы, атталийских тканей. Они были густо протканы золотыми нитями или же, по другим сведениям, вытканы из золотой проволоки. Древние, по-видимому, не знали ни средневекового (утраченного и до сих пор еще не восстановленного) золототкацкого мастерства, ни золотопрядения.

К драгоценным также принадлежали шерстяные или шелковые ткани, окрашенные пурпурной краской различных цветов и оттенков, от блестящего черного и темно-фиолетового до красного и бледно-розового. Использование этих тканей для одежды регулирова-

Рис. 8

лось особыми постановлениями, которые издавались верховной властью для ограничения роскоши, но часто нарушались, особенно женщинами.

Ношение лучших сортов пурпура (тирского и янтинского) и цельных пурпурных одежд постановлением Августа разрешалось только императору и его сановникам; всадникам позволялась лишь пурпурная кайма на одежде. Это постановление недолго оставалось в силе, и мода на пурпур достигла таких масштабов, что Тиберий для ее пресечения был вынужден прибегнуть к хитрости: он сам перестал носить пурпур и этим вынудил сделать то же самое римскую знать. При Нероне также было издано постановление, запрещавшее частным лицам носить тирский и аметистовый пурпур, однако оно так же нарушалось, как и все прежние.

Мужская одежда у этрусков, как и у древних греков, первоначально состояла из плаща или накидки, плотно облегающих тело. Первоначально это был четырехугольный кусок материи, постепенно превратившийся в более просторный и богатый складками плащ, имевший форму отрезка круга (рис. 3, а, б).

Эту форму он сохранил и тогда, когда под него стали одевать шерстяную нижнюю одежду (рис. 4), похожую на малоазиатский и ионический хитон, с той разницей, что она была довольно короткой и, наверное, подпоясывалась (рис. 4).

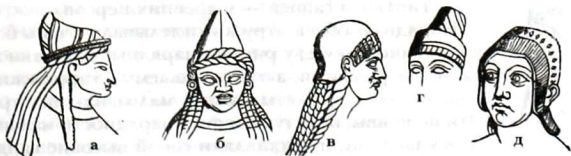

Рис. 9

Рис. 10

Нарядная одежда богатых людей состояла из длинной, чрезвычайно тонкой и богато вышитой нижней одежды с рукавами и из такой же накидки (четырёхугольной или круглой) с отверстием для головы посередине (рис. 5; рис. 6). Вероятно, в некоторых особенных случаях носили также хитоны, оставлявшие одно плечо открытым, и даже простые передники.

Костюм этрусских женщин имел много общего с малоазиатским и вообще с восточным женским костюмом. Нижняя одежда походила на очень длинную рубашку с рукавами; она была неразрезной и не зашнуровывалась на теле, как дорийская и аттическая женская нижняя одежда, а, подобно малоазиатской, была цельной, надевалась через голову и никогда не подпоясывалась (рис. 7; рис. 8, а, б).

Поверх этой рубашки этрусские женщины надевали накидку — продолговатый или закругленный с двух сторон платок средней величины, который набрасывали на плечи, а иногда накрывали им и голову; концы платка на груди скрепляли застежкой.

Похожи на восточные и головные уборы этрусов. В них повторяются почти все формы древневосточных головных уборов: фригийско-мидийских (рис. 9, а, г), египетских (рис. 9, в, д) и отчасти индо-персидских (рис. 9, б) — в женских; ассирийских и мидийско-персидских (рис. 10) — в мужских головных уборах. Малоазиатская головная повязка подобная той, какую носили ионийско-аттические греки, тоже встречается у этрусов.

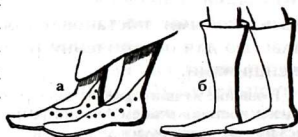

Рис. 11

Сходство костюма этрусов с восточным сохраняется и в их обуви: они носили сандалии, остроконечные башмаки и сапоги (рис. 11; рис. 4; рис. 7; рис. 8). Эти две формы обуви имели восточное происхождение: остроконечные башмаки были уже в употреблении у древних египтян, а сапоги — у древних персов.

Нарядную обувь этруски отделявали очень богато, в восточном вкусе; у римлян нарядные башмаки назывались этрусскими, а так называемые тирренские подшвы были приняты даже у малоазиатских греков. Эти подшвы, не уступающие в нарядности малоазиатскому котурну, представляли собой высокие сандалии из дерева, обтянутые красной с позолотой кожей, которые привязывались к ноге пурпурными ремнями,

Рис. 12

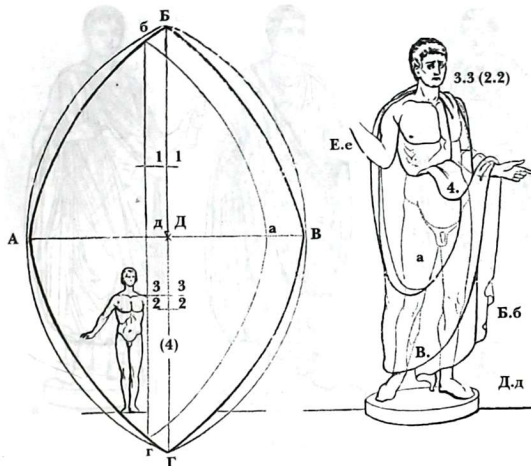

Рис. 13

доходившими почти до колена. По некоторым изображениям видно, что у этрусков было также в обычае (может быть, только при вооружении) обвивать ремнями всю ногу до бедер (рис. 12).

О том, каков был покрой римской тоги и каким образом ее одевали и носили, мнения весьма различны. Основываясь, с одной стороны, на римских скульптурах (которые все принадлежат к более позднему времени), с другой — на догадках римских авторов об этруском происхождении этой одежды, различают два вида тог и считают тогу разновидностью этруского плаща.

Другое мнение, по которому тога была исконной народной одеждой римлян, представляется более основательным, поскольку кроме приведенных доводов и свидетельств оно подтверждается еще и тем, что если римляне считали тогу своим отличительным признаком и по ней даже называли себя *gens togata* или *togati* — одевающиеся в тогу, то она должна была быть чем-то совершенно своеобразным. Если же прибавить к этому, что и впоследствии, когда вошли в моду иностранные плащи, Август предписал гражданам являться на форум, в цирк и ко двору не иначе как в тоге, то отсюда следует, что настоящая римская тога сохраняла всегда одну и ту же форму и этой формой отличалась не только от греческого, но и от этруского плаща.

В отличие от четырехугольного греческого гиматия и закругленной с одной стороны этруской тебенны римская тога выкраивалась заостренным на концах овалом (рис. 13 — АБВГ) длиной в три человеческих роста по плечи (Б—1, 1—2, 2—Г), а шириной (по короткой оси овала) — в два таких роста (А—Д, Д—В).

Надевали ее следующим образом: сложив вдвое в длину, так чтобы одна половина была несколько шире другой и выступала из-под нее (примерно по линии бд), тогу собирали на перегибе в складки и один конец перекидывали через левое плечо вперед настолько, чтобы он закрыл весь левый бок и свисал до земли (3—3, г—Г); затем другой конец тоги пропускали справа под мышкой (редко через

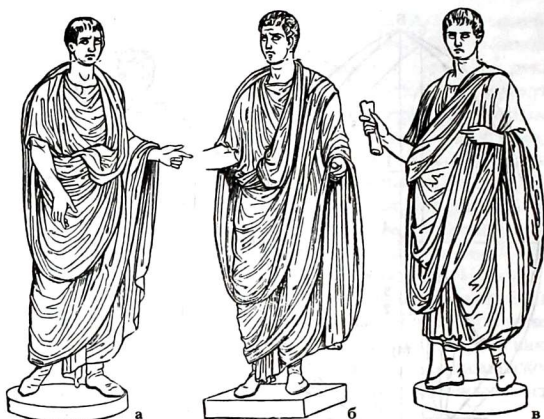

Рис. 14

правое плечо) вперед и закидывали через левое плечо на спину, а середину из-за спины надвигали на правое плечо, от чего передние складки тоги получали большую полноту. Таким образом, одна треть тоги закрывала левое плечо и весь левый бок, спускаясь до земли; середина другой трети приходилась справа под мышкой (Д—д), а остальная масса окутывала тело спереди, образуя на груди своими верхними складками пазуху. Надев тогу как описано, ее левый конец вытягивали кверху и выпускали вперед небольшой полой складкой, которая свешивалась из-за пазухи (ср. рис. 14).

Пока тога составляла почти единственную одежду римлян, она была неширокой, но размеры ее, несомненно, были увеличены, когда она стала парадной национальной одеждой и когда под влиянием греческой моды стали обращать особое внимание на обилие и красоту ее складок. В результате тога превратилась в одежду, обременительную из-за своей объемности (рис. 14).

Для большего удобства стали привешивать к ее концам свинцовые кисти (как это делали греки со своим гиматием), а чтобы дать складкам надлежащее направление, их заглаживали перед надеванием при помощи особых дощечек и, кроме того, выравнивали и раскладывали щипчиками на уже одетой тоге.

Старинная узкая тога, особенно подпоясанная (обычай подпоясывать тогу соблюдался и позднее, например при богослужении, когда никакое другое одеяние не допускалось), нисколько, по-видимому, не стесняла свободы движений, а вот более поздняя тяжелая тога массой складок заставляла двигаться медленно.

Это неудобство и стало причиной того, что тога была заменена легкими одеждами — этрусским плащом новейшей формы (рис. 15, а) и красивым греческим гиматием (рис. 15, б, в).

Римская туника, которую впоследствии стали носить почти всегда под тогой (прямо на голом теле), была похожа на сходную с греческой нижнюю одежду (рубашку) этрусков. Но кроме этой простой (рис. 14, а—в) у римлян были очень широкие туники с короткими, но очень широкими мешкообразными рукавами (рис. 4) и менее широкие с длинными рукавами, доходившими до кисти.

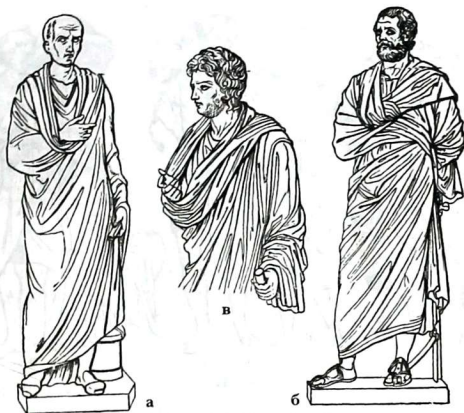

Рис. 15

Впрочем, эти длиннорукавные туники были редкостью даже в самые поздние времена, и надевали их только жрецы чужестранных азиатских культов и актеры на сцене, в частном быту их носили весьма редко. Точно так же и длинные, доходившие до ступней туники вошли в моду не ранее последних годов Республики, когда изнежившиеся граждане Рима стали надевать по две и более таких туник одна на другую. По свидетельству Светония, Август носил четыре туники, из чего можно сделать вывод, что этот обычай установился задолго до него.

Обыкновенную тунику подпоясывали ниже груди поясом (рис. 16). Когда надевали несколько туник одна на другую, то подпоясывали только самую нижнюю; она была уже остальных и, вероятно, одна лишь имела рукава, тогда как верхние были безрукавные.

Тогой и туникой исчерпывается весь римский народный костюм. Если приведенные изменения должны быть названы неримскими, то тем более этим словом следует обозначить все те одеяния, которые римляне постепенно прибавляли к своей одежде отчасти из-за возраставшей изнеженности, отчасти просто из щегольства.

У Плавта встречается несколько названий одеяний (среди них *raepula*); у других авторов более позднего периода находим названия собственно мужских одежд: *lascerna*, *synthesys*, *laena*, *abolla*, *endromis* и др. Из всех этих одеяний только пенула и ласерна могут быть с некоторой достоверностью объяснены по памятникам.

Рис. 16

Пенула была, по-видимому, одеждой, которую надевали в плохую погоду поверх остального платья. Она имела вид круглого нераспашного, на девавшего через голову плаща

Рис. 17

с капюшоном (рис. 17, а, г), капюшон, однако, надевали и отдельно от плаща (рис. 17, д). Пенула изготовлялась из толстой плотной ткани, иногда даже из кожи, а с I в. для этого рода одежды стали употреблять изобретенную в то время ворсистую материю.

В отличие от пенулы лацерна была легкой одеждой и вошла в обиход довольно поздно. Сначала ее надевали поверх тоги, потом стали носить вместо нее поверх туники. Лацерна походила покроем на греческую хламиду и, как и та, застегивалась на плече пряжкой (рис. 18).

Отправляясь в театр, цирк или ко двору, надевали лацерну белого цвета, но обычно носили цветные лацерны из дорогой материи. Стоили они очень дорого, например короткая лацерна пурпурного цвета стоила 10 000 сестерциев. Простые народные лацерны шились иногда с капюшоном, как и пенулы.

До войны с парфянами и галлами у римлян не было никакой одежды, похожей на штаны; иногда они обвивали себе бедро или голень ремнями, как это делали этрусские воины (рис. 12). После столкновения с галлами начали постепенно входить в обиход и штаны, сначала только короткие, доходившие до колена и умеренной ширины. Настоящие же шаровары, какие носили все варварские народы, появились у римлян только во времена последних императоров, но и тогда не были приняты всеми. Штаны так никогда и не стали частью римской одежды, постоянно их носили только солдаты, из невоенных их надевали очень немногие. Гонорий, сделавшись императором Западной Римской империи (395 г.), даже запретил носить штаны в стенах своей столицы.

Рис. 18

Хотя римляне и обходились без такой удобной одежды, как штаны, однако из этого вовсе не следует, что они не принимали в расчет свои климатические условия: уже во времена Республики люди слабые или изнеженные носили на теле и на шее плотные повязки — набрюш-

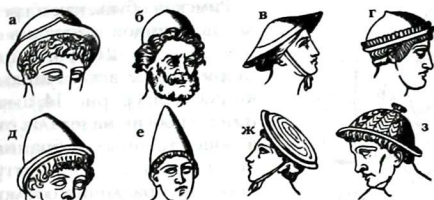

Рис. 19

ники и галстуки. Но у римлян, как и у греков, не было обычая покрывать себе голову.

Кроме жрецов и судей во время исполнения их обязанностей, все ходили с непокрытой головой, в случае нужды (в непогоду и т. п.) защищая ее тогой или капюшоном (рис. 17, г, д). Римляне изредка использовали шляпы и шапки, похожие на греческие; Светоний говорит, что Август, когда ему нужна была шляпа, надевал обычно греческий петас (рис. 19, а—в). Другой вид шляпы в форме колпака называли пилос. Ремесленники, рыбаки, охотники и все, кто проводил время на открытом воздухе, носили соломенные шляпы или кожаные шапки на войлоке (рис. 19, б—з).

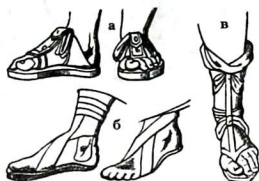

Рис. 20

Обувь была у римлян настолько необходимой принадлежностью туалета, что образованный римлянин считал неприличным снимать ее даже тогда, когда был одет по-домашнему. Этот обычай существовал еще в древнейшие времена и, вероятно, был перенят у этрусков, у которых были заимствованы и некоторые особенно нарядные виды обуви.

Рис. 21

Рис. 22

Римская обувь, как и греческая, была двух видов: сандалии (солеа, см. рис. 20, а; рис. 21, а, б, л, к) и ботинки, закрывавшие всю ступню до лодыжки (калцеи; ср. рис. 14, а—в). Последний вид обуви надевали, отправляясь в общественные собрания, а сандалии носили дома и в быту. Впоследствии это различие соблюдалось менее строго, однако даже и в начале Империи, когда стало принято носить сандалии с туникой и лацерной, с тойгой надевали только калцеи (ср. рис. 14, а—в).

К этим двум видам обуви с течением времени добавилась обувь неримского происхождения: полусапожки, сапоги цельные и разрезные со шнуровкой (рис. 21, в, д, и), башмаки с ремнями (рис. 21, ж) и многие другие, названия которых, подобно названиям вышеприведенных одежд, теперь для нас непонятны. В обуви придерживались преимущественно белого и черного цветов, но в период расцвета всевозможной роскоши даже мужчины носили обувь красного или пурпурного цвета.

Одежда римских женщин, судя по дошедшим до наших дней статуям, не носила национального характера, как, например, мужская тога. Римские женщины задолго до создания скульптурных памятников променяли свою тяжелую одежду на легкую и красивую греческую, которую они, впрочем, приспособили соответственно своему вкусу. Страсть к нарядам и изобретательность римских модниц находили себе пищу не только в выборе дорогих материй, которые позднее свозились в Рим отовсюду, но и в беспрепятственном изменении покроя одежды.

Одежда римлянок состояла из двух главных частей — туники и столы, на которую, выходя из дому, надевали верхнюю одежду или плащ и покрывало. Женская туника надевалась, как и мужская, прямо на тело. Старинные туники походили на безрукавный греческий хитон, их всегда шили из шерстяной материи. Впоследствии вошло в обычай шить их из более легких и дорогих тканей (хлопчатобумажных, льняных или шелковых), тем более что туника была домашним или утренним костюмом римлянок.

В период роскоши римские щеголихи носили одеяния из тканей таких тонких и прозрачных, что они нисколько не скрывали тела (рис. 22). Это были знаменитые коййские ткани. Вместе с тем и покрой туники изменился: она превратилась в широкую и длинную, волочащуюся по земле одежду

Рис. 23

с рукавами или без рукавов, которую то подпоясывали, то носили без пояса (рис. 23; рис. 24) или придавали ей форму хитона с разрезными рукавами, застегивающимися на крючки или пуговицы (рис. 25, б; рис. 37). Впрочем, были туники и с настоящими рукавами, закрывающими руку до локтя или до кисти (рис. 25, а, в).

Поверх туники или другой нижней одежды надевали корсет (мамилларе, строфиум) из тонкой кожи, который, как и строфиум у греческих женщин, относился к предметам интимного туалета и должен был придавать большую полноту груди.

Стола, верхняя одежда, была продолжением туники и также шилась с рукавами или без них. Безрукавную столу надевали обычно на тунику с рукавами. Походя на тунику, стола отличалась от нее отделкой, дорогой тканью и, главное, размерами. Она была гораздо длиннее человеческо-

го роста и надевалась только с поясом, причем сначала ее подбирали сверху, по крайней мере настолько, чтобы видны были носки обуви, а потом собранные на груди складки расправляли поверх пояса и нередко опоясывали еще раз (ср. рис. 26; рис. 27, а).

Некоторые столы были не очень длинными и тоже подпоясывались красивыми и дорогими поясами (рис. 28). Подол столы обшивался мелко присборенной оборкой, которая волочилась по земле как шлейф и была иногда оторочена пурпуром или вышита жемчугом и золотыми блестками. Ворот и проймы тоже обшивали широкой каймой, а иногда такая же кайма нашивалась или вышивалась спереди, но это делалось только для театральных стол (рис. 30). Стола считалась одеждой замужних женщин (матрон). Девушки носили вместо нее поверх туники простые, похожие на столу верхние туники или короткие туники с рукавами, доходившими до локтя (рис. 29), или такие же безрукавные накидки, как и греческие девушки.

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

Выходя из дома, римские женщины накидывали поверх тогу плащ — паллу. По своему покрою он либо был чем-то средним между собственно накидкой и широкой верхней туникой, либо походил и на тогу, и на гиматий. По статуям видно, что женский плащ, похожий на тогу, отличался от мужской тоги лишь тем, что был несколько уже ее и красивее по своему покрою, а надевался точно так же, как и тога (рис. 31, а, б); греческий же гиматий был принят римлянками без всяких изменений (рис. 33, а—г; рис. 37).

Иногда паллу заменяли накидкой на этрусский манер из толстой ворсистой материи (рис. 32) или упомянутой выше верхней одеждой, похожей на тунику. Она состояла из двух отдельных половин, передней и задней, которые соединялись на плечах пряжками и сдерживались поясом, или была цельной и надевалась через голову (рис. 35), или распашной, иногда с двумя проймами для рук, иногда с одной (рис. 36).

На верхнюю одежду (паллу) надевали покрывало, без которого знатные римлянки никогда не показывались на людях. Оно делалось из тонкой прозрачной ткани и прикреплялось к головному убору так, что спускалось по щекам на плечи и могло быть собрано под подбородком (рис. 37; ср. рис. 26; рис. 27, б; рис. 30).

Головные уборы у римлянок были почти те же, что и у греческих женщин, — повязки (рис. 38, а, б) и круглые шапочки, иногда обтянутые сеткой из золотых и серебряных шнурков (рис. 38, в, г).

Римские женщины обувались в сандалии (рис. 39, г) и ботинки (рис. 39, а, б).

В редких случаях надевали мягкие полусапожки (рис. 39, в). Знатные дамы носили цветные ботинки преимущественно светлых тонов, вышитые золотом и индийским жемчугом.

По статуям видно, что мужчины у этрусков носили волосы гладко зачесанными назад, как древние греки, распущенными по плечам, подстриженными и завитыми в мелкие кудри или же, как древние египтяне, совсем сбривали (рис. 10). Бороду они брили; можно предполагать, что и волосы на теле они тоже сбривали или каким-нибудь иным способом удаляли (согласно восточному обычаю).

Женщины завивали свои волосы в локоны, заплетали их в косы (рис. 9, а, в) или же, разделив на широкие пряди, раскладывали по обеим сторонам пробора взбитыми, разнообразно переплетенными между собой валиками, притом на каждой стороне по-разному. Локоны закручивали или по всей голове, или только спереди вокруг лба и на висках, то мелкие и короткие, то крупные и длинные, из которых

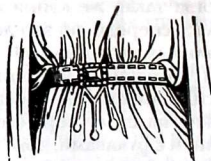

Рис. 28

Рис. 29

Рис. 30

Ожерелья и шейные цепи были чрезвычайно разнообразны по форме, от толстых золотых шнуров (ср. рис. 40) до тонких цепочек с подвесками и нанизок из камней и т. п., похожих на цепочки и ожерелья древних египтян (ср. рис. 46). Массивные ожерелья носили преимущественно мужчины, а цепочки и нанизки — женщины.

Впрочем, и мужчины носили на шее особого рода подвески (амулеты) в виде круглых медальонов — плоских, с вычеканенными на них фигурами, и полых с крышкой (рис. 42, а—в). Кольца и перстни были плоские, с гладкой или прорезной поверхностью (рис. 44, а, г, д), или массивные, в виде валика с выпуклой или углубленной резьбой (рис. 44, в).

Гнездо перстня — золотое или из камня, вправленного в золото, обычно с более или менее отчетливой резьбой — закреплялось на кольце неподвижно или же могло поворачиваться вокруг своей оси, как у египетских перстней, и в этом случае ему нередко придавали египетскую форму скарабея. Были также кольца в виде спирали, похожие на кельтские (рис. 44, б). Перстни носили обычно на безымянном пальце левой руки (рис. 40), пока не вошло в моду надевать по несколько колец сразу.

Для прикрепления одежды использовали серебряные и бронзовые застёжки, почти такие же, как кельт-

часть спускали на спину, а часть перекидывали через плечи на грудь.

К мужским украшениям принадлежали толстые золотые ожерелья, золотые венки, кольца и ручные обручи (рис. 40). Венки составляли из золотых пластинок, которым придавали форму листьев различных растений. Ручные обручи, или браслеты, имели большей частью форму широкого рубчатого кольца с круглой подвеской или без нее. Их носили обычно только на левой руке (рис. 41; ср. рис. 42, а).

Рис. 31

Рис. 32

ские фибулы (декоративные булавки), но гораздо изящнее и богаче (рис. 43, а—г).

В число женских украшений входило все, что носили мужчины, а кроме того, множество других драгоценностей (рис. 45). На голове, кроме венков и обручей, красовались дорогие диадемы, унизанные разноцветными камнями и жемчугом. На шею надевали широкие ожерелья и, как уже говорилось, тонкие красивые цепочки (рис. 46), на грудь и плечи, как египтянки, — широкие и узкие перевязи.

Руки украшали браслетами, волосы закалывали длинными булавками, в ушах носили серьги. Особенно оригинальны были серьги. Они состояли из колец или, как египетские, из кружков или щитков с подвесками, так что их не вдевали в ухо, а подвешивали к нему (рис. 47, а—и).

О склонности этрусков к щегольству и нарядам говорит и множество зеркал, найденных в могилах вместе с другими принадлежностями туалета. Зеркала были сделаны из бронзы и очень богато и красиво отделаны, из чего следует, что этруски эту туалетную принадлежность ценили очень высоко (рис. 48). Задняя сторона зеркала украшалась обычно выгравированным на ней рисунком, а ручка была резная; иногда ручкой и подставкой зеркалу служит скульптурная фигурка (рис. 48, а—в). Поверхность зеркала была несколько вогнута и обведена выступающим бордюром, предохраняющим ее от порчи. Зеркала с привставной ручкой хранили в футлярах.

Римские авторы рассказывают, что до 290 г. до н. э. римляне носили длинные волосы и бороды, но за-

Рис. 33

Рис. 34

тем в Рим приехали из Сицилии несколько брадобреев и стало входить в моду стричь волосы на голове и брить бороду (рис. 49; ср. рис. 14, а—в). Эта мода продержалась до тех пор, когда один из императоров стал носить бороду, а его приближенные последовали его примеру, что видно по бюстам того времени (рис. 50, а—в). При Адриане эта мода стала всеобщей. Волосы на голове обычно только подстригали, но в императорские времена было немало щеголей, которые украшали себе голову целыми рядами локонов, или носили парики, или, по примеру Коммода, мазали волосы драгоценным маслом и посыпали золотой пылью.

Рис. 35

Римские женщины в своих нарядах и украшениях следовали преимущественно греческим модам и образцам. Все туалетные секреты, известные гречанкам послеалександровской эпохи, их разнообразны прически и даже любимые ими уборы и украшения — все это переняли у них римлянки, и не только переняли, но и усовершенствовали, довели до крайней степени утонченности. Кроме использования мазей и благовоний, румян и притираний, которые привозили в Рим из всех стран того времени, римлянки особенно тщательно заботились о прическе.

Уже Овидий, несмотря на то что он с особым интересом останавливается на прическах и даже с некоторым увлечением рассуждает о необходимости согласовывать прическу с формой лица, замечает, что перечислить все прически, которые считаются модными в Риме, так же невозможно, как невозможно пересчитать желуди на ветвистом дубе, или пчел на Гибле, или диких зверей в Альпах.

Выделив, однако, из всего разнообразия причесок, которые мы видим на картинах и статуях, основные, можем отметить, что все они сводятся к трем главным операциям: расчесывание волос на пробор, завивание их и заплетание. Са-

Рис. 36

Рис. 37

мую простую (и, несомненно, древнейшую) прическу представляют собой волосы, гладко расчесанные на пробор и завязанные узлом на затылке (ср. рис. 22; рис. 23; рис. 24; рис. 33, а).

Прически с искусственно завитыми волосами были двух видов: с длинными локонами, расположенными вокруг всей головы и обрамлявшими лицо (как на бюсте Береники, рис. 51, в), и с мелкими буклями, нередко взбитыми спереди в тупей (рис. 51, а, б); в обеих прическах завивали только часть волос, остальные просто зачесывали назад или заплетали в косы, которые укладывали по всей голове параллельно пробору и связывали сзади узлом (рис. 51, б). Только косы, без локонов и буклей, носили на самый разный манер, но чаще всего, разделив волосы пробором, несколько раз обвивали ими голову (рис. 51, д, ж, з) или пропускали их одна в другую петлями и т. д. Также были прически с использованием париков (рис. 51, в).

Римлянки прибегали к разным искусственным средствам, чтобы придать талии и формам тела желаемую полноту или воздушность, в зависимости от того, что было в моде, а увядающему лицу поддельную свежесть.

О поддержании цвета лица больше всего хлопотали, конечно, стареющие кокетки. Кроме румян и различных притираний для лица они пользовались тестом, замешанным на ослином молоке, и пудрой из рисовой и бобовой муки.

Тесто, изобретенное женой Нерона Поппеей и по ее имени названное, должно было поддерживать свежесть лица и сглаживать морщины. Оно накладывалось на лицо толстым слоем, обычно на ночь, и утром снималось, как кора.

С особой заботливостью ухаживали древние римляне за руками, ногтями, а также зубами. Для сохранения красоты зубов жевали мастику и чистили их порошком из пемзы; употребляли зубочистки, золотые и из мастикового дерева. Искусственные зубы тоже были известны, встречались даже целые челюсти на золотой проволоке. Марциал (XIV, 56) говорит от имени зубного порошка: «Зачем тебе нужен я? Я служу молодым, а купленных зубов я не чищу».

Все туалетные принадлежности хранились в особых несессерах, которые заключали в себе различной формы банки для румян (рис. 52, б, в, д), помад и духов; кисточки для накладывания румян и белил; ухвертки (рис. 52, г) металлические и роговые; ножнички и ножницы для ногтей; булавки (рис. 52, а); туалетные зеркала из серебра, овальной формы и с ручкой, как этрусские; инструменты для ухода за волосами — щипцы для завивки, гребни (рис. 52, е, ж) из слоновой кости и букового дерева; ша-

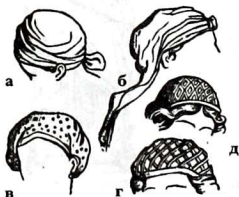

Рис. 38

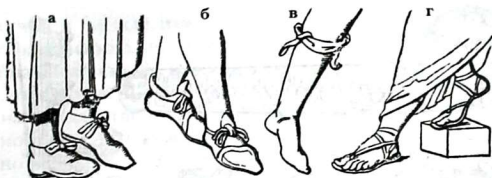

Рис. 39

почки из выделанного бычьего пузыря, вероятно, купальные; широкие и узкие ленты, длинные булавки или шпильки, золотые и серебряные, головки которых, как видно по найденным в Помпее образцам, имели самую разную форму (рис. 53).

Все эти предметы женского туалета римляне называли общим именем — «мундус мулиэбрис» (женский мир) — и отличали их от собственно украшений — орнамента мулиэбриа. Последние состояли из тех же предметов, что и этрусские, но отличались от них большей чистотой форм, унаследованной, несомненно, от греческих мастеров, и большей ценностью.

Особенно высоко ценились бесцветные камни и выше всех алмаз — этот драгоценнейший из всех даров земли, как его называет Плиний. Из других камней предпочитали бледно-розовый сардоникс, оникс, аметист, гиацинт, топаз, хризолит, берилл, сапфир, изумруд и в особенности опал, который считался самым дорогим: опаловый перстень сенатора Нония оценивали в 1 миллион сестерциев.

Достоинствами жемчуга считались его белизна, величина зерна, гладкость, правильность формы и вес — признаки на первый взгляд трудноразличимые, так как едва ли можно найти две жемчужины, разница между которыми бросалась бы в глаза. Поэтому римляне называли жемчуг «унио» (unio) — единство, между тем как греки сохранили его индийское название «мангара» (mangara), измененное варварами в «маргарита» (margarita).

Лучшим считался жемчуг, походивший цветом на квасцы. Продолговатые, с одного конца заостренные, а с другим круглые жемчужины назывались «серьги»; по форме их сравнивали с маленькими алебастровыми сосудами. Лолла, дочь М. Лоллия и супруга императора Клавдия, появлялась вся покрытая жемчугом и изумрудами, сверкавшими у нее на голове, в ушах, на шее и на руках. Эти драгоценности стоили 40 миллионов сестерциев.

Знаменитая жемчужина, которую проглотила Клеопатра, растворив ее в уксусе, была оценена в десять миллионов сестерциев; жемчужина из серыг Метеллы, таким же образом проглоченная Клодием, стоила один миллион сестерциев; не менее шести миллионов сестерциев заплатил Юлий Цезарь за жемчужину, которую он подарил матери Брута.

Даже плебеи любили похвастаться жемчугом, утверждая, что в общественных местах он служит их женам таким же почетным отличием, каким служат консулам и другим важным особам ликторы. Это пристрастие к жемчугу осмеивалось Марциалом в послании к Папириану, где он гово-

Рис. 40

Рис. 41

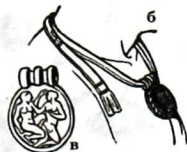

Рис. 42

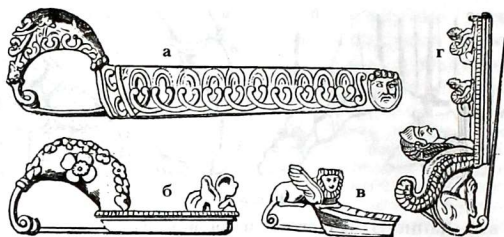

Рис. 43

рит: «Не священным служением Диндимены, не быком нильской юницы, не богами и не богинями клянется Геллия, мой друг, она клянется своими жемчугами; их, глупая, ласкает и целует она, их зовет своими братьями и сестрами, их любит больше своих детей. Ей кажется, что, лишись она их, не прожить ей, бедной, и часу. О Папириан, как бы спасительны были здесь проворные пальцы Аннея Серена!».

К собственно украшениям относились шейные цепочки и ожерелья различной формы, стоявшие иногда до миллиона сестерциев и больше (рис. 54, г), кольца, браслеты, которым обычно придавали греческую форму свернувшейся змеи (рис. 54, а, б, в), головные обручи или диадемы, тоже преимущественно греческой формы, пряжки и застёжки, иногда в виде целых фигурок (рис. 54, д), наконец, опахала из павлиньих перьев (стоявшие очень дорого) или из тонких цветных дощечек и зонтики, а также разные безделушки, относящиеся к предметам туалета, например янтарные и хрустальные шары, которые носили в руках.

Обрядовое (символическое) значение одежды

По-видимому, у этрусков одежда стала внешним признаком общественного положения раньше, чем у римлян. Во всяком случае, у них уже в очень древнее время существовало строгое разграничение между благородными, свободными, полусвободными (клиентами) и несвободными (рабами), которое отражалось в одежде всех этих классов. Это подтверждается рассказами римских писателей об этруском происхождении принятых у римлян отличий для известных общественных должностей.

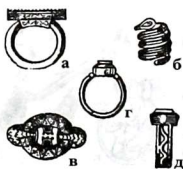

Рис. 44

Гораздо определеннее видно развитие внешних различий в одежде у латинских народов, преимущественно у римлян, у которых оно тоже было результатом сословного деления, но деления, выросшего, наравне с их государственным устройством, на политической и правовой почве. Поэтому и все внеш-

ние отличия в одежде имели у римлян не столько символический, сколько официальный смысл, и весьма вероятно, что это распространялось не только на государственную и религиозную, но и на частную жизнь.

Можно предположить, что уже в самом начале деление римского населения на три древнейшие трибы: рамнов, тициев и луцеров (может быть, этрусских), от которых произошел собственно римский народ — *populus romanus*, обозначалось внешними отличиями, которые могли еще раньше сложиться в семьях и родах, из которых сложились трибы, и сохраниться в них. И в более позднее время некоторые из древнейших родов соблюдали в одежде известные обычаи, очевидно, унаследованные с давних времен. Так, рассказывается, что женщины из рода Аттилиев Серраниев не носили полотняных одежд, а Квинтии — золотых украшений, что Манлии Торкваты отличались золотой цепью, а Цинцинаты длинными волосами.

И если родовые союзы полноправных граждан — трибы с их куриями — отличались друг от друга внешними признаками, то вероятно, что все они отличали себя таким же образом от неграждан, к которым принадлежали не одни только рабы (сервы) и чужестранцы, пользовавшиеся частными правами (перегрины), но и клиенты, которые хотя и были свободными людьми, но зависели от родовитых граждан и были неполноправны.

Одним из таких отличий была белая тога, носить которую имели право только полноправные граждане, всем же остальным, в том числе и клиентам, ношение ее было строго запрещено. Точно так же только полноправные граждане не только имели право, но и обязаны были носить оружие. Закон строго порицал римского граждани-

Рис. 45

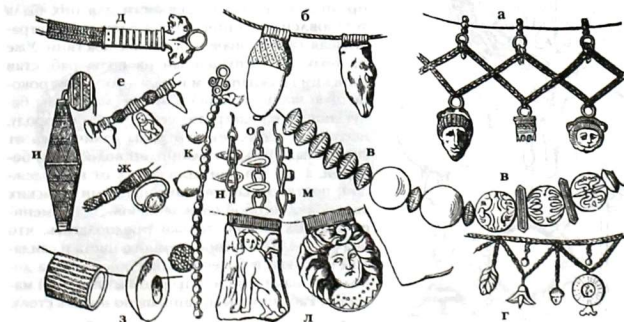

Рис. 46

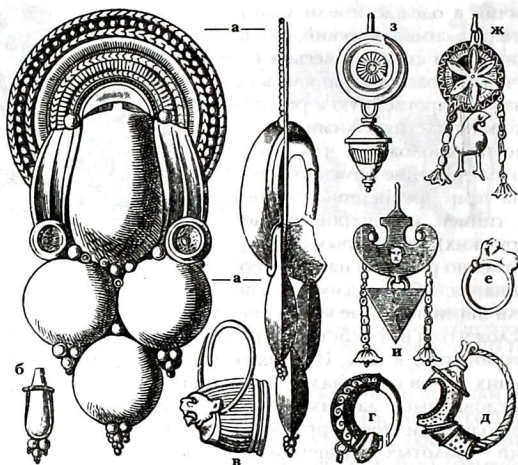

Рис. 47

на, если тот вместо своей национальной одежды носил иностранную, хотя бы это случалось и за стенами Рима. Таким образом, равноправие римских граждан выражалось и в том, что их одежды были одинаковыми.

Одежда рабов могла, конечно, зависеть от прихотей их господ, особенно в позднейшее время, когда многие любили похвалиться богато одетой прислугой, но есть основания предполагать, что в древности для них была установлена законом особая одежда, не утратившая своего значения и впоследствии. Уже из того, что отпущенный на волю раб, став римским гражданином и надев тогу и остроконечную шляпу (пилос) или вместо шляпы белую повязку, подстригал себе волосы и бороду, несомненно следует, что рабы отличались от свободных граждан длинными волосами и бородой, а то, что они отличались от них одеждой, подтверждается упоминаниями римских авторов об особой одежде рабов. За неимением данных можно только предполагать, что она состояла из туники темного цвета и сандалий и только в более позднее время была дополнена накидкой или плащом из плотной материи. Рабыням было запрещено носить столу.

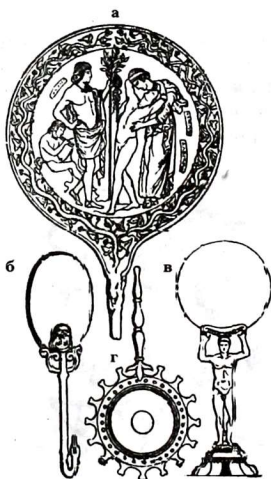

Рис. 48

Кроме названных трех общин, из которых сложился римский народ,

впоследствии образовалась еще одна община, в которую наряду с полусвободными местными жителями, скоро превзошедшими своей численностью древние гражданские семейства, входили переселенные в Рим царями жители завоеванных городов. Эта община, плебс (plebs, plebes), образовала сословие полуграждан, хотя свободных и независимых, но с очень ограниченными политическими правами.

Прошло еще много времени, пока плебеи уравнились в правах с патрициями. Получение плебями политических прав изменило положение патрициев: их значение было утрачено, и, не имея больше никаких существенных интересов, которые нужно было бы отстаивать перед плебями, они перестали существовать как политическая партия.

Отличия, возникшие в среде старого патрициата сначала для одних сенаторов, а впоследствии ставшие наследственными в патрицианских родах, были санкционированы государством. Это касалось и некоторых особенностей костюма.

Обычаем являлось право носить тунику с пурпурной полосой, которая шла от ворота до подола, а также золотое кольцо вместо обычного железного и золотой амулет (булла) вместо кожного (лорум) (рис. 42, а, б, в).

С уравниванием в правах с плебями все эти отличия, кроме права выносить маски предков, распространились и на новую, вышедшую из плебейской среды знать. Но со временем богатые плебеи стали не только выносить в погребальных процессиях маски своих предков, но и заставлять нанятых актеров представлять в лицах самих предков со всеми внешними отличиями того звания, которое те носили при жизни.

Рис. 49

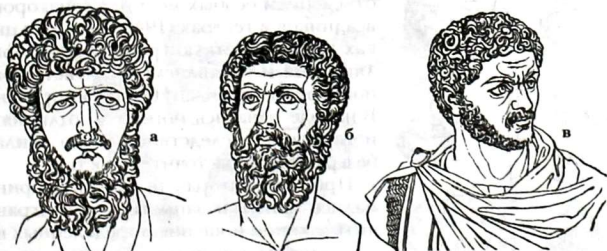

Рис. 50

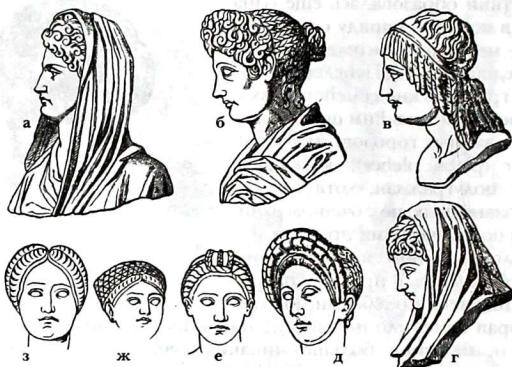

Рис. 51

Конница, состоявшая из прежней патрицианской, а также из допущенных в нее богатых плебеев, образовала сословие всадников (ордо эквестер), которое, подобно высшей магистратуре, имело свои знаки отличия. Они заключались в серебряной сбруе, которая была только у всадников, и золотом перстне, однако право на него всадники получили позднее.

Официальная, т. е. форменная, одежда каждого всадника (эквита) состояла из отороченной пурпуром трабеи — похожей на хламиду накидки, застегивавшейся на правом плече, и туники с пурпурной продольной полосой спереди, которая была подобна сенаторской. Сенаторскую тунику носили обычно неподпоясанной, чтобы не смять полосы; только Цезарь подпоясывал свою тунику.

До тех пор пока отличительные признаки высших классов ограничивались одеждой, остальная масса граждан смотрела на них равнодушно, но как только отведением особых мест для сенаторов и всадников в театрах (194 г. до н. э.) и цирках провели четкую грань между управляющими и управляемыми, чувства равноправных граждан были оскорблены. В народе началась погоня за отличиями и титулами, а следствием этого явилась безграничная расточительность.

При императорах не раз предпринимались попытки запретить или ограничить законом ношение определенных видов одежды низшими классами, но все подобные законы соблюдались лишь временно, и то не всеми. Аппиан говорит,

Рис. 52

что в его время (во II в.), «кроме членов сената, все, и свободные и рабы, одевались одинаково», что и заставило императора Севера издать устав об одежде.

Впрочем, и сами императоры, в особенности Август (а до него Цезарь), не способствовали уничтожению сословных различий, сохранившихся после всех переворотов. Пополняя плебейскими родами сословие патрициев из опасения, чтобы оно не вымерло, они лишили его значимости и превратили все его привилегии в пустую формальность. Затем Августом был нанесен удар и по достоинству всадников. Желая возвысить это сословие, Август выделил в нем людей, отличавшихся знатностью происхождения или плативших сенаторский ценз, и создал из них особый, высший класс всадников.

Этим всадникам он присвоил сенаторские отличия и в результате унизил не только эквитов, но и сенат. Так как всякий имевший состояние в 400 000 сестерциев (а таких было немало во всех слоях общества) мог быть принятым в сословие всадников, а вместе с этим приобретал право носить золотое кольцо, то оно вскоре стало простым украшением людей всех сословий, и не только свободнорожденных, но и зажиточных отпущенников и даже рабов, которые были объявлены свободными по закону.

В это же время в одежде становится все более заметным влияние личного вкуса, который вносит в нее значительное разнообразие. Старинная узкая шерстяная тога уступает место тогам из самых раз-

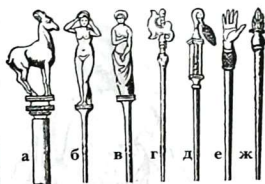

Рис. 53

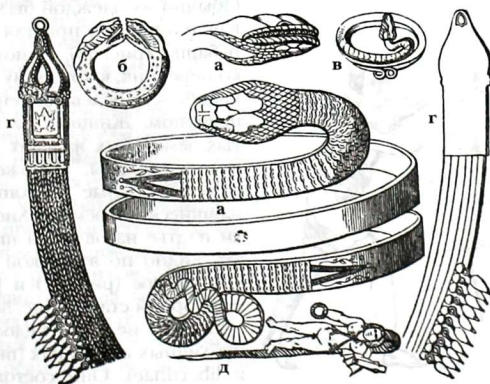

Рис. 54

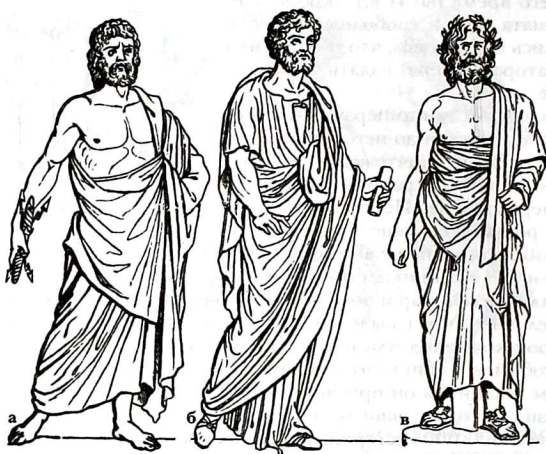

Рис. 55

нообразных материй, притом такой ширины, которая позволяла носившему драпировать ее красивыми складками (рис. 55), так что теперь по одному лишь расположению складок на тоге можно было отличить публичного оратора (рис. 55, а) от переселившегося в Рим грека-врача и вообще человека образованного — от простолюдина.

Бедняки редко носили тогу. Обычно их одеждой была короткая туника или простая рабочая рубашка (рис. 56), а иногда только передник, к которому в случае надобности надевали пенулу с капюшоном. Жившие на болотистых земельных наделах крестьяне-земледельцы, а может быть, даже свободные римляне, занимавшиеся там земледелием, носили платье из овчин и шкур, как это видно по этрусской бронзовой фигуре (рис. 57) и римской мраморной статуе (рис. 58).

В Риме не было недостатка в публичных женщинах (*meretrices* и *libertinae*). Они состояли под особым надзором, который был

Рис. 56

обязан, в частности, следить за тем, чтобы их костюм отличался от костюма честных женщин.

В черте Рима, по крайней мере в старое время, они не имели права носить ни паллы, ни столы, ни головной повязки матрон, а должны были появляться на улице одетыми в короткие туники без оборки или надевать темную тогу. За эти ограничения, которые едва ли строго соблюдались, проститутки вознаграждали себя разноцветными платьями, золотыми украшениями и в особенности — красивой обувью.

Можно достоверно утверждать, что и у этрусков, и у римлян в основе семейной жизни лежали (в противоположность греческой семейной жизни, особенно ионической) уважение к женщине вообще и признание высокого достоинства матери.

Женщина могла свободно появляться в обществе. В семейном кругу как мать семейства (*mater familias*) она признавалась госпожой (*domina*), которая управляла всем домом. Как жена она была под защитой закона от произвола мужа, несмотря на власть главы семейства над всеми членами семьи; она была в то же время деятельной заступницей за детей перед отцом, в особенности за незамужних дочерей, которыми в римской семье отец мог распоряжаться как угодно наравне с рабами и домашней утварью: от его воли зависело, воспитывать новорожденную дочь или подкинуть, даже умертвить ее, если в ней обнаруживалось какое-нибудь уродство. Во всех этих случаях достоинство женщины и уважение к ее материнским чувствам являлись мощным противодействием произволу отца.

Так как воспитание детей, и мальчиков и девочек, было у римлян совершенно свободно от всякого вмешательства государства и находилось в руках матерей, то они и были хранительницами всех тех семейно-религиозных обрядов, которыми с древнейших времен освящались все важнейшие события семейной жизни — рождение, совершеннолетие, свадьба и смерть.

Рис. 57

Рис. 58

а

б

Рис. 59

К таким обрядам относилось и наречение именем новорожденного. Обмыв новорожденное дитя, его пеленали и клали в колыбель (рис. 59, а, б). На девятый день, если это был мальчик, и на восьмой, если девочка, ему давали имя.

Обряд этот совершался перед домашним алтарем в присутствии всей семьи и близких, причем все присутствующие, в том числе и рабы дома, дарили ребенку маленькие, в основном металлические, вещицы — золотые мечи с именем отца ребенка, топорики с именем его матери, две соединенные руки, фигурки животных, звездочки и т. п. Все это нанизывали на шнурок и надевали младенцу на шею. В знатных семействах на шею вешали золотую ладанку (рис. 42, а—в) и, как только ребенок начинал держаться на ногах, надевали на него отороченную пурпуром тогу.

Во время второй Пунической войны в такую тогу стали одевать не только патрицианских детей, но и законных детей отпущенников (*libertini*). В I в. до н. э. право носить отороченную пурпуром тогу вместе с золотой ладанкой разрешено было детям всех семейств определенного имущественного ценза.

Достигнув шестнадцати (в старину семнадцати) лет, молодой человек вступал на поприще общественной жизни. В ознаменование этого события он снимал с себя детскую тогу и ладанку, посвящая ее домашним богам, и надевал белую тогу, которую носили все взрослые мужчины, и особую тунику — *tunica recta*. После домашней церемонии переодевания все надевшие в тот день мужскую тогу собирались вместе и отправлялись торжественной процессией в Капитолий для принесения обычных жертв.

Рис. 60

Господствовавшие у римлян свободные отношения полов вели к свободному, основанному на взаимной склонности брачному союзу. В противоположность афинянам, молодые римляне охотно вступали в брак, и тем охотнее, что вступление в брак вменялось в обязанность каждому римскому гражданину, — остававшиеся холостыми должны были платить особую подать. Заключение брака считалось священным действием и обставлялось определенными обрядами. Настоящий брак допускался исключительно для свободных граждан (рабам позволялось только простое сожительство). Брак мог быть заключен тремя способами: древнейший назывался конфареацией (*confarreatio*) (от *far, farreus panis* — лепешка, которую выпекали для брачной церемонии); следующий за ним по времени способ заключения законного брака назывался «купля» (*coemptio*), так как он состоял в фиктивной покупке невесты женихом; наконец, силу законного брака получало простое сожительство мужчины с женщиной в течение целого года, если только в течение этого времени женщина не провела трех дней или трех ночей вне дома мужчины, у которого жила.

Древнейшая форма бракосочетания (*confarctio*) со временем во многом утратила свое первоначальное религиозное значение, и когда этот обряд (во всем своем объеме исполнявшийся лишь при браках патрициев и жрецов) перестали соблюдать, от всего церемониала осталась только внешняя форма, которой можно было по желанию обставлять тот или другой вид заключения законного брака.

Рис. 61

Судя по уцелевшим изображениям свадебных церемоний, одежду жениха составляли тога, длинная туника (по крайней мере в позднейшее время, к которому и принадлежат все эти изображения) и полусапожки (ср. рис. 60.)

Римский брак мог быть во всякое время расторгнут, и развод не вызывал противодействия властей. Разведенная легко могла вступить во второй брак, не навлекая на себя особенных нареканий (особенно во времена императоров, когда разводы были часты). Но женщина, уличенная в прелюбодеянии, лишалась права носить столу и должна была заменить ее тогой. Так было по крайней мере до тех пор, пока супружеская измена не стала частью хорошего тона.

Вся домашняя прислуга, количество которой зависело от средств хозяев, состояла из рабов и пополнялась или детьми рабов, уже принадлежавших семейству (такие рабы, родившиеся и выросшие в доме, назывались «верна»), или купленными у торговцев рабами, большей частью из военнопленных. При продаже им надевали на голову венки, а на шею вешали дощечку, на которой было обозначено имя, возраст, родина раба и другие сведения о нем.

Положение женской прислуги, обязанной угождать строгой госпоже, было таким же незавидным, как и мужской, а позднее, когда знатные римские дамы утратили женскую мягкость, стало даже хуже.

Рис. 62

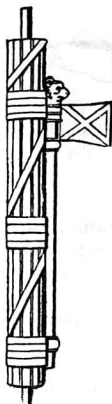

Рис. 63

В иных домах горничные должны были являться к туалету своих хозяек не иначе как с обнаженной грудью, чтобы последние могли чувствительнее вымещать на них свой гнев. Вообще, одежда рабынь была довольно скудной. Следует заметить, что служанки, чтобы не натереть руки корзинками и т. п., носили особые наручники (рис. 61).

С той же пышностью, какой богатые римляне любили окружать себя в жизни, сопровождали они и погребения своих умерших. Эта пышность, перенятая знатными патрицианскими родами у этрусков, обладавших уже выработанным погребальным ритуалом (рис. 62), приобрела такие размеры, что уже закон Двенадцати таблиц счел нужным ограничить ее. Закон этот запрещал умащивать трупы с помощью наемных людей, класть в могилу золото, венки и какие-либо вещи, кроме изголовья и трех отороченных пурпуром одеял, складывать костер из обработанных брусьев, орошать его вином и окуривать благовониями. По закону не разрешалось нанимать плакальщиц, а число флейтистов в погребальной процессии ограничивалось десятью.

Обряд предания тела земле существовал в Риме раньше сожжения и предпочитался многими и в сравнительно позднее время, пока вновь не стал господствующим обычаем, каким и был в старину.

Для сожжения готовили костер. Положив на него тело, покойнику снова открывали глаза, обливали его драгоценными маслами, обкладывали венками и разными приношениями. Затем ближайший из

Рис. 64

Рис. 65

родственников брал факел и, отвернувшись, зажигал костер. Следуя этрусскому обычаю, на больших похоронах, пока горел костер, происходили гладиаторские бои, оканчивавшиеся вместе с сожжением.

Дав сгореть костру вместе с лежащим на нем телом, гасили тлеющую золу, мыли руки и, призывая тень умершего, собирали его пепел, который потом опрыскивали вином и молоком, высушивали полотенцами и, смешав с благовониями, складывали в урны. Церемония оканчивалась обращением к тени умершего и окроплением присутствующих освященной водой, после чего произносилась короткая формула *ilicet* (т. е. *ire licet* — пора идти), и все расходились.

Рис. 66

Государственно-должностные отличия у римлян были почти такими же, как во времена царей. Но ни о происхождении этих отличий, ни об их форме мы никаких достоверных сведений не имеем, поэтому, чтобы составить о них хоть приблизительное представление, обратимся к сравнению описаний должностных отличий, встречающихся у римских авторов, с их описаниями, относящимися к более позднему времени.

На основании этого можно предположить, что знаки власти у древних царей были подобны таковым у всех древневосточных властителей. Это утверждение может показаться противоречивым, однако гражданская, или национальная, римская одежда, как ее называют древние авторы, не была похожа на официальную тогу.

Скорее всего, под словом «тога» авторы имели в виду вообще верхнюю широкую одежду. Это предположение подтверждается изображениями римских сановников, которые дошли до наших времен в большом количестве. Все они представлены в плащах (или мантиях), застегивающихся на плече пряжкой.

Верхней одеждой древних латинских царей была трабея, ставшая позднее официальной одеждой римских всадников. Одежду римских царей, как и в более поздние времена, украшала не только пурпурная обшивка, но и золотая вышивка. Драпироваться и ниспадать свободными мягкими складками, как обычная гражданская тога, она не могла, поскольку была слишком плотной. Даже парадная одежда римских сановников, с пурпурной оторочкой, тоже имела вид простого плаща, и только в такой форме ее можно увидеть на изображениях.

Кроме названных одеяний — древнелатинской трабеи, отороченной пурпуром «тога претекста» и протканной золотом тоги пикта, принадлежавших к убранству этрусских царей, к нему же причисляют тунику, вышитую пальмами, которую у римлян носили триумфаторы. От этрусков ведут свое начало и другие знаки отличия, бывшие в ходу у римлян: булла (амулет, рис. 42), дубовый венок из золота, скипетр из слоновой кости с орлом — птицей Юпитера —

Рис. 67

наверху, богато украшенное сиденье из слоновой кости, или курульное кресло, и ликторская фасция — связка прутьев с привязанным к ней топором (рис. 63): «символ соединения высшей судейской и воинской власти с неограниченной карательной». При публичных выходах царя перед ним шествовало 24 ликтора, каждый из которых нес такую связку.

Поскольку римский царь как избранный народом правитель (рекс), повелитель (диктатор) и вождь (магистр попули) не был ограничен в своем полномочии (империи) никаким правительственным органом, а все состоявшие при нем должностные лица полностью от него зависели и им назначались, то во времена царей у римлян не могло быть никаких государственно-должностных знаков отличия, а существовали только описанные выше отличия патрициев как сословия, членов совета старейшин и конных воинов (всадников).

Известно, что в более поздние времена всадники носили трабей и золотые кольца, а сенаторы — цветную обувь, поэтому можно предположить, что и одяние сенаторов царского периода состояло из туники с широкой пурпурной полосой на груди и цветной обуви, которую предание также возводит к этрускам. Эта обувь — полусапоги, прикреплявшиеся к ноге четырьмя ремнями, обвивавшимися вокруг икры (ср. рис. 3; рис. 20, б), — делалась из красной кожи (в отличие от обычной обуви патрициев, которая была черного цвета).

После изгнания царей и последовавшего за ним учреждения республики жреческие обязанности царя были возложены на особого сановника — духовное лицо, не имевшее права ни на какие светские должности и к тому же подчиненное власти первосвященника. Для отправления правительственных, военачальнических и верховносудейских обязанностей ежегодно избирались народом два сановника, которые назывались военачальниками (преторами), или судьями, или просто товарищами (консулами).

Рис. 68

Управление государственными делами лежало на сенате и двух консулах. Консулам были присвоены и некоторые (впрочем, немногие) из знаков царской власти, а именно: тога с пурпурной каймой (впоследствии и белая обувь) и 12 ликторов (из 24 царских), которые шествовали перед консулами со своими фасциями, но без топоров — в черте города (по закону Валерия от 509 г. до н. э.).

В случаях особой важности, когда государству угрожала внешняя или внутренняя опасность, избирался чрезвычайный сановник — диктатор, которому вверялась неограниченная власть и который не подчинялся народу. Чтобы предотвратить, однако, возможность возвращения монархии, диктатор мог оставаться на должности всего шесть месяцев, по истечении которых должен был сложить свои полномочия. Диктатор тоже носил тогу с пурпурной каймой, как и консулы, но официальную свиту его составляли не 12 ликторов, а 24, и фасции, которые они носили перед ним, были с топорами.

По сохранившимся консульским диптихам (рис. 64, 65) видно, что официальную одежду консулов составляла вышитая золотом тога, такая же туника с пальмами и золотые ботинки. Консулы носили золотой скипетр и восседали на курульных креслах; в особенно торжественных случаях фасции ликторов, шествовавших перед ними, были с топорами и увиты лавровыми ветвями, сами же ликторы были одеты в пурпурные туники.

Подобная участь постигла и другие должности. Должности претора, квестора, эдила и даже могущественного некогда народного трибуна превратились просто в почетные звания. Впрочем, среди всех этих должностей различались лица, состоявшие на действительной службе (функты), и лица, имевшие только почетный титул с присвоенными ему знаками отличия — «орнаментами» преторов, эдилов и квесторов (рис. 65, а, б; рис. 64, б). Трибуны же и при императорах оставались без всяких «орнаментов».

В то время как старые должности поглощались императорским всевластием, возникали новые, создаваемые этим всевластием, чтобы служить ему. А так как уже со времен Цезаря верховная власть опиралась преимущественно на войско, то и эти новые должности имели военный характер, хотя ведали и делами городского управления. Самой высшей из них была должность префекта претории, или начальника императорских телохранителей; затем следовали должности градоначальника, начальника стражей и начальника рыночной полиции.

Рис. 69

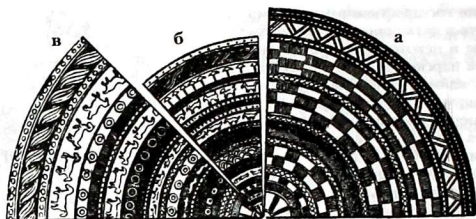

Рис. 70

Одежда этих чиновников, как и сопровождавших их ликторов (рис. 66 а, б), приближалась к военной. Они носили военный плащ и пояс из красной кожи, застегивавшийся золотой пряжкой (рис. 67, а, в). При императоре Константине им было дано гражданское одеяние, но с особенным отличием, состоявшим в перевязи через плечо (рис. 68; рис. 69, а—в).

Все императоры после Августа, основателя монархии, по крайней мере до Домициана, продолжали в одежде следовать моде или же добавляли к ней какие-нибудь детали сообразно своему вкусу, но собственно царских знаков не имели.

Домициан принял пурпурную тогу в качестве бессменного цензора — новой должности, для себя учрежденной. Такую же тогу носили все императоры до Диоклетиана, который превратил в церемониальное одеяние любимый наряд своего предшественника, Гелиогабала, состоявший из богато вышитой одежды и унизанной жемчугом диадемы, с такой же обувью, золотыми браслетами и другими драгоценностями. В таком виде это роскошное облачение перешло к Константину, который, будучи восточным императором, сделал его еще пышнее.

Вооружение

О начале и постепенном становлении военного дела у римлян известно мало. Единственным, хотя и крайне недостаточным источником остается предание, сохраненное римскими авторами. Даже о более позднем его развитии, со времен Мария до Августа, сведения очень противоречивы, так что, собственно говоря, настоящее исследование может опираться только на те из них, которые относятся к императорскому периоду. То же можно сказать и о происхождении и постепенном усовершенствовании оружия у римлян и этрусков.

Как ни малы и незначительны уцелевшие обломки древнего оружия и его изображений, по ним все же можно узнать, что между оружием этрусков и римлян существовало различие, как существовало оно между их одеждой и украшениями: римское оружие, даже будучи подражанием греческим формам, носит на себе особый, чисто римский отпечаток, тогда как этруское выдает восточное происхождение.

Рис. 71

Воинское облачение в Италии первоначально делали из кожи, и греческое название кожи (скитос) римляне перенесли на одну из форм щита (скуту). Главным местом выделки оружия и воинского облачения был древний город Ареццо.

Воинское облачение римлян во времена Сервия Туллия состояло из тех же частей, что и облачение греков, т. е. из щита, шлема, нагрудника и поножей. О различии между римским и этрусским оружием и снаряжением свидетельствуют бронзовые щиты, в частности найденные в этрусской гробнице. Своей круглой формой эти щиты похожи на древневосточные, кельтские и греческие, орнаментацией и ее характером сходны с азиатскими, и влияние восточного искусства в них так же очевидно, как и в этрусских украшениях. Такими же круглыми щитами вооружены почти все древнеиталийские воины, представленные на этрусских картинах и скульптурах.

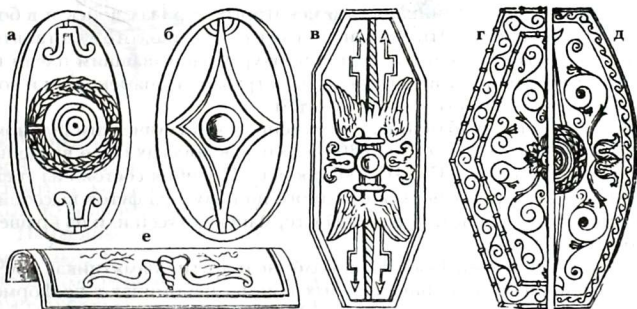

Рис. 72

Что касается формы римских щитов, то, по описаниям древних авторов, старинные щиты были четырехугольные, потом вместо них появились заимствованные у этрусков круглые, а при Сервии Туллии — заимствованные от самнитян большие щиты (скута).

О скуте, весьма часто встречающейся на изображениях, Полибий рассказывает, что это был щит, обтянутый кожей, длина его доходила до 4 футов при 2 футах ширины. Делался он из досок, соединенных так, что поверхность щита образовывала полуцилиндрическую выпуклость. Со времен Камилла его стали обивать по краям металлическим ободом, позднее (как пишет Ливий и подтверждают изображения) форма его изменилась и из четырехугольной превратилась в восьмиугольную.

На памятниках императорского периода мы видим эти щиты уже не столь большими, с богато украшенной поверхностью: середину его обычно занимала выпуклость, от которой шел во все стороны орнамент (рис. 72, а—е), иногда (большей частью, вероятно, на плоских щитах отборных войск, рис. 72, а—д) из благородных металлов. Впоследствии щиты каждой когорты носили одно и то же украшение, отличное от щитовых украшений других когорт, а на внутренней стороне щита было вырезано имя солдата, название его когорты и центурии.

Аргосский аспис, круглый щит, похожий на древнегреческий, был весь из бронзы и употреблялся также фаллисками. Кроме названных видов щита у римлян был еще легкий круглый кожаный щит диаметром в один фут, называвшийся «парма»; им были во-

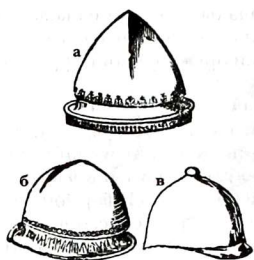

Рис. 73

оружены легкие войска. При императорах этот щит был заменен небольшим овальным с металлической накладкой (рис. 72, а, б). Подобно греческим, все римские щиты были снабжены с внутренней стороны двумя рукоятями (ср. рис. 75, а).

Древнеиталийские (этрусские) шлемы, как видно по сохранившимся образцам (рис. 73, а—в), иногда с надписью на этруском языке (рис. 73, б), были бронзовыми и имели форму азиатских шишаков. Некоторые из них были дополнены забралом в виде маски; на статуе, найденной в Сардинии, шлем снабжен рогами — древнейшим украшением азиатских шлемов (ср. рис. 57). Шлемы на этруских вазах формой похожи на древнегреческие и отличаются от них высоким гребнем — украшением, приписываемым Ливием самнитам.

Вместо шлемов римляне первоначально использовали шапки из меха или кожи, сохранившиеся в некоторых отрядах войск и в более позднее время. Эти шапки не следует, однако, отождествлять с тем головным убором из звериной шкуры, закрывавшим плечи и спину, который при императоре носили трубачи и знаменщики и который был их отличительным нарядом.

Во времена Республики шапки заменили металлическим шлемом с высоким плюмажем, а около 367 г. до н. э. в войсках были введены специальные шлемы. Плюмаж во времена Полибия состоял из трех красных или черных перьев от одного до полутора футов высотой. Позднее его стали делать из перьев германских гусей или из крашенных конских волос.

Изображенные на Траяновой колонне и других памятниках шлемы начальников и вообще знатных воинов напоминают по форме греческие, между тем как шлем простых солдат похож на кожаную шапку, обложенную металлическими полосами (рис. 74, а, е). По свидетельству Арриана, всадникам даны были императором Адрианом

Рис. 74

Рис. 75

железные позолоченные шлемы с забралом и длинной красной гривой, а другие авторы пишут, что с этого времени до правления Константина легионы до такой степени изнежились, что вместо тяжелых шлемов носили паннонские шляпы.

Найденные в Греции и в этруских гробницах остатки кирас показывают, что бронзовые латы были известны итальянцам с очень позднего времени. Об этом свидетельствуют и бронзовые фигуры, выполненные очень искусно. На некоторых фигурах кирасы изображены чешуйчатыми и дощатыми, составленными по древнеассирийскому способу из отдельных блях и пластинок (рис. 75, а, б).

На различных картинах и скульптурах встречается воинское облачение, очень похожее на греческое более позднего периода. От греков оно, по всей видимости, и пришло к римлянам. Римское название кирасы — лорика — дает основание для предположения, что первоначальное римское вооружение было кожаным. Предположение это подтверждается и изображениями простых воинов императорской эпохи (например на Траяновой колонне).

Большая часть рядовых ратников носила кожаные куртки, простые (рис. 76, г) или на плечах и вокруг туловища покрытые металлическими пластинками (рис. 76, а, б, в). Так как эти пластинки были железными, то и сами кирасы, из них составленные, назывались «лорика ферра» (от «феррум» — железо). Иногда носили одни наплечники без пояса, иногда наоборот.

Кольчуги и чешуйчатые кирасы (рис. 76, д) составляли облачение отборных отрядов и высших воинских чинов. Военачальники и вообще знатные воины могли выбирать себе облачение по собственному вкусу и средствам, поэтому на дошедших до нас статуях полководцев поражает не столько разнообразие их вооружения, сколько художественность его украшений и отделки (рис. 77, а, б; 78, а, б, в).

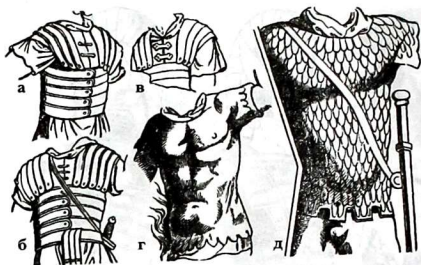

Рис. 76

Пояс, которым опоясывали кирасы, делался из гибкой листовой бронзы (такие пояса найдены в могилах) или, как видно по статуям, из очень крепкой и плотной материи (рис. 77, а, б; рис. 78, а, б).

Поножи дошли до нас тоже в нескольких экземплярах, некоторые из них прекрасно сохранились (рис. 79, а,

б). Все они бронзовые и до сих пор еще не потеряли своей гибкости. На иных видны надписи на этрусском языке. Римские поножи выстилалась с внутренней стороны шерстяной подкладкой. Воины, вооруженные большими щитами, носили поножи только на правой ноге, которая не была закрыта щитом. Поножи военачальников и знатных воинов отличались, как и остальное их вооружение, богатой отделкой (рис. 80). Лучники, состоявшие в римском войске (преимущественно азиаты), носили наручи на правой руке.

Военной обувью были толстые башмаки. Но военачальники нередко заменяли их сандалиями с украшениями, о чем свидетельствуют многочисленные изображения полководцев и консулов.

Между оружием нападения у этрусков и римлян различий было меньше. Главным оружием тех и других были меч и копье, по всей вероятности, одинаковой формы. Все известия об изменении формы римских мечей и копий относятся к более позднему периоду самостоятельного развития римского войска.

Из различных видов римского копья под общим названием «гаста» древнейшим было, вероятно (что показывают и лингвистические исследования), длинное и тяжелое копье.

Бронзовые наконечники таких копий дошли до нас. По свидетельству Дионисия, эти копья были главным оружием этрусков и походили на древнегреческие длинные копья.

В римском войске они были введены Сервием Туллем. Как у этрусков, так и у римлян были, кроме того, на вооружении легкие копья и дротики.

Рис. 77

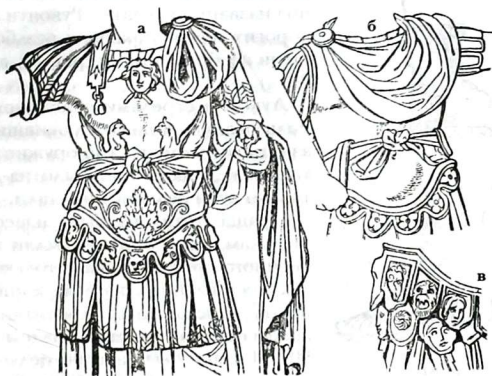

Рис. 78

Во время диктаторства Камилла по его распоряжению было введено новое металлическое оружие — пилум. По свидетельствам римских авторов, оно состояло из круглого или четырехугольного древка 4 фута длиной и такой же длины железного наконечника. Наконечник был до половины расщеплен, расщепом насажен на древко и прикреплен к нему гвоздями таким образом, что оружие, вонзаясь в цель, изгибалось от собственной тяжести и становилось непригодным для употребления, поэтому и не могло служить неприятелю. При Марии одну половину расщепя приколачивали к древку наглухо или же заменяли расщеп трехгранным острием, которое всаживали в древко до половины и заклепывали. Во времена Полибия наконечник пилума имел крючок (как острога), а древко оканчивалось железным острием. Для усиления удара к древку прикреплялась ременная петля.

Мечи, как видно по сохранившимся экземплярам и обломкам, изготовляли не только из железа, но также из твердой и малогибкой бронзы. О происхождении этого оружия говорит этрусское название перевязи, на которой его носили, — «балтус».

У римлян были в употреблении мечи различных форм: длинные с тупым концом — галльские, короткие (около двух футов длиной) и обоюдоострые

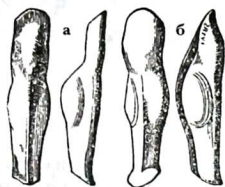

Рис. 79

остроконечные — испанские (рис. 82, б—г, и).

Носили меч на поясе или на перевязи через плечо и до правления Веспасиана почти всегда на правом боку, пока не вошло в обычай вместе с мечом носить и кинжал. Он занял место меча, а меч был перенесен на левый бок. Иногда меч подвешивался так высоко, что рукоять его доходила до плеча (рис. 83). При Адриане были

Рис. 80

Рис. 81

введены очень длинные мечи, известные под названием «спата». Рукояти и ножны дорогих мечей украшали резьбой и разными изображениями (рис. 82, а; ср. рис. 84, в).

Луком и стрелами в римской армии пользовались только служившие в нем азиаты, поэтому и само оружие осталось таким же, каким оно было на Востоке, только луки делались из стали.

Праща, хотя она была известна уже этрускам, приобрела у римлян значение военного оружия сначала только в отрядах, составленных из чужеземных наемников — испанских островитян, славившихся своим искусством владеть пращей. При Траяне был заведен целый корпус пращников, и простая праща, состояв-

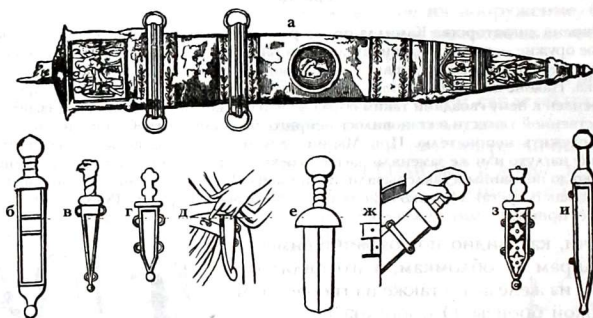

Рис. 82

Рис. 83

шая из ременной петли (рис. 86), была заменена усовершенствованной пращей, с огромной силой метавшей камни, свинцовые шары и зажигательные снаряды.

Топоры, секиры, молоты и т. п. применяли как оружие только в случаях необходимости. Изображения этих орудий на памятниках императорской эпохи дают понятие об их форме, а многочисленные экземпляры, добытые на раскопках, показывают, что для их изготовления использовалось преимущественно железо, реже бронза.

Римская военная одежда

Первоначально пешие воины Рима носили тогу, а конные — трабею. Чтобы эта широкая одежда не стесняла движений, ее надевали особым образом: тогу так, что конец ее, который обычно закидывался через плечо назад (ср. рис. 14, а—в), стягивали вокруг тела (рис. 85, б). Такая манера опоясывания тоги и трабеи сохранялась в римском войске во всех тех случаях, когда воины должны были являться в тогах. Затем тога уступила место той одежде, которая была принята в римском войске еще во времена императоров.

При них простые ратники носили тунику без рукавов, шерстяной плащ (сагум) (рис. 86) и узкие штаны, доходившие до колена (рис. 88, б; рис. 89), позднее, может быть при Адриане, эти штаны были заменены длинными шароварами, а безрукавные туники — туниками с длинными рукавами и даже двойными туниками (рис. 87, а—в).

Одежда начальников отличалась от солдатской качеством материала и тем, что их плащи были длиннее и шире (рис. 88, а). Главнокомандующие армией (консулы и императоры) носили пурпурный плащ, называвшийся «палудамент» (рис. 89), остальная их одежда была обычная военная. У центурионов была еще толстая палка из виноградной лозы, которой они наказывали солдат (ср. рис. 88, б). Отличием полковых музыкантов и знаменосцев были при Траяне уже со времен Августа львиные шкуры, покрывавшие им голову и спускавшиеся по спине (рис. 90, а, б; рис. 91, а).

Состоявшие при легионах музыканты разделялись на трубачей, которые играли на трубе (рис. 91, б) сигналы к нападению и отступлению, горнистов, обязанностью которых было подавать в длинный рог знак к выступлению в поход (рис. 91, а; рис. 87, а), и, наконец, буцинаторов, трубивших по ночам смену стражи. У конных трубачей были короткие, загнутые на конце трубы (рис. 91, в).

Некоторые более поздние авторы сообщают, что в древнейшие времена римляне не знали никаких знамен и полевых знаков, а заменяли их пучком сена, привязанным к шесту, от чего, по мнению этих авторов, произошло и само название знамени — «манипул» (горсть чего-нибудь). Это толкование было, однако, отвергнуто и заменено другим, которое сравнивает слово «манипул» с юридическим термином «манум» (власть, рука) и с ним же связывает металлическую руку, изображенную на римских штандартах (рис. 90, в).

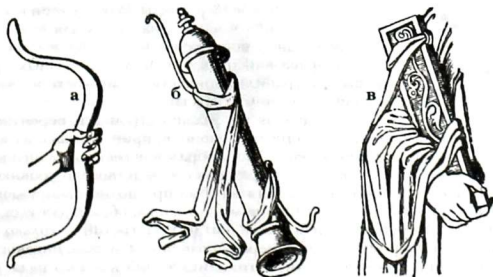

Рис. 84

До Мария в римском войске не было общего знамени. Он первый ввел изображение орла, которое и осталось до конца общим для знамен всех легионов (рис. 92, а), несмотря на то что каждая когорта имела и свой собственный знак. Этими знаками были или небольшие четырехугольные знамена (у конницы белого, красного и пурпурного цвета), подвешенные к горизонтальной перекладине (рис. 92, б), или штандарты, на которых были прикреплены одно под другим металлические изображения (рис. 92, а—в; рис. 90, а—г).

Иногда штандарт соединяли на одном древке со знаменем и орлом (рис. 92, в) или водружали над ним одного орла (рис. 93, а—в), что могло иметь особое значение.

В мирное время орлы хранились в казнохранилище, а в лагере — в особом помещении, которому было присвоено право убежища, т. е. всякий укрывшийся в нем считался неприкосновенным. После победы Константина над Максентием прежнее римское знамя было заменено штандартом с изображением креста и монограммы имени Христа.

Рис. 85

Деление римского войска

Первоначально народ, разделенный на три больших племенных союза (трибы) — Рамнов, Тициев и Луцеров, был обязан выставлять из своей среды определенное количество вооруженных людей. Каждая триба выставляла 100 всадников и 1000 пеших ратников, и все войско состояло первоначально из 300 всадников под началом трибуна и 3000 пехотинцев, управление которыми было разделено между тремя военными трибунами.

Сервий Туллий изменил существовавшее до него устройство войска. Он ввел фалангу, подобную македонской, разделил воинов на разряды на основании введенного им имущественного ценза и назначил для каждого разряда определенное вооружение и место в боевом строю. Уравняв права клиентов с правами свободных граждан, он распространил и воинскую повинность на всех оседлых или зажиточных граждан.

Введенная им фаланга строилась, вероятно, в восемь рядов, так что каждые два ряда состояли из воинов, принадлежавших к одному из четырех разрядов, подлежавших цензу. Таким образом, в состав фаланги входили все 4 разряда, причем вооружение каждого разряда соответствовало уровню его ценза. Первый разряд, состоящий из самых богатых, был при полном вооружении, то есть имел шлем, кирасу, щит и поножи (кроме меча и копья, общих для всех разрядов), второй разряд — шлем, поножи и большой щит (скуту), третий — только шлем и поножи и, наконец, четвертый — только деревянный щит или даже никакого оборонительного снаряжения. Нужно заметить, что длина копий каждого ряда, начиная со второго, увеличивалась в соответствии с удалением этого ряда от переднего.

Кроме этих четырех разрядов воинов Сервий Туллий образовал отдельный отряд, который был вооружен одними дротиками и нес стрелковую службу. К нему при-

мыкал запасной отряд пращников, которые не считались строевыми ратниками.

Усиливая пехоту, Сервий Туллий не упускал из вида и конное войско, но, назначив ему в строю место по бокам фаланги, он этим умалил его прежнее значение в бою, несмотря на добавление к нему 12 новых центурий, — отчасти состоящих из плебеев. Кроме конницы при каждом легионе находилось определенное число кузнецов, медников, плотников и трубачей, которые все вместе составляли 4 центурии. Конница также имела своих трубачей.

Такая организация войска продержалась до Камилла (460 г. до н. э.), который из-за войны с галлами заменил фаланговый строй манипулярным или отрядным и, как уже говорилось, частично изменил и само вооружение войск: ввел стальные шлемы, обитые железом щиты

и предписал использовать вместо меча тяжелый дрот — пилум (иначе говоря, рукопашный бой заменил боем на расстоянии).

При нем же войска начали получать жалованье, что дало возможность к прежним центуриям всадников добавить новый конный корпус, распределив его по легионам. Эти нововведения, взятые вместе, дают основания предположить, что и вся военная тактика римлян в это время была преобразована.

Во времена Полибия состав легионов, а вместе с тем и вооружение их определялось уже не цензом, а преимущественно годами службы. На этом основании войны разделялись теперь на 4 разряда: гастаты, принципы, триарии и велиты.

Из них только велиты набирались по цензу (самому низшему), остальные же делились по годам службы на младших, средних и старших. Только три первых разряда носили полное вооружение: шлем с высоким плюмажем, обитый железом щит, поножи и кирасу (у первого разряда были еще кольчуги или чешуйчатые панцири).

Кроме испанского меча, которым были вооружены все четыре разряда (и велиты тоже), у гастатов и принципов были тяжелые дроты (пилумы), у триариев — только копья (гаста), а у велитов, оборонительное вооружение которых состояло из кожаной шапки и легкого круглого щита, — по несколько легких дротиков.

На распределение оружия повлиял тактиче-

Рис. 86

Рис. 87

Рис. 88

Немалое влияние на расчленение римской армии и вооружение ее отдельных частей оказало принятие в нее союзных войск (социев) и вспомогательных. Первоначально соции (сначала только побежденные латиняне) включались прямо в войско, но затем союзные города и латинские колонии обязаны были только поставлять вспомогательные отряды. Положение их в римском войске никогда не было самостоятельным. Они были разделены на когорты, каждая со своим особым знаменем, и в боевом строю занимали место на флангах. Это продолжалось до тех пор, пока соции вместе с правом римского гражданства не получили права служить настоящими легионерами.

Особую часть войска составлял отборный отряд главнокомандующего. В нем служили ветераны, поступавшие на службу добровольно и получавшие жалованье, молодые люди знатных фамилий, союзники и, наконец, всадники.

По отношению к действительной службе солдаты разделялись на обязанных служить и свободных от службы (строевых и нестроевых). Лагерная служба заключалась преимущественно в шанцевых работах и в караулах. Она была трудной, тем более что и на земляных работах солдаты должны были оставаться в полном вооружении.

Но еще обременительнее был для них сам поход, поскольку в походе каждый солдат должен был нести на себе не только всю свою амуницию, но еще несколько кольев для устройства окопов. Некоторые отряды, кроме всего этого, несли на себе различные орудия и снаряды для земляных работ — корзины, лопаты и т. п. Чтобы облегчить переноску такого груза, который еще при Вегеции весил 60 римских фунтов, Марий велел солдатам привязывать его к шесту и нести шест на плече, вероятно, так, как это изображено на Траяновой колонне (рис. 94, а).

Другой способ передвижения багажа с помощью ручной тележки показан на найденной в Сардинии бронзовой статуэтке этрусской работы (рис. 94, б).

Развитию военного дела у римлян существенно способствовали их войны с кимврами и тевтонами. Они показали всю несостоятельность

Рис. 89

их военной тактики, недостатки которой обнаружались отчасти уже в третью македонскую войну. Чтобы устранить эти недостатки и вообще поднять ослабевший дух войска, Марий как консул и главнокомандующий армией предпринял новые реформы.

Войско граждан постепенно заменилось войском наемников, которое служило не столько государству, сколько главнокомандующему, который платил ему жалованье. Вследствие этого не только сам набор ратников стал совсем иным — теперь принимали в армию рабов и гладиаторов, — но изменилась и прежняя организация легионов, и их вооружение.

Рис. 90

При императорах римская армия приобрела характер постоянного войска, которое было подчинено одному императору и управлялось в провинциях его наместниками, а в Риме префектами. Август разделил все военные силы на 4 главных отдела: на легионы, вспомогательные войска, гарнизоны и флот. Командование легионами во время битвы и при Августе вверялось легатам вместо трибунов, которые обычно были преторами и носили сенаторский сан. Прежних военных трибунов не было, однако они состояли при легатах в звании трибунов легиона.

К вспомогательным принадлежали все войска, не входившие в состав легионов, но главную их часть составляли отряды, набравшиеся в провинциях, которые пополняли конницу и отчасти пехоту. По своему вооружению, которое было их национальным, они разделялись на лучников — пеших и конных, копейщиков, панцирников, пращников и щитоносцев. Все эти войска назывались, в противоположность тяжеловооруженным римским, легкими.

По-римски вооруженные всадники носили шлем, кирасу и, как видно по изображению Траяновой колонны (рис. 95, а; рис. 96, а, б), овальный щит (иногда они его не имели), а некоторые были вооружены большими щитами. Оружие их состояло из длинного меча, копья и нескольких дротиков, которые они носили при себе в особом кочане.

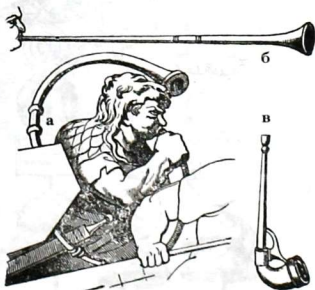

Рис. 91

Рис. 92

Что же касается тех отрядов, которые со времен Адриана были снова присоединены к легионам, то все они были одеты вместо кирас в красные киммерийские кафтаны, носили позолоченные шлемы с подвижным забралом и красным султаном, поножи и легкие щиты. Конская сбруя этих отрядов также была очень красива (ср. рис. 96), к ней принадлежали серебряные и бронзовые нагрудники, цепочки, бронзовые удила и т. п. (ср. рис. 97, а—е; рис. 95, б, в).

При каждой провинциальной армии состоял особый отряд инженеров под руководством префекта.

Для гарнизонной службы как в самом Риме, так и в других городах Италии Август ввел особые когорты, называвшиеся преторианскими. Они состояли под начальством префектов, получали жалованье, как и остальные войска, и служили в лейб-гвардии императора. Кроме преторианской гвардии был другой гвардейский

корпус, составленный из людей различных племен, преимущественно северных. Они носили шлем без султана, овальный щит, меч и копье (ср. рис. 96, а), им прислуживали рабы.

С тех пор как римское войско превратилось в постоянную армию, в нем была установлена строгая дисциплина. Высшая карательная власть была сосредоточена в руках главнокомандующего, судебские обязанности были возложены на трибунов, а исполнение приговоров, преимущественно телесные наказания, поручалось или самим солдатам, или военным ликторам.

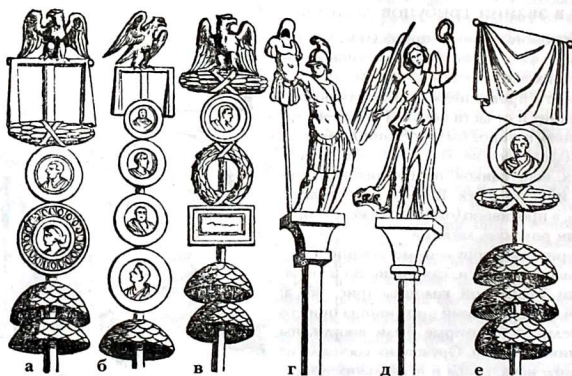

Рис. 93

Наказания были различны: уменьшение жалованья и продолжение срока обязательной службы, разжалование, сопровождавшееся отнятием копья, выставление к позорному столбу внутри лагеря или изгнание из рядов войска и, наконец, телесные наказания и смертная казнь (обычно через отсечение головы). Изменникам и перебежчикам отсекали руки, иногда их обрекали на бой с дикими зверями в амфитеатре.

Разнообразны были и награды. Они назначались главнокомандующим и раздавались обычно еще в продолжение войны, чаще всего в лагере, сразу после сражения.

Они состояли в присуждении отличившимся части военной добычи, в прибавке жалованья и повышении в должности или же в публичной похвале в присутствии всего войска и раздаче почетных отличий, с которыми получившие их имели право являться на всех общественных празднествах.

В древнейшее время таким почетным отличием было копье без наконечника, позднее, в особенности при императорах, стали раздавать в виде награды военные значки пурпурного или другого цвета, вышитые золотом, браслеты, золотые или серебряные цепочки, пряжки, ожерелья, венки и небольшие золотые или серебряные бляшки с вычеканенными на них изображениями.

Эти бляшки прикреплялись к панцирю или кирасе ремнями (рис. 98, а, б), для чего по краям у них были пробиты отверстия. Со времен Каракаллы стали раздавать большие медали, иногда украшенные камнями, их носили на ленте.

Рис. 94

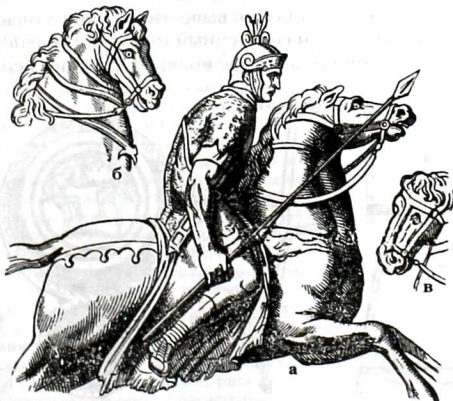

Рис. 95

Рис. 96

Форма почетных венков всегда обуславливалась тем поступком, за который венок давался. За спасение жизни товарища в сражении давался дубовый венок, за взятие приступом стены (городской или крепостной) назначался золотой венок, сделанный в виде стены с башнями, за взятие полевого укрепления тоже золотой венок, обод которого имел форму крепостного вала. Кто в морском сражении всходил первый на неприятельский корабль, получал золотой обруч, украшенный корабельными носами.

Полководцу, которому удалось вывести войско из опасного положения, солдаты подносили сплетенный ими самими венок из травы. Кроме того, за различные военные подвиги давались венки золотые

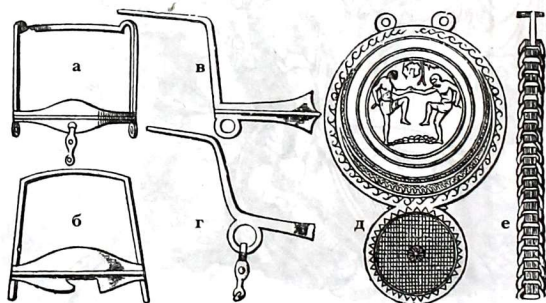

Рис. 97

Рис. 98

и украшенные камнями. Триумфатор получал триумфальный венок, а солдатам, участвовавшим в триумфальном шествии, давали венок из оливковых листьев. Триумфальный венок первоначально был из настоящих или сделанных из золота лавровых листьев, позднее он получил форму зубчатого венка и название «корона радиата». «Корона овалис» назывался венок из миртовых листьев.

Из всех отличий, которыми Рим награждал своих победоносных полководцев, самым почетным был триумф. В назначенный для триумфа день сенат, все городские власти и толпы граждан выходили навстречу триумфатору к триумфальным воротам.

Войдя в город, триумфальное шествие направлялось в Большой цирк и оттуда по священной дороге через форум — в Капитолий. Все улицы, через которые лежал его путь, были украшены цветами, и все храмы в городе открыты.

Впереди процессии шли сенаторы и сановники в полном облачении, за ними следовали трубачи, за которыми несли и везли на повозках доставшиеся от неприятеля знамена, оружие, сосуды, золото и серебро (в монетах и слитках), изображения покоренных триумфатором городов и побежденных им наций, наконец, модели взятых крепостей, кораблей и военных машин.

Этот длинный ряд военных трофеев замыкался знатнейшими пленниками, которые шли попарно, и жрецами, сопровождавшими назначенных для жертвоприношения белых быков.

Непосредственно за ними следовал сам триумфатор, предшествуемый ликторами с увитыми лавром фасциями и приветствуемый восклицаниями: «Io triumphe!» («Ура!»). Он стоял на высокой, богато украшенной колеснице, запряженной четверкой лошадей, на нем была вышитая золотыми пальмами туника и пурпурная тога, на голове лавровый венок, а в руке он держал жезл из слоновой кости.

В Капитолии триумфатор снимал лавровые ветви с фасций ликторов и клал их на колени статуи Юпитера. Затем приносились жертва, и торжество оканчивалось пиром, который устраивали в честь триумфатора сенат и магистраты города. При малом триумфе полководец шел пешком или ехал верхом, он был одет в тогу с пурпурной каймой и увенчан миртовым венком.

Рис. 99

Рис. 100

При Траяне вооружение римского войска изменилось, оно стало легче и удобнее. На относящихся к этому времени изображениях солдаты одеты в простые рубашки (рис. 100, б) или в короткие кожаные куртки (рис. 100, а), полное вооружение больше не встречается, хотя кираса еще преобладает.

Многие солдаты изображены в плащах, на ногах высокие башмаки и штаны, на шее повязки вроде галстука (рис. 101). В коннице также не все солдаты одеты в кирасы. Способ переноски багажа в походах остался прежний, введенный Марием (рис. 94, а).

Большой щит носили за плечами (рис. 102, а), при переправе вброд через реки в него клали оружие и платье (рис. 102, б). Прежнее правило быть на работах в полном вооружении осталось в силе, щит и шлем позволялось, однако, снимать и ставить рядом (рис. 103).

Рис. 101

С уничтожением манипул исчезли и их значки. По крайней мере, при Адриане у центурий были знамена, а у когорт — штандарты, называвшиеся по своей форме, перенятой у чужеземных союзных войск, драконами, отчего и носившие их знаменщики звались драконариями. К фаланге или легиону снова были присоединены конные отряды, как это было прежде. Долго ли они просуществовали, неизвестно, однако при Вегеции их уже не было.

* * *

Институт римских жрецов, как и римский государственный строй, сложился по образцу семьи. Когда отдельные племена не были объединены под единоличной властью, богослужение проводилось в каждой семье самим главой семейства и под его руководством, причем младшие члены семьи служили ему помощниками.

При учреждении общественного богослужения проведение и соблюдение его было вверено особым лицам, которые вместе со своими помощниками и образовали жречество. Его начало древние связывали с основанием Рима, а Нуме приписывали установление жреческой иерархии.

В этой предполагаемой иерархии главой общественного культа был царь, бывший в то же время и жрецом Януса, важнейшего из божеств, чтившихся римлянами. После царя первое место принадлежало трем жрецам: жрецу Юпитера — божества племени Рамнов, жрецу Марса — божества Тициев, и жрецу Квирина — общего божества всех воинов или копейщиков (квиритов). Жрецы эти назывались «фламины» (т. е. возжигатели или раздуватели жертвенного огня, от flare), и каждый отдельно по своему божеству: фламин диакис, марциалис и квириналис.

Рис. 102

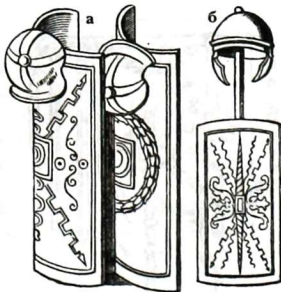

Рис. 103

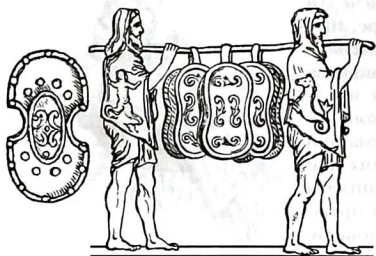

Рис. 104

Над каждыми десятью куриальными фламинами был поставлен декурion, а над всеми ними — главный курион. Проводившееся дочерьми семейств богослужение домашним богам — ларам и пенатам, было введено при Сервии Туллии в общественное богослужение Весте, в жрицы которой выбирались сначала четыре, а после шесть девишек.

Вместе со служением высшим богам возникло служение другим народным богам, представители которого составляли настоящие братства, были товарищами и братьями (фратрами). Таковы были братства салиев (рис. 104) и братство двенадцати «полевых братьев», служившие богине Дие (рис. 107). Салии были жрецами древнего римского божества Марса, а потом сабинского Квирина, в честь которых ежегодно проводился в марте праздник с пляской и песнями.

Арвальские братья служили Дие — творящей богине, которой поклонялись в священной роще, где ее молили о плодородии земли. Кроме этих двух главных братств существовало много других, возникших тоже в очень ранний период из родовых культов. Таково было братство титиев, братство Геркулеса, чествовавшегося в роде Потитиев и Пинариев, и братство жрецов луперков, праздник которых в честь палатинского Фавна приходился на середину февраля и до позднейшего времени сохранил характер шумного пастушьего карнавала.

Древнейшей была коллегия авгуров или австициев, учрежденная Ромулом (рис. 108 — жезл авгура). Главной их обязанностью было определять волю богов по особенностям полета птиц, ударов молнии и другим случайным явлениям. Пока римляне придерживались обычая не начинать никакого важного дела, предварительно не узнав, будет ли оно угодно богам, авгуры пользовались всеобщим уважением, но с ослаблением в народе религиозности их значение поубавилось, а предсказания их утратили былую авторитетность и перестали быть решающими.

Рис. 105

Один из важнейших институтов священнослужителей назывался коллегией понтификов. В их задачи входило, по всей видимости, хранение знаний о мерах, об астрономических вычислениях для установления праздников, о старинных технических приемах, числах и т. п.

Кроме того, существовала не менее древняя коллегия фециалов, или послов, обязанностью которых было следить за соблюдением договоров, заключенных с соседними землями, и освящать традиционными обрядами объявление войны или заключение мира.

Основателем коллегии жрецов предание считает Нуму и ему же приписывает введение в Риме чужеземных культов и назначение необходимых для их отправления жрецов — фламингов.

Жрецы новых или принятых богов назывались младшими фламинами, а служители народных римских богов — старшими фламинами (рис. 106). Впрочем, по мере слияния культов различие это постепенно стиралось и наконец совсем исчезло.

Распространению и утверждению греческих религиозных воззрений в среде римлян особенно содействовали сивильские книги, доставшиеся Тарквинию от кумских греков и содержавшие в себе собрание древнейших греко-азиатских вещих изречений, которые при Тарквинии были объявлены священными.

Для их хранения и толкования собранных в них прорицаний были назначены особые жрецы, число которых первоначально ограничивалось двумя, впоследствии увеличилось до десяти и, наконец, до пятнадцати, что отразилось и в изменении наименования этих жрецов.

Учреждение республики совершенно изменило положение жречества. С одной стороны, все жрецы были поставлены в зависимость от римского сената и стали ему подчиняться, а с другой — были вовлечены в борьбу патрициев и плебеев. По ее окончании они сначала утратили свое прежнее исключительное положение, а позднее и вовсе превратились в обычных служащих, — по закону 104 г. до н. э. высшие жреческие должности стали выборными. После этого нередко случалось, что высшие государственные и высшие жреческие должности занимало одно и то же лицо.

Что касается самой религии, то она не претерпела за это время ощутимых изменений. Ассимиляция чужих, преимущественно греческих, культов продолжалась и привела к тому, что ок. 269 г. до н. э. в стенах Рима появились храмы, воздвигнутые греческим богам. Усиление чужестранных религиозных влияний в ущерб национальным верованиям разрушало внутреннюю опору прежней набожности римлян и способствовало ее перерождению, с одной стороны, в совершенное безверие, а с другой — в грубейшее суеверие.

Один из процессов находил для себя благотворную почву в сочинениях греческих философов, а другой — в мистериях, занесенных преимущественно из Малой Азии.

В одежде римских жрецов, о которой можно судить по достоверным данным более позднего периода, выделяются отличительные признаки, составлявшие принадлежность официального костюма времен Республики, когда жрецы были приравнены к служащим.

Сан жреца Юпитера считался настолько высоким, что были приняты меры, ограждающие его от любой профанации. Жрец Юпитера не мог занимать никаких светских должностей, его образ жизни и одежда были подчинены строгому уставу.

Рис. 106

Рис. 107

Рис. 108

Фламинику, жрица верховной богини Юноны, также была обязана носить свои одежды постоянно. Волосы жрицы, перевитые шерстяной лентой пурпурного цвета, укладывались пирамидально (такая прическа называлась тутулос). При богослужении она украшала голову веткой гранатового дерева (вероятно, символом плодородия), покрывала себя платком темно-красного или синего цвета и такой же вуалью.

Учреждение братства, или общины, салийских жрецов относят ко времени Нумы. При этом царе, рассказывает предание, был найден щит, который сочли упавшим с неба и потому священным. Чтобы сберечь эту святыню от похищения, Нума велел сделать еще 11 точно таких же щитов, которые тоже стали чудодейственными, и поручил хранение всех их палатинским салиям.

Главное торжество салийских жрецов происходило в марте и продолжалось несколько недель. Одетые в туники, медные кирасы и трабеи, с остроконечным шлемом на голове, вооруженные мечами и копьями и со священным щитом на левой руке, начинали салии обход всех римских святилищ под предводительством главы своего братства и песнопевца.

У каждого святилища они останавливались, плясали воинственный танец, ударяя в такт копьями о щиты, и пели песню в сопровождении духовых инструментов. На ночь процессия останавливалась в определенных местах, где были особые помещения для сбережения священных щитов, а жрецов ждал обильный ужин. Община салийских жрецов, в которую принимались молодые люди из патрициев, просуществовала до IV в. до н. э.

О титиях известно, что покровителем, которому они служили, был царь Таций; как представители сабинской святыни они пользовались почетом до периода императоров.

Рис. 109

Сведения о луперках ограничиваются описанием их праздника. Оно проводилось на Латинском холме перед гротом, у входа в который была поставлена бронзовая волчица, и начиналось принесением в жертву коз и собаки и очистительными обрядами.

После жертвоприношений из кож убитых животных нарезали ремни, и луперки, наготу которых прикрывал лишь передник из шкуры, каждый с ремнем в руке, начинали свой бег вокруг Палатина (позже — и других частей города), стегая всех встречавшихся женщин, ибо ремни их считались целебными, излечивающими от бесплодия. От названия ремня получил название сам праздник и месяц, на который он приходился («февруаре» значит «очищать»).

Луперкалии были восстановлены Августом и просуществовали до 494 г., когда епископ Гелазий I установил вместо них праздник Сретенья.

Отличительными знаками арвальских братьев были белая повязка и венок из колосьев (рис. 107, 108). Они служили богине Дие и главное празднество проводили в мае. Оно продолжалось три дня, но не подряд.

До последних императоров коллегия арвалов принадлежала к самым уважаемым и исчезла, по всей видимости, не ранее IV в. (346 г.).

Гораздо больше, чем о братствах, известно о древнем институте весталок, или жриц домашнего, отеческого очага. Весталки, жрицы богини Весты, избирались исключительно из свободнорожденных девочек не моложе шести и не старше десяти лет, без физических недостатков.

Главной обязанностью весталок было поддерживать вечный огонь на алтаре Весты. Эту обязанность они исполняли по очереди. Если огонь сам собой потухал, что считалось чудом и несчастьем, то весталку наказывали (секли), а огонь добывали вновь только трением двух деревянных палочек.

Помимо подобных редких случаев огонь точно таким же способом ежегодно возобновлялся 1 марта. Свой праздник весталки проводили 9 июня. В этот день храм Весты, обычно ни для кого не доступный, открывал свои двери для женщин, входивших в него босыми, чтобы испросить у богини благословения своим хозяйствам.

Этот же день был ежегодным праздником мельников и пекарей, которые украшали свои мельницы зеленью, обвешивали ослов венками и хлебами. Институт весталок прекратил свое существование при императоре Грациане, который в 382 г. конфисковал в пользу государства все принадлежавшее им имущество.

Рис. 110

Рис. 111

Рис. 112

Богослужение римлян, подобно греческому, состояло из молитв и жертвоприношений, сопровождавшихся пением и пляской, а также играми и пирами, которые носили ритуальный характер. Пока римляне оставались верны изначально свойственному им сухому, практическому мировоззрению, внешние формы их богослужения были скромными. Но под греческим влиянием вся обстановка их богослужения стала сложнее и вместе с тем богаче. Это, конечно, не касалось частного богослужения (т. е. молитв и жертвоприношений индивидуальных лиц), в котором, вероятно, соблюдались особенности и римского, и греческого ритуалов. Но общественные богослужения, в особенности игры и представления в честь богов, превратились в обыкновенные зрелища для увеселения народа.

Молитвы и жертвоприношения требовали прежде всего чистоты помыслов и чистоты тела. Чистыми должны были быть и все принадлежности обряда — утварь и дары, приносимые в жертву. Одежда участников религиозного обряда, особенно если он проводился по поводу какого-либо радостного события, тоже была белой, небесным богам приносили в жертву всегда белых животных и только подземным жертвовали черных. Если молились по греческому уставу, то оставляли голову непокрытой, если же по римскому — закрывали ее верхним концом тоги, натягивая до лба (рис. 109, а—в; рис. 110). В походе вместо тоги накрывались плащом, а военачальники — своей мантией. Тога была, по-видимому, уставной одеждой римского ритуала, при греческом обычно одевали тунику, а голову украшали венком.

Молились всегда стоя, повернувшись лицом к востоку. Если обращались с молитвой к богам неба, то поднимали руки кверху, если к подземным богам — касались обеими руками земли. Все это совершали в глубоком молчании, приложив к губам палец. Окончив молитву, поворачивались направо и садились.

Такое же глубокое молчание и сосредоточенность соблюдали при жертвоприношениях, которым всегда предшествовала молитва. Чтобы какое-нибудь дурное предзнаменование, например услышанное слово, не прервало церемонии, она сопровождалась игрой флейтиста, одетого в длинную белую тунику и обычно с венком на голове.

В древние времена не приносили кровавых жертв, а только плоды, соль и мучные кушанья. Обычай жертвовать животных и благоволия возник не ранее последних царей и мало-помалу стал всеобщим, так что в позднейшие времена приносили в жертву почти одних только животных.

Параллельно с этим выработалось деление жертвенных животных по культам и божествам, затем на взрослых и сосущих матку, на крупный и мелкий скот. Для жертв выбирали только таких животных, которые после тщательного осмотра оказывались совершенно безупречными.

Выбранные для торжественного жертвоприношения животные украшались венками из цветов и покрывались попоной, обшитой по краям бахромой. Рога быков и баранов обрачивали золотой жестью (рис. 105). Убранное таким образом животное вели к алтарю, стараясь, чтобы оно не упиралось или не вырвалось, так как и то и другое считалось дурным предзнаменованием.

У алтаря его осыящали, т. е., подняв голову животного кверху, посыпали ее солью. Затем жрец обращался к присутствующим с вопросом: «Agone?» («Пора?»), и, получив в ответ: «Nos age!» («Давайте!»), убивал животное орудием, предписанным культом чествуемого божества, и тотчас же перерезал ему ножом горло.

Кровь животного принимали в жертвенные чаши. Если жертвоприношение имело целью узнать волю богов, то внутренности животного сначала рассматривали гаруспиции, и если в них не оказывалось ничего неблагоприятного, их разрезали на куски и сжигали на жертвеннике, причем на огонь сыпали благоволия и возливали вино. Оставшееся мясо использовали на угощение, следовавшее за жертвоприношением.

Одежда жреца виктимария состояла из одной только юбки, поддерживаемой поясом. Его торс и руки были обнажены (рис. 112, а, в). Те, кто приводил жертвенных животных, носили плащи, плотно обернутые вокруг тела (рис. 112, б). Прислуживавшие при жертвоприношении были обычно в широких туниках (рис. 113, а, б).

Рис. 113

* * *

Церемониальные игры проводились в Риме, по предположениям некоторых авторов, еще при Ромуле и Нуме, которыми и были установлены. Такие игры известны с древнейших времен, однако официальное их учреждение относится все-таки ко времени Тарквиниев. По крайней мере им первым приписывается организация по этрусскому образцу большого городского торжества — Римских игр, для проведения которых Тарквинием Приском было построено и особое помещение — Большой цирк.

Рис. 114

Рис. 115

Эти-то игры и послужили, по всей вероятности, образцом для всех остальных (получивших по месту проведения название цирковых), хотя они значительно отличались от Римских, испытав сильное греческое влияние. Ко времени Тарквиниев относятся также и установление еще одного торжества, которое послужило началомлюбимых римлянами больших игр.

Эти игры отличались от названных выше тем, что проводились не в определенные даты, как те, а устраивались большей частью по обету, данному перед началом какого-либо предприятия на случай его счастливого окончания. Не менее древними были также игры, проводившиеся в честь Юпитера Капитолийского (Капитолийские игры), и, наконец, Плебейские игры, которые устраивались эдилами от лица плебеев.

Впоследствии, с развитием римской жизни, количество игр не только увеличилось, но и сами они приобрели более широкие масштабы. Так, например, Римские игры, которые поначалу были однодневными, к концу Республики превратились в четырехдневные или даже пятидневные.

Для проведения Плебейских игр трибуном Фламинием был выстроен особый цирк, и они получили значение общенародного праздника (220 г. до н. э.). Около 212 г. были учреждены игры в честь Аполлона, в 204 г. до н. э. — в честь фригийской Великой Матери, в 173 г. — в честь Флоры.

Страсть плебеев к зрелищам и играм усилилась при императорах, которые к традиционным играм прибавили новые, превратив игры по случаю в постоянные (например игры, посвященные Церере) или соединив вместе игры, до тех пор проводившиеся отдельно (например учрежденные в 17 г. до н. э.).

Первоначально праздничные игры представляли собой обычные воинские упражнения и состязания в скачках на лошадях и на колесницах, в кулачном бою, а также пляски, соединенные с забавными ми-

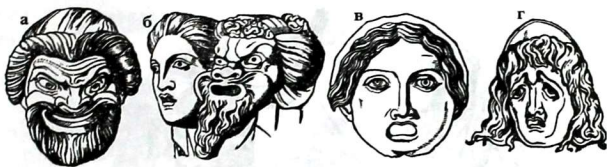

Рис. 116

мическими сценами. Подобные сцены, вероятно, и дали толчок для развития сценических игр, заимствованных римлянами из Этрурии (около 364 г. до н. э.). Впоследствии они были изменены по примеру греческих и превращены в настоящие драматические представления Ливием Андроником — отпущенником греческого происхождения.

Древнейшими из общественных игр были цирковые. К ним принадлежали Консульские игры, праздновавшиеся в августе и декабре, Эквирии, проводившиеся в честь Марса в феврале и марте, Романские игры, установленные в честь трех капитолийских божеств. Начало всех этих игр восходит ко временам царей. Позднее были введены Плебейские цирковые игры в честь Аполлона, Великой Матери, Флоры, затем учрежденные Суллой игры в честь победы и, наконец, при императорах — Августалии.

Игры открывались скачками на колесницах — самой древней, но вместе с тем и самой любимой забавой, потому что волновали зрителей (особенно в позднейшее время) не только ловкость и искусство возниц, но еще больше удача или неудача принимавших участие в скачках партий цирка. Таких партий первоначально было две, но при императорах число их увеличилось до шести.

Партии различались по цвету одежды возниц. Сначала были белая и красная партии. Впоследствии к ним прибавились еще две — голубая и зеленая, и, наконец, при Домициане (впрочем, только на короткое время) появились партии золотая и пурпурная (рис. 114).

Позднее, вероятно в начале IV в., белая партия соединилась с зеленой, а красная с голубой, и из четырех партий образовались две, хотя число цветов осталось то же. Кроме цвета, одежда возниц не представляла ничего особенного. Она состояла из тунники без рукавов, плотно перетянутой поясом, и небольшой шапки.

Каждый возница имел, кроме бича, кривой нож, который у него был заткнут за пояс, чтобы в случае опасности перерезать им вожжи (рис. 115). Хотя возницы обычно принадлежали к низшим классам, иногда были даже из рабов, а их ремесло не пользовалось уважением, они не только получали почетнейшие награды, но и наживали себе чрезвычайное богатство.

Если еще в 292 г. до н. э. победившего возницу награждали по греческому обычаю венком и пальмовой ветвью (на играх коллегии арвалов венки были серебряные), то впоследствии к такой награде очень часто прибавляли большие суммы денег, дорогую одежду, драгоценные вещи и т. п. Но скоро и этого показалось мало: в честь возниц-победителей стали сооружать монументы. Скачки на колесницах, с которыми нередко соединяли вольтижировку на двух лошадях, продолжались до средних веков. По крайней мере, о четырех партиях цирка упоминается еще в IX веке.

За состязаниями колесниц следовали гимнастические игры (для них, впрочем, в Риме существовали устроенные по греческому образцу стадины). Они включали кулачный бой, борьбу и бег. Борцы выходили на арену не обнаженными, как у греков, а в передниках, плотно обвернутых вокруг бедер. Кроме того, в кулачном бою на

Рис. 117

правых руках бойцов, по чисто итальянскому обычаю, были надеты особые перчатки из ремней, переплетенные определенным образом. Победители гимнастических игр получали в награду венки.

После гимнастических игр устраивалась (по крайней мере до конца Республики, позднее о ней не упоминается) старинная игра — род военного маневра, выполнявшегося вооруженными молодыми людьми верхом. За ней следовало (впрочем, только со времен Августа) вве-

денное этим императором действие, исполнявшееся шестью отрядами великолепно одетых всадников, и, наконец, различные воинские упражнения пеших и конных граждан. Участвовавшие в них юноши были одеты в пурпурные туники с медными поясами и вооружены мечами и короткими копьями, вооружение взрослых мужчин дополнялось медным шлемом с высоким султаном.

Бои гладиаторов и звериные травли редко проходили в цирке, а большей частью в амфитеатре. Сценические игры устраивались исключительно в театрах.

Сценическими назывались игры (постоянные и особые, по поводу каких-нибудь торжественных событий), при которых ставились драматические представления. Как уже было отмечено, они начались в Риме около 240 г. до н. э. и до такой степени понравились римской публике, что продолжались иногда по несколько дней подряд.

Рис. 118

Рис. 119

Обычно актеры объединялись в труппы, каждая под управлением своего директора. Все они состояли большей частью из отпущенников или рабов и потому оставались зависимыми от своих господ, которые отчасти держали их для себя, отчасти отпускали внаем.

Все роли до позднейшего времени исполнялись мужчинами, женщины играли только в мимах. Антракты, по крайней мере в комедии, иногда заполняли игрой на флейтах — единственной музыкой, которая допускалась при драматических представлениях.

Главную часть римского театрального костюма, как и греческого, составляла маска, принятая на сцене, однако, не ранее Теренция или около 174 г. до н. э., хотя ее происхождение в Лациуме, может быть, даже более древнее, чем в Греции.

Латинская маска ведет свое начало от тех переодеваний, которые издавна были в обычае у римлян при некоторых празднествах и впоследствии превратились в характерные маски, сохранившиеся до позднейшего времени в народной латинской комедии (ателлане). Эти первоначальные маски были так неуклюжи, что не могли использоваться для серьезных представлений, которые по этой причине сначала исполнялись вовсе без масок, а для обозначения возраста и пола действующих лиц служили различного вида и цвета головные уборы.

При Теренции эти уборы уступили место маскам, введение которых на римскую сцену было вызвано (как и на греческой сцене) увеличившимися размерами театра, а следовательно, и большим удалением актеров от зрителей. Пример греков пришелся кстати. Как и у греков, у римлян были маски, выражавшие характер лица и обозначающие его пол, возраст, положение (рис. 116, а—г; ср. рис. 117), и акустические маски, для усиления голоса, большей частью крайне уродливые (рис. 116, а—в).

О римском театральном костюме, особенно о его соотношении с различным рода драматическими представлениями, известно немного. Вероятнее всего, на римской сцене существовали те же принципы его использования, что и на греческой: в трагедии — длинные, влачащиеся одежды и башмаки-котурны, а в комедии — обыденная одежда, соответствующая положению действующего лица, и низкие башмаки.

Из всех родов драматических представлений древнейшим и самым любимым были ателланы — народные комические сцены, названные так по месту своего происхождения — Ателле, городу осков. Хотя ателлана и сохранила до позднего времени свой первоначальный характер шутки или фарса, импровизируемого молодыми людьми в масках, однако ее играли и настоящие актеры, по крайней мере с 23 г.

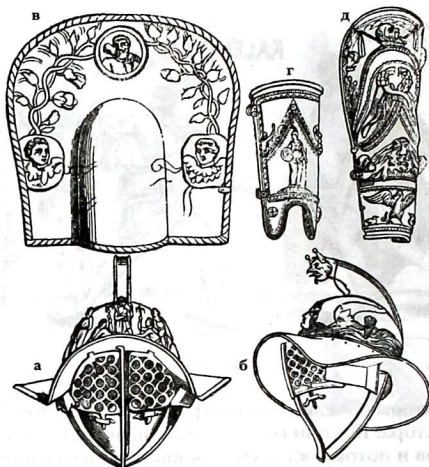

Рис. 120

Мим тоже был разновидностью фарса, но без постоянных характеров, как ателлана, и играли его без масок, в специальном пестром костюме, принадлежностью которого были короткий плащ и фаллос. Комизм фарса усиливался смешными телодвижениями совершенно лысого «паразита» или глупца, который передразнивал действующее лицо пьесы. Эта роль была и оставалась постоянной и характерной ролью мима.

По мере возрастания пышности обстановки действия ослабевал интерес к сути драматических представлений, что превратило их в зрелища низшего разряда. На римской сцене появились и скоро заняли на ней видное место, наряду с фарсом, танцевальные представления вроде балетов, потеснившие комедию и уж конечно трагедию.

Любимейшим из них была пантомима — представление танцами и жестами какого-нибудь драматического сюжета, обычно заимствованного из мифологии и преимущественно любовного содержания. Пантомима исполнялась только одним актером или танцовщиком, который представлял всех действующих лиц, мужчин и женщин, последовательно, одного за другим, меняя маски, и с помощью хора и, может быть, нескольких статистов доводил таким образом пьесу до конца.

Кроме драматических танцев на римской сцене давали мимические представления, состоявшие в пении какого-нибудь стихотворения, сопровождаемом элементами драматизированной игры, или в пении с игрой на цитре, или, наконец, в настоящем хоровом пении с инструментальным аккомпанементом. Певцы выходили на сцену обычно в масках и в особом костюме. Игравшие на цитре — в длинной и широкой одежде с узкими рукавами, высоко подпоясанной, и в плаще, застегнутом на плечах пряжками. Победители в музыкальном состязании награждались, по греческому обычаю, только дубовым или оливковым венком (рис. 118).

Амфитеатровые игры начались при Цезаре, которому приписывают создание первого амфитеатра. До него бои гладиаторов происходили обычно в Большом цирке или просто на площадях. Построенный Цезарем деревянный амфитеатр скоро оказался мал и был заменен более обширным каменным, который сгорел. Вместо него и было наконец выстроено громадное здание, остатки которого целы еще и до сих пор, — Колизей.

С тех пор как бои гладиаторов утратили свою связь с культом мертвых и превратились в зрелище, без них не обходилось ни одно публичное торжество, хотя постоянными они были лишь при немногих праздничных играх в императорскую эпоху.

При Августе их устраивали в праздник Минервы, игры которого начинались 20 и заканчивались 23 марта, а позднее и на празднестве в честь Сатурна — Сатурналиях. При первых императорах устройство боев гладиаторов было возложено на двух преторов, выбираемых по жребию, хотя, конечно, гладиаторские бои бывали и на Консульских играх. С 47 по 54 гг. обязанность финансировать гладиаторские бои была передана квесторам, а при Домициане — казначеям и кандидатам в квесторы.

Гладиаторы набирались из самых низших слоев населения, и только при позднейших императорах, которые иногда и сами появлялись на арене, за ремесло гладиатора нередко брались и свободнорожденные, хотя оно продолжало считаться бесчестным. Большей частью в гладиаторов превращали военнопленных, преступников и рабов или нанимали добровольцев по контракту (рис. 119).

Победивших награждали пальмовыми ветками и деньгами. Те же, кто благодаря своей храбрости или счастливому стечению обстоятельств освобождался от появления в амфитеатре, получали в знак этого тупую рапиру, а нередко — и полную свободу.

О предстоящих гладиаторских играх пубliku извещали заранее афишами. Накануне игр все назначенные участвовать в них гладиаторы получали бесплатное угощение. Игры открывались выходом на арену всех гладиаторов. Затем бойцы разделялись попарно. Эдитор (устроитель игр) осматривал вооружение, и начинался, иногда под музыку, показательный бой метательным и тупым оружием. По его окончании трубили (рис. 121, г) сигнал к бою острым оружием.

Хотя вооружение гладиаторов не уступало в разнообразии военному, оно все-таки было предназначено не для настоящего боя, а для амфитеатра (рис. 120, а—д; рис. 121, а—г).

Что касается вооружения отдельных бойцов (иногда выходивших на арену в числе 60 и более пар, причем нередко бойцы одной и той же пары были вооружены по-разному), то у ретиариев, совершенно обнаженных или одетых в туники, оно состояло из рукава на левой руке и кожаного или металлического наплечника на левом же плече. Их наступательным оружием была сеть, которой они старались опутать противника, трезубец и книжал. Они никогда не сражались друг с другом, только с легковооруженными галлиями и мармиконами (два очень сходных вида гладиаторов) и самнитам. Последние имели большой щит, наруч на правой руке, понож на левой ноге, пояс, шлем с забралом (который носили все тяжеловооруженные гладиаторы) и короткий меч.

Рис. 121

Рис. 122

Гладиаторы бились не только один на один, но и группами, стенка на стенку. Робких и отстающих подгоняли плетью или раскаленным железом. Для убитых стояли наготове носилки, на которых их выносили из цирка через особую дверь в споларии. Если в одиночном бою один из бойцов доставался противнику живым, то участь его зависела от эдителя, который решал, должен ли он быть оставлен живым или убит.

В конце Республики решение было предоставлено зрителям, и побежденные гладиаторы обращались к ним за помилованием (миссио). В знак помилования махали платками. В знак осуждения на смерть пригибали большой палец к ладони.

Гладиаторские игры продержались в Западной Римской империи по меньшей мере до начала V в.

Травли зверей проходили тоже в амфитеатрах, притом в богатых декорациях, особенно в позднейшее время, а при императорах — с грандиозным размахом. На этих играх показывали различные представления с прирученными дикими животными и бои зверей между собой, изредка — поединки зверей с людьми.

В последнем случае против зверей выходили на арену хорошо вооруженные bestiarii и венаторы, которые, подобно гладиаторам, обучались своему ремеслу в школах, или преступники, осужденные на растерзание зверями, а потому без всякого оружия. Зрелища эти, несмотря на их жестокость, которая постепенно смягчалась благодаря различным приспособлениям, защищавшим людей, и разрешению бойцам спастись от растерзания ловкостью и быстротой, просуществовали до VI в.

В амфитеатрах, арену которых можно было наполнять водой, устраивали представления знаменитых морских сражений с точным воспроизведением всей обстановки. Чтобы воссоздать большие сражения, были даже вырыты колоссальные бассейны, окруженные сиденьями для зрителей (рис. 122). Навмахия, устроенная Цезарем, представляла сражение тирского и египетского флотов с 4000 гребцов и 1000 солдат. В навмахии, данной в 52 г. императором Клавдием на Фуцинском озере, принимали участие не менее 19 000 солдат, представивших родосцев и сицилийцев.

Постройки

Древнейшие памятники строительства итальянских народов по своему назначению и конструкции принадлежат к так называемым циклопическим или пеласгическим постройкам, следы которых остались в Греции и Малой Азии. Они состоят из остатков колоссальных сооружений для осушения почвы или охраны имущества от нападения врагов, а также из построек более позднего времени,

посвященных культу (например сардинские нураги — ульеобразные сооружения от 30 до 50 футов высотой с камерами и ходами внутри), а также предназначенных для погребения мертвых.

К колоссальным сооружениям для осушения почвы принадлежит отводной канал в Альбанских горах, несмотря на свою глубокую древность до последнего времени выполнявший свое назначение. Правда, его нельзя назвать постройкой в буквальном смысле, так как он высечен в твердой лаве на протяжении почти 6000 футов при 6 футах глубины, но это не умаляет значения труда его строителей. Как и современный ему искусственный обрыв, сделанный в скале по дороге в Палаццо-лу, вероятно, для защиты крепости, он свидетельствует об умении италийских народов бороться с трудностями, поставленными перед людьми природой.

Защищая от неприятеля свое добро, италийцы, как и первые обитатели Греции, строили себе убежища в виде колоссальных каменных оград. Такие ограды, чаще на возвышенностях, встречаются в восточной Швейцарии, но намного больше их в Италии, где они рассеяны по всей древнелатинской равнине, в древнеэтрусских землях и в Альбанских горах.

Для построек употребляли известняк, прямослойный туф и пеперин. Ворота древних укреплений образованы, подобно древнегреческим, из двух каменных столбов и массивной каменной перекладки. Некоторые из них сложены из горизонтальных плит, сведенных вверх остроугольной аркой.

Такой способ кладки повторяется и в других древнеиталийских постройках — в сардинских нурагах, в древнем Тускулуме, в так называемом Туллинауме в Риме (рис. 123).

Таким же способом построены древнегреческие куполовидные сооружения — сокровищницы Атрея и Миниаса. Он представляет собой попытку высвободить большее пространство под тяжелой горизонтальной крышей, не ослабляя ее прочности. В дальнейшем

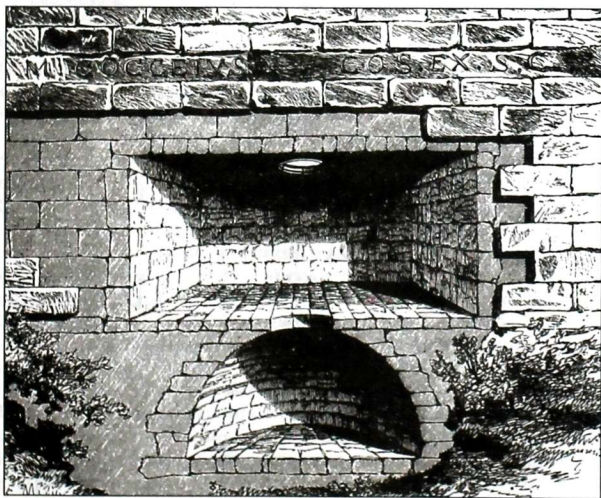

Рис. 123

Рис. 124

италийцы, уже без греческого влияния, научились строить арки из клинообразных камней. Многие из древних ворот (например в Вольтерре и в Перудже), подземные отводные каналы и большая клоака в Риме накрыты арками и сводами, сложенными из клинообразных камней.

Большая клоака служит древнейшим примером применения этой кладки для создания коробового свода колоссальных размеров. Этот свод был известен египтянам и ассирийцам, изобретение его приписывалось греческому

архитектору, но италийцы первые сумели оценить его значение в постройках. Правда, они не применяли его при постройке зданий. Для этого им не хватало не только способностей, но и потребности в культовых сооружениях, так как они считали божество бестелесным, неизобразимым и не связанным с определенным пространством.

Что касается этруских храмов, впоследствии послуживших образцом для римских, то можно предположить, что они обязаны своим происхождением народу разннэ, вторгшемуся в Этрурию и имевшему культовые здания, вероятно, в виде деревянных хижин. Строительная деятельность италийцев ограничивалась названными колоссальными сооружениями и простыми деревянными постройками для обыденных нужд.

Архитектурные строения стали появляться у них приблизительно с 150 г. до н. э., т. е. после присоединения Греции, где они и переняли архитектурные формы. Хотя эти формы и подвергались изменениям, например введение в греческие строительные элементы итальянских арки и свода, в первое время можно говорить лишь о развитии греческой архитектуры на римской почве и под римским влиянием, но не о римской архитектуре.

Римляне, переняв у греков знания по архитектуре, стали применять их в строительстве не только культовых, но и светских зданий. Сооружая храмы по греческому образцу, римляне также украшали греческими портиками Форум и строили греческие базилики для судов. Частные лица тоже стали отдавать дань греческой архитектуре роскошной отделкой своих домов и сооружением гробниц.

Местный строительный материал стал постепенно вытесняться греческим, преимущественно гиметским мрамором. В I в. до н. э. римское архитектурное искусство достигло своего совершенства в строительстве амфитеатров и цирков, постройкой которых руководили такие люди, как Помпей, Скавр, Цезарь, стараясь привлечь к себе народ.

Впрочем, Цезарь заботился не столько об украшении города храмами и великолепными дворцами, сколько о постройке таких зданий, которые бы способствовали развитию городской жизни и ее удобств.

С этой целью он построил на Марсовом поле септеу Юлия для собраний граждан (коми-

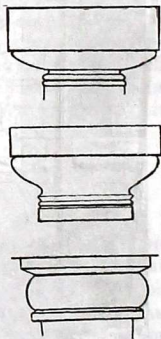

Рис. 125

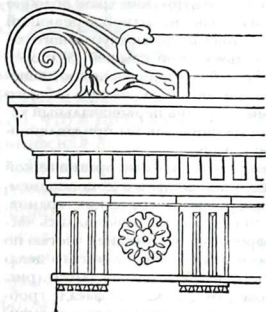

Рис. 126

Великолепие общественных сооружений, естественно, должно было повлиять на частное строительство. Знатные римляне начали возводить обширные палаты, отделяя их белым (каррарским) или разноцветным мрамором, лепными украшениями, мозаикой и стеной живописью. При преемниках Августа строительная деятельность не ослабевает. Нерон, из страсти к строительству поджегший Рим в 64 г., возводит себе на пожарище великолепный дворец, названный «Золотым домом».

Веспасиан начинает, а Тит заканчивает постройку огромного амфитеатра — всем известного Колизея. При этих императорах греко-римский стиль августовского периода начинает постепенно приобретать более выраженный римский характер. Начавшаяся при Нероне мода на колоссальные постройки заставила обращать внимание на массу здания, его прочность и устойчивость, пренебрегая всем остальным как несущественным.

Это же время характеризуется появлением так называемой римской капители (составленной из соединения ионической с коринфской). Полного своего выражения римский стиль достигает в строениях архитектора Аполлодора из Дамаска (базилики, храмы и другие здания, построенные при Траяне). Но эта победа римского вкуса над чисто греческими архитектурными элементами была предвестницей упадка греко-римской архитектуры, который начался со времен Адриана (117—138 гг.).

От этрусской или древнеиталийской эпох не осталось никаких памятников, имеющих художественное значение, и сведения о формах тогдашней архитектуры ограничиваются немногими данными о размерах отдельных частей зданий.

Имеется довольно подробное описание этрусского храма, составленное Витрувием при Августе, а также несколько высеченных в скале могил.

ций), а между Капитолием и Палатином — особый Форум для судебных разбирательств, названный в его честь. Он предполагал также выстроить театр, помещение для купцов, библиотеку, храм Марса, но после смерти Цезаря эти проекты остались невыполненными.

Часть их была приведена в исполнение Августом, который и завершил все начатые Цезарем постройки (в том числе и упомянутый Форум). При Августе Рим пополнился множеством великолепных зданий, в которых греко-римский стиль достиг своего расцвета. Только храмов было построено и восстановлено около 80. Август был вправе сказать, что оставляет мраморным город, доставшийся ему кирпичным.

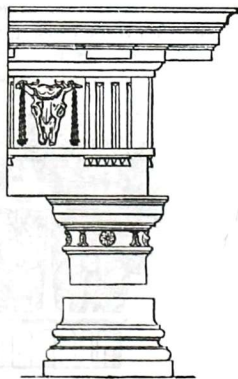

Рис. 127

Рис. 128

Из описания следует, что этрусский храм, подобно греческому, был развитием первобытной деревянной постройки и также состоял из четырехугольного закрытого святилища с двускатной крышей, со стороны фасада подпертой столбами. Однако по соотношению частей здания он не имел ничего общего с греческими храмами, сохранив первоначальный характер деревянного строения, как бы придавленно-го тяжестью высокой крыши.

Декоративные элементы были не органической его частью, а, скорее, произвольным дополнением. Его фронтоны, как и фронтоны греческих храмов, был украшен изваяниями, но они размещались частью на самом поле фронтона (в тимпане), частью по его углам (внешним) и для большей легкости делались преимущественно из обожженной глины (рис. 124; ср. рис. 62). Даже там, где, как на фасаде гробницы в Норкии (рис. 124), архитектурные элементы сходны с греческими, в их размещении виден такой же недостаток архитектурной гармонии, как и в остатках этрусских колонн, найденных в Вульчи (рис. 125).

Древнейший памятник, который может служить образцом архитектурных форм римской эпохи, относится к середине III в. до н. э. Это каменный саркофаг Корнелия Люция Сципиона Барбата, найденный в 1780 г. в гробнице Сципионов на Аппиевой дороге. Отделка его верхней части (рис. 126) представляет копию тогдашнего римского архитектора с его архитектурно-ионическими элементами и украшениями (преимущественно из соединения дорических орнаментов с ионическими).

Среди архитектурных памятников республиканского Рима можно назвать несколько храмов, остатки архива, построенного около 78 г. до н. э. консулом Квинтом Лутицием Катуллом, и две лучше других сохранившиеся гробницы. Последние, особенно гробница Цецилии Метеллы на Аппиевой дороге — круглое здание, 83 фута в поперечнике, на кубическом цоколе, — отличаются той же прочностью и слитностью кладки, какая видна во всех позднейших римских постройках. Развалины храма близ церкви св. Марии в заключении и

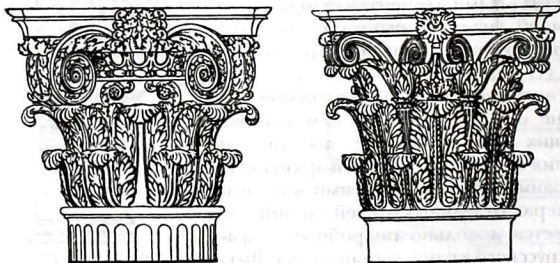

Рис. 129

храма Мужской Фортуны показыва-
ют декоративное применение дориче-
ских и ионических строительных эле-
ментов. А два храма в Тиволи (храм
Весты и храм Сивиллы) замечательны
тем, что в них уже используется и ко-
ринфская колонна.

Здания храмов времен конца Рес-
публики и Империи показывают, как
первоначальный этрусский храм по-
степенно соединялся с греческим,
приобретая формы последнего, и это
создало новую, самобытную римскую
форму. Приблизительно таким же
путем формировались и архитектур-
ные детали римского стиля.

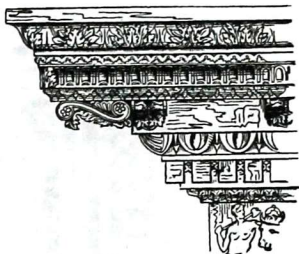

Рис. 130

Вначале дорические или ионические формы соединялись с древнеэтрусскими (рис. 127). Затем были приняты и коринфские формы (рис. 128). Сначала они приме-
нялись редко, а затем постоянно и с богатой скульптурной отделкой капители. Эта
капитель, известная под названием римской или сложной (рис. 129), представляет со-
бой соединение коринфской капители с ионической, усложненное разнообразными
украшениями из гирлянд, цветов и даже фигур богов и животных.

Римский архитрав был такой же произвольной переделкой греческого, преимуще-
ственно коринфского, как и колонна. Греческое расчленение его на три части было
сохранено, но без ясного понимания значения самих частей. Поэтому римские зод-
чие произвольно умножали их число, с их деталями (триглифами, метопами и т. д.)
обращались как с чисто декоративными украшениями и перегружали их скульптур-
ными орнаментами, примером чему может служить карниз на арке Тита (рис. 130; ср.
рис. 131 — верхний карниз храма мира Максентия).

Поиск внешних, декоративных эффектов привел к тому, что ко-
лонны стали поднимать на высокие постаменты и как бы отрывать
от общего фундамента, а порой использовать без всякой функцио-
нальной нагрузки — как стенное украшение.

В последнем случае (как на арке Константина), колонны помеща-
ли под сильно выдвинутым стенным карнизом и этим как бы связы-
вали их со зданием, не давая им их основной функции — опор. Если
колонны были ниже поднимавшейся за ними стены, то над ними над-
ставляли более или менее украшенные короткие пилястры.

Такой способ расчленения стен полуко-
лоннами или пилястрами, которым греческая
архитектура пользовалась весьма умеренно,
римской использовался как обычное укра-
шение, чаще всего применявшееся к много-
этажным зданиям. При этом ордера пиляс-
тров на каждом этаже отличались от других
этажей (рис. 132 — театр Марцелла).

Использование арки и свода в строи-
тельстве больших зданий привело к изобре-
тению шарообразного, а затем крестообраз-
ного сводов. Хотя эти сложные сводчатые

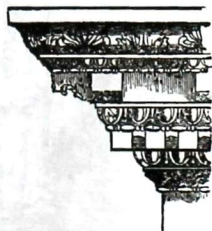

Рис. 131

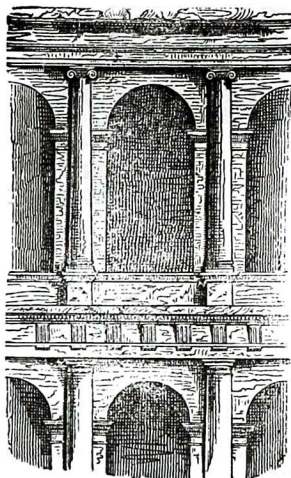

Рис. 132

системы не подходили к горизонтальной системе греческой постройки, их часто объединяли вместе. Но, поскольку невозможно органично соединить круглое в плане здание с прямым фронтоном, римские архитекторы как бы прикладывали фронтоны к зданию, прислоняли их друг к другу.

В эпоху упадка римское зодчество отказалось от всех законов архитектуры и, подчиняясь господствовавшей моде на безвкусное великолепие, стало создавать здания, которые казались вылепленными из мягкого материала, а не построенными из твердого камня. Примером такой архитектурной безвкусицы могут служить гробничные фасады Петреи (рис. 133).

Первоначально жилища италийских племен, подобно всем первобытным, представляли собой помещение с дверью в стене и отверстием для дыма в крыше. Судя по некоторым этрусским усыпальницам и най-

денным в 1817 г. в Альбанских горах глиняным урнам (рис. 134; рис. 135), древние обитатели Италии строили себе не только четырехугольные хижины (как первобытные жители Греции), но и круглые, как у некоторых нынешних дикарей.

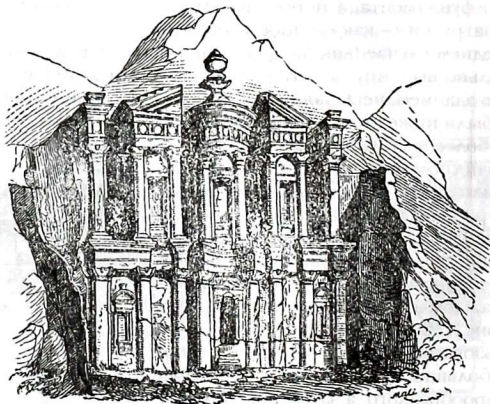

Рис. 133

Эти жилища строили из грубого кирпича и дерева (как и римские дома раннего времени) и крыли соломой или досками. Особенностью четырехугольных домов был высокий фундамент (может быть, из-за подъемов воды или болотистого грунта), крыша отличалась широким навесом; в круглых домах была широкая дверь, приподнятая над землей, и столбообразные подпорки под закругленной крышей, укрепленной слегами.

Рис. 134

У этрусков преобладали четырехугольные постройки: дом состоял из четырехугольного просторного покоя, вокруг которого пристраивались боковые, меньшие помещения. В среднем покое был очаг, из-за которого закопченная дымом комната называлась черной. Тут же помещались алтарь домашних богов, супружеское ложе и стол. В потолке было проделано небольшое отверстие, которое можно было закрыть на случай дождя деревянной заслонкой, а под ним был вырыт небольшой бассейн для дождевой воды. Выход был прямо на улицу, под навес крыши (рис. 134). Площадка снаружи перед дверью называлась вестибюлем или местом одевания. Гробницы этрусков строились так же, как и дома.

Внутреннее устройство своих домов римляне постепенно перенимали от этрусков. До знакомства с этрусками римляне, по-видимому, строили круглые дома. Это косвенно подтверждается тем, что для культа Весты, который был подобием первобытного домашнего культа очага, римляне со времен Нумы строили только небольшие круглые храмы. Но четырехугольная постройка была перенята римлянами очень рано и, постепенно ассимилируя греческие, а затем и восточные элементы, развилась у них в те великолепные сооружения, о которых было сказано выше.

О том, с какой скоростью происходил этот процесс, есть свидетельства римских авторов. Из них следует, что еще после галльского пожара в 390 г. до н. э. Рим был обстроен очень бедно и только со времени консульства Аппия Клавдия начали крыть городские дома черепицей вместо дранки, а через сто лет, при цензоре Катоне, строить их по греческому плану и разделять на комнаты.

В 91 г. до н. э. Луций Красс первым украсил свой дом мраморными колоннами. Скавр отделявает свой еще богаче, а другой богач, Мамурра, обкладывает мрамором и стены. Дальнейшее увлечение роскошью при строительстве во времена от Цезаря до Августа подтверждается сведениями о повышении квартирной платы и росте стоимости частных домов.

Наемные дома (при Августе в Риме было 46 602 нумерованных больших здания) составляли, поодиночке или по несколько вместе, особняки, а потому назывались «островами» (*insulae*), в отличие от домов знатных римлян, занимаемых одной семьей хозяина (при Августе таких домов было 1 790), которые одни имели название «*domus*». Устройство этих частных домов описывается

Рис. 135

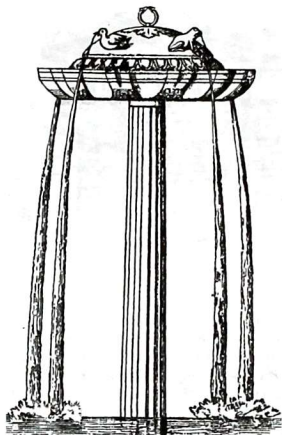

Рис. 136

у некоторых римских авторов. Найдены также остатки городских домов в Помпее и Геркулануме. Конечно, в Риме они были обширнее, чем в таких небольших городах, как Помпея или Геркуланум, но не следует и преувеличивать размеры римских домов, так как римляне, проводившие большую часть дня на площадях и улицах, не любили слишком просторных комнат.

Хотя так называемый дом Пансы, шириной 100 футов и длиной 200, имел не менее 50 различных покоев. По сравнению с ним помпейские дома так малы, что кажутся временными приютами, а не постоянными жилищами, предназначенными для продолжительного пребывания.

Если оставить в стороне эти небольшие дома (самые маленькие из них состояли только из атриума и

противоположного входу покоя, следовательно, еще очень напоминали древнеримский дом) и обратиться к большим сооружениям, то окажется, что, несмотря на разнообразие размещения и деления в них покоев, все они построены по одной схеме: атриум (место домашнего очага в древности), окруженный примыкающими к нему остальными помещениями.

Те в свою очередь делятся на две группы: передние покои, расположенные непосредственно вокруг атриума, и задние, размещенные вокруг открытого двора, обставленного колоннадами (перистиль). В некоторых домах (в доме Саллюстия, например) перистиль расположен не позади атриума, а рядом с ним, что, может быть, было обусловлено недостатком места, но расположение дворов, покоев и ходов в римском доме всегда одно и то же, так что это можно считать нормой.

Сообразно с такой нормой (примеры есть в развалинах Помпей; ср. рис. 138, I и II) городской дом занимал площадь более или менее обширного продолговатого четырехугольника, одна из узких сторон которого выходила на улицу.

Рис. 137

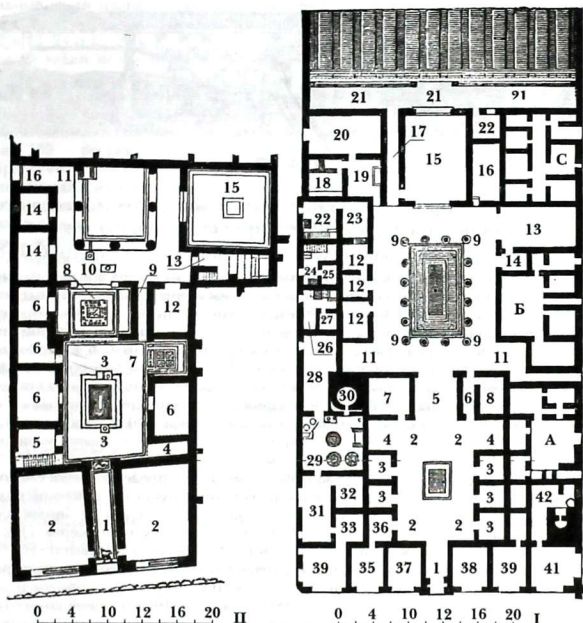

Рис. 138

В середине уличного фасада находился открытый вестибюль со входом, закрывавшимся дверью. У входной двери висел молоток или звонок. На пороге мозаикой было выложено слово «salve» (добро пожаловать) (рис. 137).

Дверь в глубине входа вела в атриум, который был главной частью дома, но состоял не из одного покоя, как в староримских домах, а из двух, соединенных между собой дверями. Передний, по-видимому, считался настоящим атриумом, а задний имел открытую посередине крышу и бассейн и назывался «каведиум».

Атриум служил также столовой семьи и приемной комнатой, в которой хозяин дома принимал своих клиентов. Вокруг среднего двора, каведиума, являющегося второй частью атриума, шли узкие крытые переходы, середина же оставалась открытой.

К переходам примыкали кладовые, на особом месте недалеко от них стояли пены — боги-покровители хозяйства. Тут же был и фонтан, устроенный в самом бассейне или вблизи него (рис. 136). За этим двором был таблинум, кабинет хозяина. Два коридора, расположенные у него по бокам, вели в заднюю часть дома — перистиль и окружающие его покои.

Как отмечалось, расположение основных помещений было одинаковым во всех римских домах. Если к дому пристраивались дополнительные помещения, они размещались более или менее произвольно. Это были небольшие от 14 до 20 футов длиной и от 10 до 15 шириной спальни и комнаты членов семьи или помещения для рабов, купальни, кухни, кладовые и т. п. Спальни были обычно обращены на восток. Также пристраивались большие и малые столовые, гостиные (экседры), в более позднее время — картинная галерея, пинакотекa (всегда на северной стороне дома), библиотека и обширная баня.

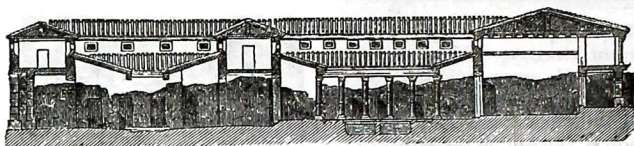

Рис. 139

В заключение приведем планы двух помпейских домов, которые помогут наглядно представить планировку римского дома.

Рассмотрим сначала план «дома трагического поэта» (рис. 138, II).

В нем имеется вестибюль в виде небольшой открытой площадки между выступающей стеной. За ним узкий проход (остий) (1), по обоим концам которого лежат сообщающиеся с ним таберны (2, 2). Он открывается прямо в атриум (3, 3), к которому примыкают гардеробная (4), комната привратника (5), лестница из которой шла на крышу. Далее — несколько комнат неизвестного назначения (6, 6, 6, 6), боковая комната — ала (7), кабинет (8), коридор или проход (9) и, вероятно, зимняя столовая (12).

Задняя, греческая, часть дома включает перистиль (10) с домашним алтарем (11), напротив которого находится небольшая задняя дверь (16), две комнаты небольшого размера (кубикулы) (14, 14), большая летняя столовая (15) и рядом с ней кухня с передней (13), откуда поднималась лестница на заднюю часть крыши и где под лестницей было, вероятно, устроено отхожее место.

Расположение комнат на плане дома Пансы (рис. 138, I) представляется следующим: вестибюль (1), за ним атриум с комплювием (отверстием для стока дождевой воды) посередине (2), кубикула (3), боковая комната (4), кабинет (5), коридор (6), библиотека или архив (7), спальня или зимняя столовая (8), перистиль (9) с задней дверью (10), двумя гостиницами (11), тремя кубикулами (12), столовой (13) и боковой комнатой (14).

За перистилем великолепная большая столовая (15) и рядом с ней с одной стороны — комната с узкой дверью, может быть тоже столовая (16), а с другой — коридор со входом в столовую (17). Возле коридора — кухня (18) с передней (19) и боковой комнатой (20), которая была, может быть, рабочей комнатой рабов, и, наконец, крытый портик (21), занимавший всю заднюю стену дома, и в стороне от него — небольшая комната (22).

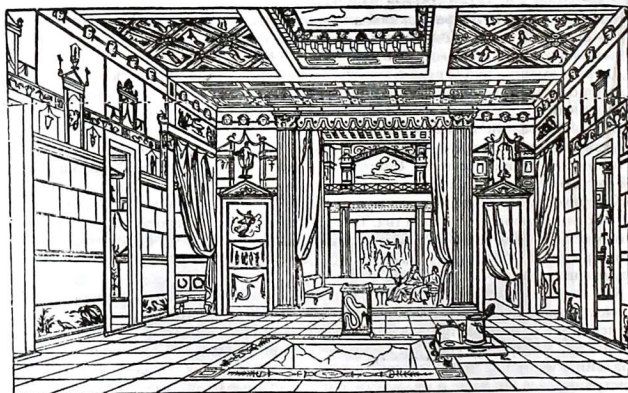

Рис. 140

Остальные части плана — это отдельные помещения (или квартиры), каждое в несколько комнат (А, В, С). При некоторых из них, очевидно, находились мастерские, лавки (22 и 23, 24 и 25, 26 и 27) и булочная, состоящая из 7 комнат (28—34).

Другие лавки, не имевшие сообщения с внутренней частью дома и выходявшие на улицу (37—39 и 40—43), вероятно, сдавались внаем, а одна лавка (35), из которой был проход (36) в атриум, была, как предполагают, занята самим хозяином дома, который торговал в ней через раба. Дом Пансы имел и верхний этаж. В нем, по всей вероятности, помещались спальни домохозяев и квартиры некоторых нанимателей лавок (ср. рис. 139 — реставрированный продольный разрез к плану, от 1 до 15).

Убранство римских домов сосредоточивалось внутри дома и мало касалось его внешнего вида. Снаружи дом оставался почти так же прост, как и в старину, разве что стены выкладывались несколько красивее прежнего — из кирпича или отесанного кубиками камня, притом так, что пазы камней образовывали как бы сетку.

Окна делали только в тех комнатах, которые находились далеко от источников света (в банях и в верхнем этаже), но всегда очень небольшие. Вначале окна закрывались ставнями и деревянными решетками, потом в них стали вставлять оконницы из прозрачных гипсовых пластинок, из слюды, а затем из стекла.

Все наружные входы запирались крепкими деревянными створчатыми дверями, окна тоже были створчатые. Двери главного входа (в богатых домах с резными, металлическими и костяными украшениями) открывались всегда внутрь.

В более поздние времена внутренние стены покрывали мрамором, лепными украшениями и живописью, полы выкладывали мозаикой, а потолки отделывали кассетонами. Во внутренних покоях двери зашивались портьерами из тяжелой материи; такими же занавесями задерживались отверстия в потолке.

По примеру Красса вошло в обычай большие помещения разделять колоннами (рис. 140). Это имело важное значение не только для убранства дома, но и для расположения комнат и дало возможность произвольно увеличивать размер больших покоев, определявшийся до того времени длиной балок потолка, и, кроме того, различным размещением колонн разнообразить форму и стиль этих покоев.

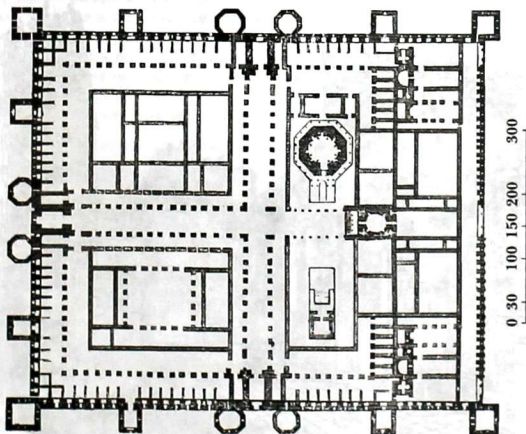

Рис. 141

* * *

С тех пор как знатные римляне сменили деревенскую жизнь на городскую и управление своими поместьями возложили на управляющих, они стали устраивать себе загородные дома, или дачи, куда переселялись на время отдыха. Эти дачи назывались городскими виллами и отличались от деревенских усадеб не только великолепием, но и самим расположением, так как строились по совершенно иному плану.

Загородные дома, или виллы, были иногда так велики и вмещали так много различных построек, что походили на маленькие города. Богатые виллы имели, кроме великолепно отделанных больших и малых зданий, целые парки, луга, виноградники, сады с искусственными гротами, скалами, бассейнами и т. п.

Самым большим и богатым зданием был дом владельца виллы. Кроме обычных комнат в нем имелись особые помещения для гимнастических упражнений и игр, прохладные галереи и башнеподобные надстройки, откуда открывался вид на окрестности. В парках были отведены места для редких птиц и зверей, а также для четвероногой и пернатой дичи. В бассейнах держали разные сорта рыбы. Сады были причудливо подстрижены и состояли из крытых и открытых аллей с цветочными клумбами и беседками.

С наибольшей роскошью строились дворцы и виллы императоров. Август стремился не слишком отличаться от других богатых римлян и жил почти так же, как они. Но уже его преемник, Тиберий (14—37 гг.), выстроил двенадцать вилл на восточном берегу Капри (о. Капри). С еще большей расточительностью была построена городская вилла Нерона, названная им «Золотым домом» и вмещавшая в себя все, что мо-

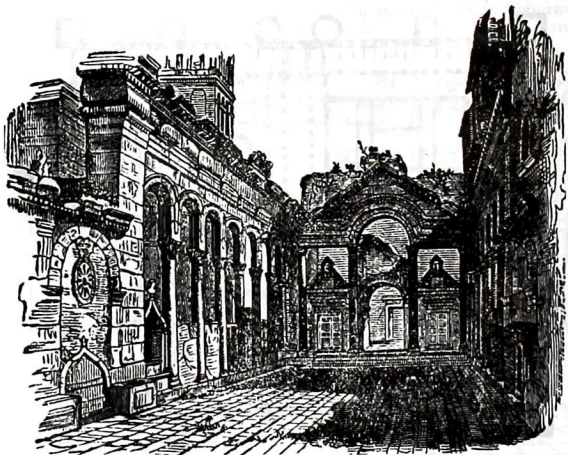

Рис. 142

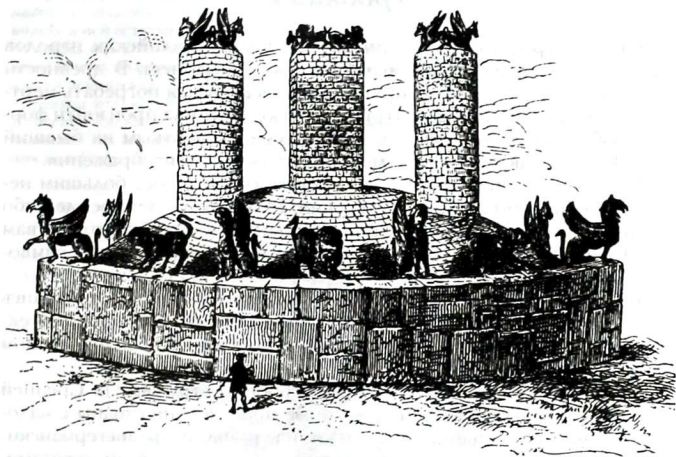

Рис. 143

жет изобрести фантазия пресыщенного тирана, не жалеющего государственных средств для удовлетворения своих прихотей. За этим последовали великолепный и необычайно обширный дворец Домициана в Тибуре (ныне Тиволи) и колоссальная вилла Диоклетиана в Далмации, построенная около 305 г. Развалины этих зданий подтверждают рассказы римских авторов об их размерах и богатстве.

Вилла Адриана в Тибуре до сих пор представляет величественное зрелище (ее руины имеют 7 римских миль в окружности). По рассказам историков, Адриан заставлял воспроизводить все, что встречал интересного в своих путешествиях, поэтому его вилла включала не только различные греческие и египетские постройки — лицей, академию, пританей, лабиринт и др., но и подобие фессалийской Темпы — Темпейской долины, известной своей красотой.

Развалины Диоклетианова дворца в Спалатро, недалеко от Салони, уцелели настолько, что по ним можно определить план здания (рис. 141). Дворец, окруженный стенами и башнями, образует четырехугольник 610 футов длиной и 510 футов шириной.

Одна из его узких сторон, где, по всей вероятности, находились жилые покои императора, выходит на море в виде обширного портика со многими аркадами. На противоположной стороне находится главный вход («золотая дверь») — увенчанный богато отделанной аркой портал, над которым идут небольшие арки на колоннах, поддерживаемых консолями.

Два широких перекрещивающихся прохода делят всю площадь на четыре больших квадрата. Один из проходов, обставленный колончатými аркадами с широким архитравом (рис. 142), ведет к главному входу. Вестибюль открывается четырьмя колоннами, поддерживающими треугольный архитрав с полукруглой вырезкой над средним междустолпием. По обеим сторонам аркад располагались дворы, в левом из которых стоял храм, восьмиугольный снаружи и круглый внутри, с куполом и двойной колоннадой, посвященный, как полагают, Юпитеру. Другой храм, четырехугольный, с четырехколонным портиком, считают храмом Эскулапа.

Гробницы

Римские гробницы напоминали жилища. У италийских народов гробницы издавна имели значение священных мест. В древности в Италии, как и в Греции, придерживались обычая погребать мертвых в собственном доме, в атриуме. Отсюда и могла произойти форма гробниц, которые должны были заменять мертвым их бывший дом. В доме, как бы взамен умерших, держали их изображения.

У италийских племен, как и у греческих, считалось большим несчастьем быть лишенным погребения. Поэтому найденное где-либо мертвое тело немедленно хоронили или, если по обстоятельствам это было невозможно, по крайней мере совершали над ним символическое погребение, то есть три раза посыпали его землей.

Вследствие такого отношения к усопшим гробницы почитались у италийских племен так же, как и храмы. Об их богатой архитектурной отделке свидетельствуют сохранившиеся в значительном количестве этрусские и римские захоронения.

Наиболее древние из италийских гробниц этрусские (в Средней Италии). Древнейшие из них — самые простые, они сходны с малоазиатскими гробницами, херсонесскими курганами, древнегерманскими и скифскими могилами, в особенности с сардинскими нурагами, и представляют собой различной величины конические насыпи или курганы, иногда обложенные у основания камнем, с камерами и ходами. Гробница, которую называют Поджо Гайелла, найдена в Кьюзи (бывшей столице этрусского царя Порсенны) и имеет ок. 855 футов в окружности. Она обведена рвом, выложенным травертинским плитняком. Внутри нее проделаны извилистые ходы наподобие лабиринта.

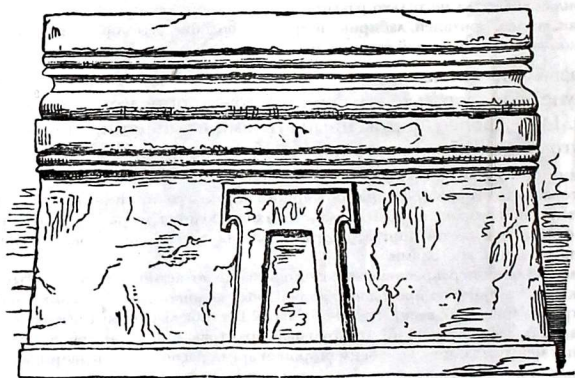

Рис. 144

Гробница под названием Кукумелла (рис. 143), близ Санта-Маринелла, кроме размеров, отличается уцелевшими следами архитектурной обработки, позволяющими видеть в ней остатки некогда величественного сооружения. Она имеет вид усеченного конуса около 200 футов в диаметре, обнесенного при основании стеной. На вершине конуса поднимаются две башни до 30 футов высотой — одна четырехугольная, другая коническая. То, что такая форма надгробных построек была распространена у древних италийцев, особенно у этрусков, доказывается описанием гробницы царя Порсенны, сделанным Плинием по рассказу римского писателя Варрона, а также развалинами так называемой «гробницы Горациев и Куриациев» близ Рима. Изображения подобных памятников встречаются и на этруских саркофагах.

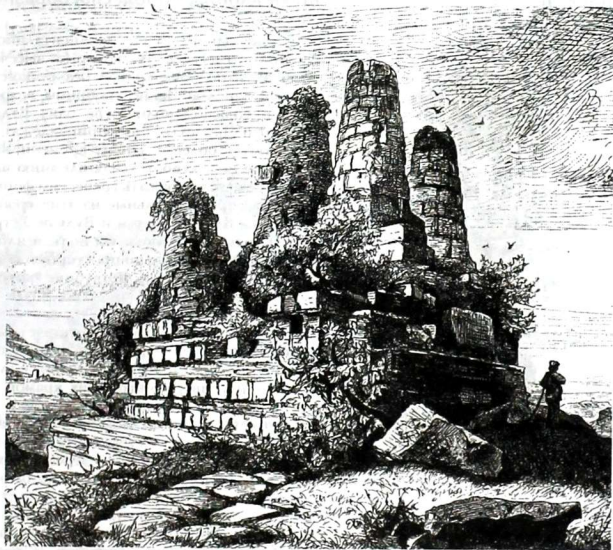

Рис. 145

Гробница Горациев и Куриациев (рис. 145) имеет четырехугольное основание (25 футов шириной и около 24 футов высотой) с пятью кеглеобразными пирамидами, из которых одна, выше и толще других, занимает середину, а остальные поставлены по углам (высота средней пирамиды — 30 футов, остальных — 25 футов). Та же конструкция повторяется и на рельефах этруских саркофагов. К этой группе памятников следует отнести гробницу при Витербо и другую близ Тарквиния (в Южной Этрурии). Обе они имеют форму уступчатых конусов.

Вторую группу составляют высеченные в скале гробницы с архитектурной облицовкой, напоминающие мало- и среднеазиатские. Сюда относятся гробницы близ Тускулума, Вейи, Фиден и др. Это простые четырехугольные камеры, вырубленные в скалах рядами или одна под другой и, вероятно, сообщавшиеся между собой лестницами. Имеются погребальные сооружения, близ Тосканеллы, Корнетто и Сутри, отделанные более тщательно, уже с намеками на об-

лицовку. Есть гробницы близ Норкии и в долине Каstellаччио, отделанные уже свободно стоящими фасадами, в один и два яруса. Разделение ярусов иногда обозначено на фасаде рельефной перекладиной, которая соединяется концами с вертикальными выступами, как бы обрамляющими фасад. Такие гробницы расположены рядом, и местами между ними высечены лестницы. Посредине каждой намечена суживающаяся кверху фальшивая дверь, обрамленная узким валиком. Фасады тоже слегка суживаются кверху. У них высокий цоколь и широкий массивный расчлененный карниз, иногда своеобразного профиля (рис. 144).

Рис. 146

К еще одной группе древнеиталийских гробниц относятся те, которые высечены в скалах наподобие гротов без всякой наружной отделки. Такие гробницы встречаются в большом количестве близ Вульчи, Крието и Черветти. Они принадлежат, по видимому, к более позднему времени, когда этруское искусство, уступая влиянию эллинизма, начало подражать греческим формам.

Самые примечательные из этих гробниц находятся близ Черветти и Вульчи. Устройство их одинаково: покатый подъем или лестница ведет в довольно просторную комнату, по сторонам или в глубине которой расположены симметрично одна возле другой несколько камер.

Передняя комната соответствует здесь главному помещению римского дома — атриуму, а если камеры находятся только в глубине ее — преддверию этруских храмов. Это предположение подтверждается еще и тем, что потолки передних покоев или скошены наподобие крыши, или горизонтальны и почти везде отделаны по типу деревянных, то есть на них вырублены стропила, балки и подперемычные бруссы. Стены иногда покрыты живописью (простыми светлыми красками, наложенными полосами), представляющей погребальные процессии и разные сцены из жизни покойного (ср. рис. 6).

Неподалеку от Сутри есть несколько пещерных гробниц, которые служили не для захоронения тел, а для помещения сосудов с пеплом после кремации, то есть были колумбариями. На это указывают сделанные в их стенах небольшие углубления или ниши. Есть все основания считать, что эти колумбарии римского происхождения, хотя и у этрусов одновременно с погребением существовал обычай сжигания тел. Скалы в окрестностях Тосканеллы изрыты углублениями, похожими на ниши колумбариев.

Если урну с пеплом не ставили в колумбарий, а зарывали в землю (как это было принято у этрусов в более позднее время), место, где зарыта урна, обозначали памятником (рис. 146). Таких памятников сохранилось очень много. Они имеют форму конуса или цилиндра на высоком цоколе или небольшого четырехугольного столбика с капителью.

Дошедшие до нас римские гробницы, в том числе усыпальница Сципиона и гробница Цецилии Метеллы, не древнее III в. до н. э., однако и по ним уже видно, что знатные римляне того времени заботились не только о богатой отделке своих надгробных памятников, но еще и о том, чтобы эти памятники были у всех на виду, поэтому каждый из них старался приобрести для своей могилы место где-нибудь вблизи городских ворот, у больших дорог. В результате не только за воротами Рима, но и у стен небольших городов образовались целые улицы великолепных гробниц (остатки такой улицы в Помпеях видны до сих пор, рис. 147). Для погребения бедных жителей были отведены особые места, где их хоронили или сжигали вместе с рабами и осужденными без всякого обряда, а иногда и просто оставляли гнить. Такие общие могилы назывались путикулами (в Риме они находились на Эсквилинском холме, но Августом были перенесены за город).

Рис. 147

Из древнейших римских гробниц следует упомянуть еще две, относящиеся ко временам Республики: гробницу К. Публиция Бибула (на восточном склоне Капитолийского холма) и гробницу хлебника Эвризация. Гробница Эвризация небольших размеров, с надписями и скульптурными фризами, выглядит так, будто сложена из хлебных мер, соединенных в столбы и поперечные балки (намек на занятия покойного).

Современные им помпейские гробницы расположены по обеим сторонам дороги за так называемыми Геркуланскими воротами и образуют настоящую улицу надгробных памятников самой разнообразной архитектуры (рис. 148). Простейшие из них напоминают этрусские: это или надгробия, поставленные стоя (стелы), или невысокие четырехугольные колонны (тумбы) с капителями, или алтаревидные возвышения с надписями.

Легко можно себе представить, что гробничные улицы за воротами Рима были настолько же великолепнее помпейских, насколько сам Рим был богаче небольшого провинциального городка Помпеи. От собственно римских гробниц уцелело, впрочем, немного, но и это немного вместе с остатками богатых надгробных памятников, рассеянных по всей Италии, доказывает, что к концу Республики к прежним формам гробниц прибавились новые, заимствованные даже у таких отдаленных народов, как египтяне.

Примером такого заимствования может служить гробница Цестия за воротами Сан-Паоло в Риме, воздвигнутая при Августе. Она имеет вид пирамиды 115 футов высотой, поставленной на четырехугольном основании площадью в 91 кв. фут. Пирамида снаружи облицована мрамором и с лицевой стороны украшена по углам колонна-

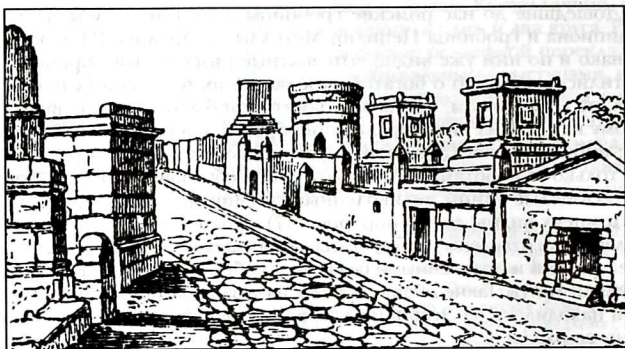

Рис. 148

ми наподобие дорических, первоначально, по всей вероятности, поддерживавшими какое-нибудь изображение. Внутри пирамида расписана. Средневековые авторы упоминают о других подобных памятниках, существовавших в Риме, и замечательнейшим из них называют пирамидальную гробницу Сципиона Африканского на Ватиканском холме.

Великолепнейшие гробницы сооружали для себя и своих семейств римские императоры. От мавзолея, построенного Августом на Марсовом поле в Риме, уцелели остатки фундамента, по которым можно судить о величине этого памятника. Он занимал круглую площадь 220 футов в диаметре, на которой поднимались одна над другой три concentрические стены, соединенные между собой террасами.

Едва ли не больших размеров был мавзолей, сооруженный для себя и своей семьи императором Адрианом на правом берегу Тибра (рис. 149). Нижняя часть его существует и до сих пор как башня крепости Сант-Анджело. Она состоит из четырехугольного основания площадью 320 кв. футов и круглой надстройки диаметром не менее 226 футов. Первоначально памятник был облицован парийским мрамором и покрыт скульптурными украшениями.

На вершине его стояла исполинская квадрига императора. Мавзолей Септимия Севера был, как и мавзолей Августа, круглым сооружением, возвышавшимся семью террасовидными уступами, украшенными колоннадами. По-видимому, в подобных мавзолеях использовались только два архитектурных силуэта: круглой башни или уступчатого кургана.

С тех пор как снова стал распространяться обычай хоронить тела, вместо того чтобы их сжигать, и урны с колумбариями начали заменяться саркофагами, которые, впрочем, изредка употреблялись и прежде, постепенно изменилось и само устройство гробниц. Теперь уже было достаточно простого памятника, чтобы обозначить место захоронения, и каменные склепы и большие надгробные сооружения сделались ненужной роскошью. К тому же подземные галереи, или катакомбы, прорытые на большом протяжении под Римом, Неаполем и другими городами Италии, были очень удобны для хранения саркофагов, так что лишь очень богатые люди, да и то редко, строили для себя отдельные гробницы.

Храмы

Форма этрусских храмов известна нам лишь по описанию Витрувия, так как сами храмы не сохранились. Согласно Витрувию, они, как и греческие, состояли из прямоугольного помещения, покрытого двускатной крышей с фронтоном, опиравшимся на колонны. Но при этом этрусские храмы были вполне самобытны.

Греческий храм представлял собой продолговатый прямоугольник, длина которого равнялась двойной его ширине, этрусский же был только на одну шестую длиннее своей ширины, почти квадратным. Он делился на две равные части, из которых передняя была открытым, то есть составленным из одних колонн и крыши, без стен, преддверием (портиком), а задняя — собственно святилищем.

Последнее обычно делилось на три продольных помещения, каждое с особым входом. Средняя cella была несколько шире боковых, так что ее ширина относилась к ширине последних как 4 : 3.

Иногда святилище состояло только из одной cellы. В таком случае наружные стены боковых помещений заменялись двумя рядами колонн, примыкавшим к колоннам портика, число которых теперь удваивалось. При этом по фасаду оставались четыре колонны, расстояния между которыми соответствовали ширине cellы и расстоянию от нее до боковых колоннад, следовательно, были неодинаковы.

Пространство между двумя средними колоннами равнялось 7, а между средними и крайними — 5 диаметрам колонны. Если прибавить к этому, что высота колонн (форма и отделка которых, по остаткам в Вульчи, изображены на рис. 125) равнялась 7 их диаметрам, нельзя не согласиться с Витрувием, что все здание было «низким, широким, растопыренным и неуклюжим».

Это впечатление усиливалось еще архитравом (из двух четырехугольных деревянных брусьев, с промежутком для вентиляции), несколько не похожим на греческий, с выступавшими над ним (на четвертую часть длины колонны) поперечными балками. На балках лежала крутая и широкая крыша, снабженная дождевыми желобами,

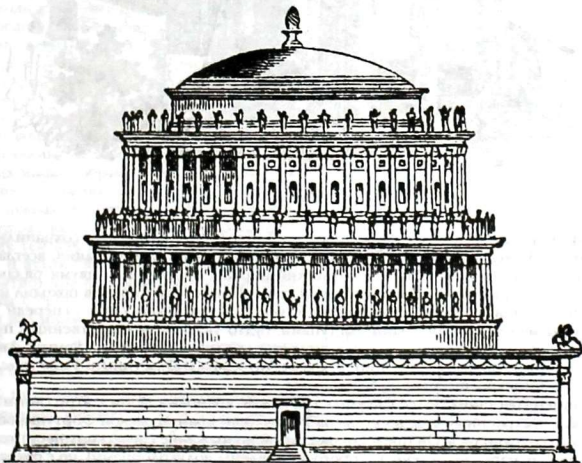

Рис. 149

которые свешивались вниз. Поле фронтона в этруском храме, его верхушка и углы украшались скульптурами из обожженной глины. Здание стояло на высоком помосте, переднюю сторону которого занимала каменная лестница. Кроме того, весь храм был обнесен стеной.

Вначале римские храмы строились по образцу этруских. Капитолийский храм, начатый, как предполагают, Тарквиниями около 600 г. до н. э. и оконченный около 409 г. до н. э., был построен этрускими архитекторами и после разрушения его Суллой заново выстроен по первоначальному плану.

Время расцвета римского храмового зодчества совпадает с периодом высшего развития культуры римлян и приходится на середину II в. до н. э. Одновременно с подражанием греческому стилю возникает особый, смешанный стиль, который стремился объединить заимствованные греческие формы со старинными местными и поэтому может быть назван римским.

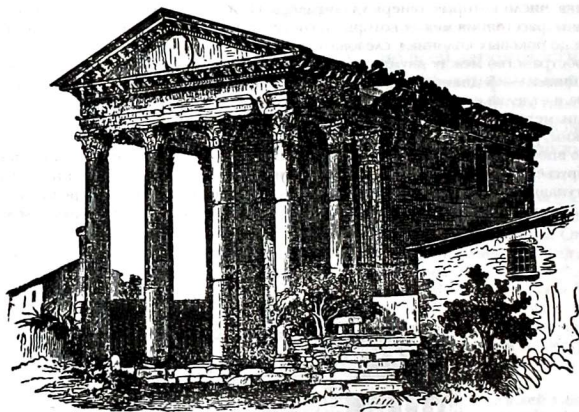

Рис. 150

Ему принадлежат некоторые храмы этой эпохи, чьи развалины сохранились до наших дней. Эти храмы, подобно греческим, вытянуты в длину здания, всегда с одной целлой, но просторные, как этруский портик, с одним или двумя рядами колонн, без колоннад по бокам и по задней стене. Помост этих храмов походил на греческий, но отличался от него тем, что ступени в нем были только спереди и так вдвинуты между его боковыми выступами, будто указывали единственный путь — к дверям храма. Образцом этой планировки служат остатки храма Рому и Августа, построенного Августом (рис. 150), и храма Антонина и Фаустины в Риме (рис. 151). Оба храма выстроены в коринфском стиле.

Пример сочетания более сложных греческих храмовых форм с этрускими представляет построенный еще во времена Республики храм Мужской Фортуны, остатки которого сохранились. Он представляет собой подражание греческому периптеру (то есть зданию, наружные стены которого обставлены полуколоннами), но с сохранением особенностей, характеризующих этруские храмовые постройки: квадратного святилища, обширного портика и подъема с передней стороны (рис. 152).

К древнейшим круглым храмам относится храм Весты в Тиволи. Другой подобный храм (тоже круглый периптер) находится в Риме. Он окружен двадцатью колоннами и построен в том же стиле, что и первый, но кажется более массивным. Вероятно, он тоже был посвящен Весте или Кибеле.

Самым величественным и грандиозным образцом круглого храма остается, бесспорно, Пантеон, начатый при Августе и оконченный в 25 г. архитектором Валерием из Остии. Первоначально он составлял часть великолепных терм (общественных бань), которыми украсил Рим зять Августа Марк Агриппа, а потом был посвящен (как видно из надписи на фризе портика) Юпитеру Ультору (Мстителю). Кроме статуи Юпитера в нем стояли статуи шести других богов, в том числе Марса, Венеры и обожествленного Цезаря. Несмотря на многократные перестройки, сначала в древности — при Адриане и при Септимии Севере (203 г.), потом в средние века и, наконец, при Папе Урбане VIII, Пантеон, очень рано превращенный в церковь, до сих пор сохранил свою первоначальную архитектуру (рис. 153).

Он представляет собой цилиндрическое сооружение со стенами 19 футов толщиной, с полукруглым куполом такой же высоты, как и стены. Таким образом, на купол и стены приходится ровно по половине высоты всего здания, которая равна диаметру основания (132 футам). Посредине купола имеется отверстие (диаметром 26 футов). Для приема и стока дождевой воды каменный пол сделан слегка покатым к середине, прямо под отверстием в нем проделаны небольшие дырочки, через которые вода стекает в находящийся под полом канал.

Восемь больших ниш, углубленных (кроме сквозной входной) в стену здания, расчленяют его по периметру. Одни из них полукруглые и завершены полукуполом, другие четырехугольные и покрыты коробовым сводом. В этих нишах, обрамленных пилястрами, помещались статуи богов. Входная ниша и противоположная ей обведены сверху арками, которые пересекают архитрав и врезаются в аттик, между тем как над шестью остальными архитрав и аттик тянутся не прерываясь. Вполне вероятно, что по бокам ниш стояли еще колонны с бронзовыми капителями и кариатидами над ними.

Внутренняя поверхность купола Пантеона разбита на кассеты, в которых первоначально находились позолоченные розетты. Все здание снаружи и внутри было богато отделано бронзой, которую впоследствии снял Папа Урбан. Коринфские мраморные

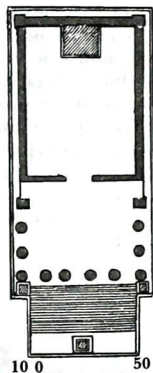

Рис. 151

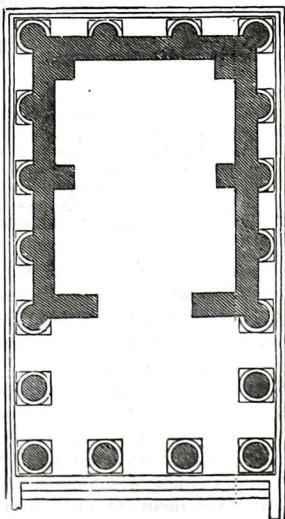

Рис. 152

колонны, поставленные по две перед отверстием каждой ниши, и соответствующие им пилястры прибавлены позднее, как и красивый, но слишком легкий для такого колоссального купола архитрав и восемь нишеподобных алтарей, размещенных между большими нишами.

К более позднему времени относятся и две небольшие колокольни по углам портикового фронтона. Сам же портик остался таким же, каким был пристроен к круглому зданию, вероятно, уже по окончании строительства, но еще при Агриппе. Он имеет 103 фута ширины и состоит из 8 колонн по фасаду, за которыми идут еще два ряда колонн, по две с каждой стороны входа.

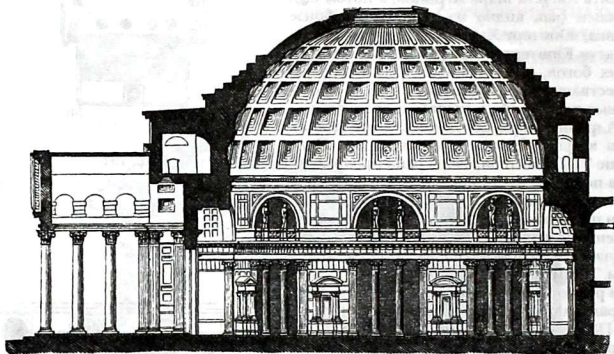

Рис. 153

Все колонны коринфского ордера. Фронтон портика был украшен изображением битвы Юпитера с гигантами; это были бронзовые позолоченные статуи. Бронзовая дверь с пилястрами сохранилась до нашего времени; уцелели и ниши по обеим сторонам входа, в которых стояли статуи Августа и Агриппы.

Фундамент здания и пять ступеней, которые вели к портику, скрыты под мостовой. Из других подобных Пантеону круглых зданий в Риме остались развалины так называемого храма Минервы Медики и нынешняя церковь св. Бернара. Они, вероятно, тоже составляли часть терм, первые — Кая и Люция, последние — Диоклетиановых.

Развалины храма Венеры и Ромы, как предполагают, самого большого и великолепного в древнем Риме, представляют образец применения к храмовым постройкам коробового свода в соединении с полукуполом. Храм был построен при императоре Адриане по его собственному плану.

Снаружи здание имело форму периптера в коринфском стиле с 60 колоннами (по 20 с каждой продольной и по 10 с каждой поперечной стороны), а внутри было разделено поперечной стеной на две одинаковые части, имевшие каждая свою целлу, с отдельным входом, портиком и большой полукруглой нишей напротив входа. Эти ниши, где находились статуи богинь храма, соприкасались своими задними стенами и были сведены вверху полукуполом, а пространства перед нишами покрыты коробовыми сводами, разбитыми на

кассеты. Кроме того, в продольных стенах каждой целлы тоже были устроены небольшие ниши, а промежутки между ними украшены небольшими полуколоннами. Все здание имело 333 фута длины и 160 футов ширины. Оно стояло на высоком основании, поднимавшемся ступенями, и было окружено обширным колоннадным двором длиной 500 футов и шириной 300 футов.

Начиная с Септимия Севера и до Константина храмовая архитектура не произвела ничего нового, а ограничивалась подражанием прежним формам. Нередко для украшения вновь строящихся храмов снимали орнаменты и архитектурные детали со старых. К находкам, относящимся к этому времени, принадлежат три колонны от храма Юпитера Громовержца и колонны так называемого храма Весты (те и другие — времен Севера), храм Чести и Доблести времен Аврелиана и остатки храма Солнца, или Неронов фронтиспис. Сюда же можно причислить и ионический портик, принадлежавший к построенному Домицианом храму Веспасиана.

Рис. 154

Кроме собственно храмов у римлян всякий участок или постройка, освященная по авгуральным обрядам (особенно небольшие квадратные палатки авгуров), назывались храмом. Священные рощи, гробницы и т. п. считались священными местами, но не храмами. К священным местам относили и здания, предназначенные для политических собраний, и даже места, куда ударила молния (их огораживали каменной стеной наподобие колодезного сруба). В Риме было столько различных священных мест, что посол царя Пирра не мог удержаться, чтобы не сказать, что «весь город кажется ему одним храмом».

Общественные здания

Общественные здания строились в римских городах (как и в греческих) возле городских рынков или торговых площадей. Старинный рынок в Риме — римский Форум (находившийся между Капитолийским и Палатинским холмами) — был невелик: он занимал площадь не более 300 шагов длиной и от 50 (на восточном конце) до 90 (на западном) шириной. Святилища на нем были выстроены уже Ромулом и Нумой. Тулл Гостилий и Анк Марций построили здесь храмы и отдельные помещения для заседаний сената и народных собраний — курии и комиции.

Именно Туллу Гостилию приписывали построение самой древней сенатской курии, той самой, которая была разрушена в первую гражданскую войну и затем восстановлена Суллой, потом снова сожжена, опять выстроена и окончательно снесена при Цезаре. Тому же Туллу предание приписывало закладку, а Анку Марцию завершение строительства Туллианума, остатки которого уцелели до нашего времени. Это был каменный склеп, первоначально устроенный, вероятно, над источником, а потом превращенный в тюрьму.

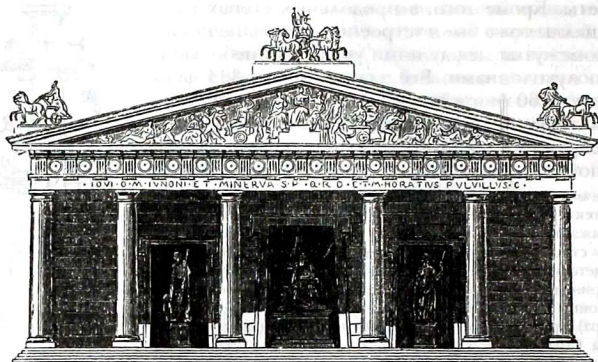

Рис. 155

Вполне вероятно, что уже первые цари заботились о благоустройстве главной площади города и о строительстве необходимых общественных зданий, однако вряд ли план застройки Форума был приведен в исполнение ранее Тарквиниев. Есть сведения, что до Тарквиния Приска на месте римского Форума было болото, которое этот царь осушил, устроив отводной канал — так называемую клоака максима, а затем высушенное место превратил в площадь и на одном конце ее построил лавки, а остальное пространство отгородил для общественных собраний. Очевидно, что римский Форум мог сделаться «сердцем города», средоточием и вместе с тем исходной точкой всех дальнейших общественных построек, лишь изменив свой первоначальный вид (о прежнем его состоянии еще долго напоминало озеро, занимавшее середину площади — озеро Курция).

Архитектурное перерождение Рима началось с Форума. С развитием городской жизни на Форуме все чаще проводились различные общественные мероприятия, так что оказалось необходимым удалить с него мелкую торговлю и отвести ей другие площади.

В III в. до н. э. были снесены лавки и вместо них построены каменные галереи, куда и были переведены торговцы, большей частью золотых дел мастера и менялы, лавки которых назывались серебряными. На этих галереях размещались также и школы, где учили грамоте. К началу II в. до н. э. были частью перестроены, частью возведены заново помещения для публичных собраний и заседаний, комиции, трибуналы, курии и др. и к прежним памятникам прибавлена роstralная колонна в честь Дуилия, одержавшего в 261 г. до н. э. морскую победу над Карфагеном (рис. 154).

Застройка Форума большими и красивыми зданиями началась только при цензоре М. Порции Катоне. По его распоряжению на месте лавок на нижнем конце Форума была построена базилика по афинскому образцу, которая предназначалась для собраний купцов и деловых людей. Поскольку она находилась неподалеку от курии, а следовательно, и комициума, в нее были перенесены и заседания суда. Таким образом, базилика сделалась и местом торговых сделок, и судебной палатой.

При склонности римлян к судебным разбирательствам, учреждения, подобные базиликам, приобрели такое значение, что не прошло еще и пяти лет со времени открытия первой базилики, как уже по приказанию цензоров М. Эмилия Лепида и М. Фульвия Нобилиора была выстроена (в 180 г. до н. э.) вторая, тоже близ Форума, названная, как и первая, по имени ее строителя.

Через десять лет после завершения базилики Фульвия, около 170 г. до н. э., Семпроний Гракх строит третью базилику — Семпронику, но где она находилась, на Фо-

руме или на другой площади, неизвестно. Точно так же ничего неизвестно и о ее дальнейшей судьбе. Наконец, Варрон называет еще четвертую базилику — базилику Опимия, построенную консулом Опимием, но подробных сведений о ней нет. Полагают, что к концу Республики в Риме было уже не менее семи базилик.

Дальнейшее украшение Форума зданиями шло между тем своим чередом. По заключению сената консул Опимий строит храм, посвященный богине Согласия, а на месте древней курии Хостилия, снесенной по распоряжению Цезаря, им был в 49 г. до н. э. воздвигнут храм Счастья. Возле храма Согласия стоял храм Юпитера (может быть, Сатурна), который был построен во времена царей (рис. 155).

Он служил государственным казначейством и был перестроен Мунацием Планком почти в то же время, когда строился храм Счастья. Позднее он еще раз обновлялся Септимием Севером, и остатки его дошли до нас в виде трех колонн. Рядом с этим храмом был архив, построенный Лютцием Катуллом после пожара Капитолия. Возле него росла священная смоковница, а по левую сторону находилось помещение для писцов и других чиновников-эдилов.

Август взял на себя завершение начатых Цезарем построек и задуманных им улучшений и перемен в устройстве Рима. Он перенес ораторскую трибуну с ее старинного места ближе к центру площади. И прежде ораторы нередко говорили со ступеней древнего храма Кастора, а после смерти Цезаря — со ступеней посвященного ему храма.

Вероятно, возле этого здания и поместили ораторскую трибуну. В память о победе при Анциуме новая трибуна, как и прежняя, была украшена носами египетских кораблей и с тех пор стала называться в честь Цезаря — Роста Юлия. Вместе с трибуной были перенесены и окружавшие ее статуи (в том числе статуи Суллы и Помпея). Их поставили вблизи новой трибуны и дополнили тремя новыми: конной — Октавиана и двумя статуями Цезаря.

Самое замечательное из того, что было построено на Форуме при Августе — это «милиариум ауреум» — сооружение, назначение которого не установлено. Оно стояло в начале площади, на северо-западной стороне, ниже храма Сатурна, и имело форму римского поминального столба, покрытого золоченой бронзой. Вероятнее всего, этот столб служил указателем дорог, которые вели из Рима, и потому считался центром всего римского государства (рис. 156).

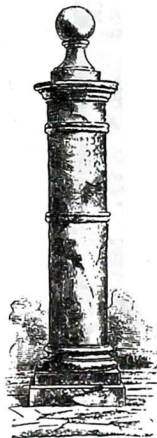

Рис. 156

После пожара, устроенного Нероном и разрушившего большую часть зданий на нижней части площади, Форум украсился новыми великолепными сооружениями. Веспасиан построил на нем храм, остатки которого (нижний этаж и восемь колонн) видны до сих пор. Особенно много сделал для украшения Форума Домициан: он восстановил все общественные здания, к большой курии Юлия (видимо, сгоревшей во время пожара) прибавил обширное здание сената и перед ним воздвиг красивый храм Януса, отделанный бронзовыми украшениями.

Кроме того, им же был построен большой храм Минервы и еще несколько других святилищ, так что при нем на Форуме насчитывалось, кроме храмов Януса, Весты и Счастья (если он уцелел от пожара), шесть великолепных храмов и по крайней мере две базилики. Посреди всех этих зданий, неподалеку от озера Курция, стояла колоссальная конная статуя самого императора Домициана.

Рис. 157

При последующих императорах на Форуме прибавилось не так много новых построек (да и места уже было мало). Кроме нескольких триумфальных арок, поставленных неподалеку от Домицианова сената, был построен храм Фаустины, посвященный памяти супруги Антонина Благочестивого, позднее в память императора названный храмом Антонина и Фаустины. Остатки его тоже уцелели. За времена от Домициана до Константина ораторскую трибуну, по-видимому, снова перенесли, или выстроили новую близ Веспасианова храма, или, может быть, на Форуме было устроено несколько трибун. Вероятно, многие из старинных памятников и статуй, в том числе и стоявшие на Форуме статуи сивилл, тоже были переставлены на новые места и к ним было прибавлено множество новых. Существующая еще и ныне на старом римском Форуме колонна, воздвигнутая в 608 г. экзархом Смарагдом в честь императора Фоки, считается последним по времени памятником, поставленным на Форуме, тогда уже потерявшем свое значение и начавшем приходить в упадок.

Кроме главной площади в Риме было несколько императорских форумов — Цезаря, Траяна, Августа, Домициана и Нервы. При постройке этих форумов императоры не столько имели в виду интересы городской торговли, сколько руководствовались желанием оставить после себя архитектурный памятник, что требовало немалых затрат.

Самый великолепный из форумов построил Траян. Он примыкал непосредственно к форуму Августа и хотя соединялся с другими близлежащими форумами, однако составлял самостоятельное, законченное архитектурное целое. Главным входом на обширную площадь, для которой были срыты два холма, служила триумфальная арка, вся покрытая скульптурами.

За аркой возвышалась, занимая всю ширину форума, базилика Ульпия — грандиозное здание с медной крышей, трибуналами по сторонам и тремя порталами посредине, внутри разделенное четырьмя рядами колонн. За ним следовали храм Траяна, библиотека Ульпия, конная статуя Траяна и неподалеку от базилики — колонна Траяна со статуей императора наверху (рис. 157).

Рассеянные по разным частям города небольшие рынки или площади, где велась городская торговля, назывались форами и различались по товару, который на них продавался: рыбный рынок, воловий и т. д. Все они были красиво оформлены: вокруг шли изящные портики с порталом, через который входили на площадь, посередине были устроены фонтаны, а на некоторых, где продавались съестные припасы, находились возвышения в виде алтарей (очевидно, для забоя скота). Когда самый большой из этих рынков, построенный в 177 г. до н. э., оказался недостаточным для потребностей увеличивавшегося населения города, Август открыл новый продовольственный рынок — рынок Ливии — и обнес его великолепной колоннадой, названной портиком Ливии.

Марсово поле находилось неподалеку от главного Форума, а вскоре после Августа было окончательно соединено с ним. Начало строительству на нем положил Цезарь. При нем и по его инициативе

здесь были заложены большие здания, законченные при Августе Агриппой и названные в честь Цезаря «септа Юлия».

Сам Август построил на Марсовом поле мавзолей, Портик народов (Портик четырнадцати наций) и поставил солнечные часы в виде огромного обелиска, водруженного в центре облицованной мрамором плоскости, на которой были выложены медью линии, обозначающие долготу дня. Одновременно с этими сооружениями Марсово поле украсилось несколькими алтарями, посвященными сенатом Августу, и несколькими зданиями, построенными частными лицами. К частным постройкам принадлежала и колоннада вблизи мавзолея.

Со смертью Августа строительство на Марсовом поле, как и во всем Римском государстве, надолго прекратилось. Калигула начал было строить неподалеку от септа Юлия большой амфитеатр, но он был разрушен еще неоконченным при Клавдии. Нерон за год до устроенного им пожара расширил и еще роскошнее отделал термы Агриппы, назвав их Нероновскими; впоследствии они были достроены Александром Севером и переименованы в термы Александра.

При последующих императорах никаких новых зданий на Марсовом поле не возводилось, если не считать театра, начатого Траяном и снесенного Адрианом. При Марке Аврелии была поставлена колонна, существующая и теперь. Она стояла, вероятно, посреди Форума возле храма, который был сооружен в честь императора после его смерти. В планах и проектах новых зданий не было недостатка и при последующих императорах, но ни один из этих проектов не был реализован, так что перестройкой Агрипповых терм при Севере строительство на Марсовом поле окончилось.

Архитектура правительственных зданий

Все деловые совещания, касавшиеся управления государством, происходили у римлян на городской площади. За исключением построенной Туллом Гостилием курии для сенатских заседаний, никаких правительственных зданий в Риме не существовало до тех пор, пока цензор Катон не построил первую базилику; их заменяли отгороженные на Форуме участки, такие же, какие были в свое время в Греции.

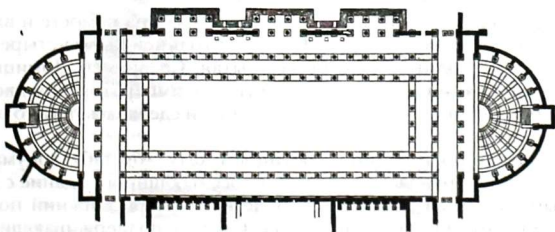

Рис. 158

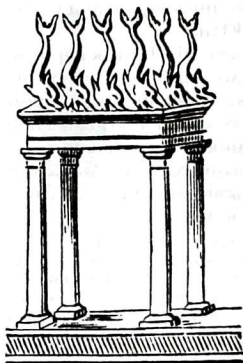

Рис. 159

Самый обширный из этих участков был предназначен для народных собраний и назывался «комиций». С 470 г. до н. э. во время сходов по трибам его стали разделять канатами на 25 отделений и для защиты от солнца растягивать над ними парусиновые пологи.

Участками, а не зданиями были и соседние с ним сенакулюм, вулканал и греко-тазис. На первом собирались сенаторы, второй служил трибуной для магистрата, председательствовавшего на народных собраниях, а последний был местом, где принимали иностранных послов перед представлением их сенату.

Из правительственных зданий нам известно лишь устройство базилик — по остаткам в Помпеях и в Риме и по письменным источникам. Это были продолговатые четырехугольные здания, состоявшие из двух частей: передней, имевшей вид зала с колоннами, и большой полукруглой ниши с полукупольным сводом, находившейся в глубине зала. Эта ниша была предназначена для заседаний суда и называлась трибуналом.

Неизвестно, была ли передняя часть древнейших базилик обнесена стенами или же только окружена двойной колоннадой. Позднее базилика стала закрытым помещением, разделенным двумя продольными рядами колонн на три нефа (корабля).

Ширина зала составляла половину или треть его длины. Над средним нефом возвышалась с обеих сторон колончатая галерея, так что средняя часть здания была выше боковых и имела особую крышу, стропила которой поддерживались колоннами верхней галереи.

Базилика Ульпия (на форуме Траяна, рис. 158) была пятинефная, с четырьмя рядами колонн. Более поздние базилики вовсе не имели колонн внутри и были построены по иному плану. Одна из них (базилика Максентия, например) была почти квадратной и разделялась на три нефа огромной ширины. Средний неф 77 футов шириной был покрыт крестовым сводом, опиравшимся на 8 колонн, а боковые, 46 футов шириной каждый, — коробовыми, утвержденными на столбах 16 футов толщиной, составленных из связок колонн.

О старинной курии известно, что она стояла на помосте и входили в нее по ступеням; о курии Юлия — что в ней было четыре трибунала и при Калигуле она была крытая. Со времен Домициана, когда заседания сената стали проводиться в императорском дворце, курия постепенно потеряла свое значение и сделалась просто общественным зданием.

По остаткам построенного Лютицием Катуллом табулариума (государственного архива) видно, что это было обширное здание с двухэтажным аркадным портиком дорического стиля. Нижний портик 35 футов высотой выходил на Форум. Столбы, поддерживающие его арки, были обставлены полуколоннами, подражавшими доричес-

ким, а замыкавший его сверху архитрав был украшен триглифами, по четыре над каждым промежутком между арками. Полуколонны были вверху канелированы, а внизу отделаны гранью.

Сведения об архитектуре септа Юлия на Марсовом поле скудны. Раньше участок, где проходили народные собрания, был отмечен простой изгородью, похожей на овчий загон. Потом место собраний было обнесено постоянной оградой, и внутри нее сделаны отделения по числу центурий, каждое с особым входом, при котором стояла корзина для избирательных табличек.

На месте этой ограды и была выстроена септа Юлия, начатая Цезарем и оконченная Агриппой. Септа представляла собой здание с восемью рядами колонн, посередине которого была оставлена квадратная площадь со стороной 5000 футов.

Впоследствии на этой площади стали проводить гладиаторские игры, однажды на ней было даже представлено морское сражение. При Домициане здание переоборудовали в торговое помещение. Народные собрания происходили не только на комиции или в септа Юлия, но и на нижнем форуме, на Капитолии, в цирке Фламиния и в других местах.

Здания для игр и зрелищ

В древние времена для проведения праздничных игр довольствовались огороженным местом, вокруг которого на время праздника ставили сколоченные из дерева подмостки для зрителей. Впоследствии стали строить более прочные и дорогостоящие, но все равно временные деревянные амфитеатры. Постоянные здания для игр и зрелищ, устроенные по образцу поздних греческих, появились только в начале императорской эпохи.

Пока римляне не знали никаких праздничных игр, кроме скачек на лошадях и колесницах, им требовались только ипподромы или цирки. Древнейшее из этих сооружений — устроенный Тарквинием

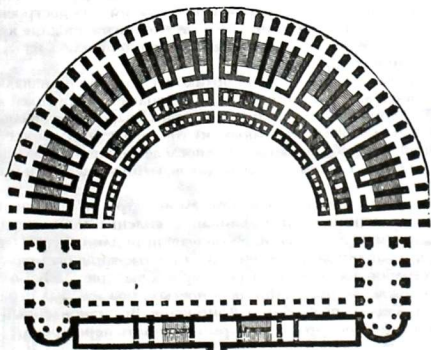

Рис. 160

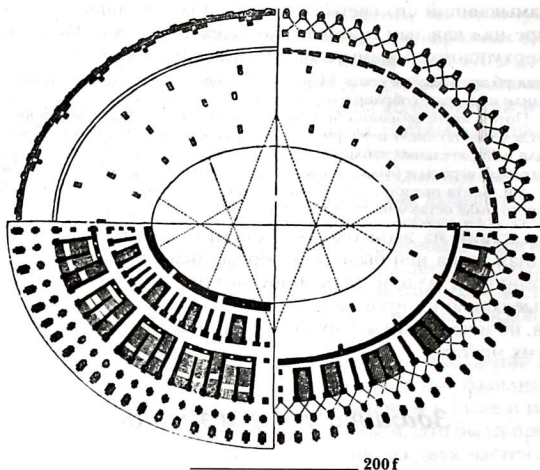

Рис. 161

Приском Большой цирк — было, по рассказу Дионисия Галикарнасского (Дионисий, III, 68), ровной площадкой (1000 шагов в длину и 280 в ширину), окруженной деревянными подмостками для зрителей.

Подмостки строились только на время праздника и по окончании его разбирались. Каждая из тридцати курий занимала на них свое особое место. Первоначально зрители смотрели на игры стоя, места для сидения появились позже. О числе зрителей, которое мог вмещать в себя цирк, сведения различны и колеблются между 150 000 и 260 000 человек.

Цирк в первые годы Республики несколько усовершенствовался, например появились особые помещения для колесниц, так называемые карцеры. Но он сохранил свое первоначальное устройство до времен Цезаря и уже им был достроен и превращен в постоянное ристалище. По описанию того же Дионисия, нижние ярусы амфитеатра были каменными, а верхние — деревянными. Они опирались на каменные своды, поднимавшиеся один над другим.

Нижний этаж был снаружи окружен портиком, в котором помещались лавки и открывались входы внутрь цирка. Для большей безопасности зрителей во время травли диких зверей, которая часто устраивалась при Цезаре, перед балюстрадой, отделявшей нижние места амфитеатра (подиум) от арены, был вырыт широкий ров в 10 футов глубиной. Этот ров, засыпанный впоследствии по приказанию Нерона, наполнялся водой и служил садком для крокодилов, которых держали при цирке в числе других животных.

При Августе верхний деревянный ярус амфитеатра был заменен каменным, а в нижнем устроили великолепный пульвинар — сидение для императора и его семейства. Посередине между столбами, обозначавшими длину бега в один конец, был сооружен обелиск. Клавдий заменил прежние простые карцеры мраморными и вместо деревянных столбов поставил золоченые бронзовые (рис. 159). Большой цирк, не раз горевший и прежде, не уцелел при нероновском пожаре, был отремонтирован и снова сильно пострадал от пожара при Домициане. Восстановленный этим императором, он простоял до Константина, который его опять перестроил.

Устройство арены и амфитеатра во всех римских цирках позднего времени было одинаковым. Посередине арены шла невысокая камен-

ная стенка, разделявшая арену в длину на две половины. Она была уставлена колоннами, обелисками, изваяниями, статуями богов и даже небольшими храмиками. Столбы, стоявшие на концах арены, были конической формы и помещались по три на одном пьедестале. Места для зрителей делились на ярусы широкими площадками и вертикально поднимавшимися над ними стенками, так что площадка со стенкой составляли уступ, который шел вокруг всего амфитеатра; места непосредственно над стенкой были окружены балюстрадой.

Главный вход на арену помещался на узкой передней стороне цирка между карцерами для колесниц. Таких карцеров было 12, по 6 с каждой стороны главного входа. Над карцерами со стороны арен был устроен балкон, с которого распорядитель игр подавал знак (обычно бросая белый платок) к началу состязаний. Вышние сословия, всадники (со времен Клавдия), сенаторы (со времен Нерона) имели в цирке свои особые места, но специальных мест для женщин не было, они сидели вместе с мужчинами. В жаркое время над головами зрителей растягивали большие полотна, иногда цветные.

Первоначально в Риме и во всей Италии был только один цирк. В 220 г. до н. э. Кай Фламиний построил еще один, названный его именем. За ним последовал третий, построенный Калигулой, но не в самом Риме, а за городом, в садах Агриппины.

Кроме больших цирков у римлян были также и стадионы для гимнастических игр, устроенные по образцу греческих. Как и цирки, они вначале строились только на время игр. Первый постоянный стадион был построен Домицианом (вероятно, на Марсовом поле).

До конца Республики в Риме не было постоянного театра, а только временные, которые сооружались из дерева на период сценичес-

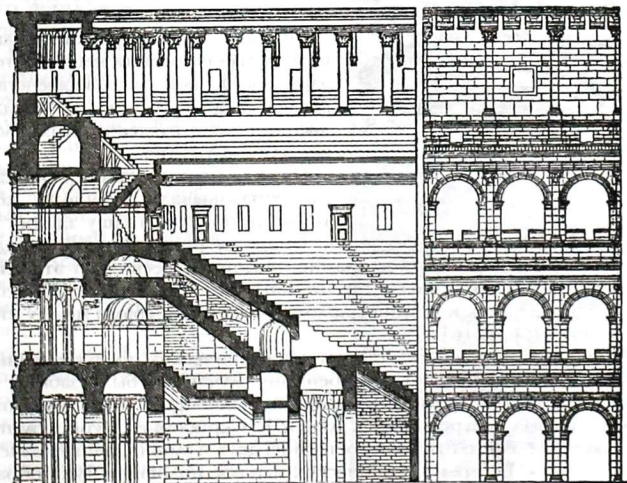

Рис. 162

ких игр. Ни назначенных мест, ни сидений для зрителей в этих театрах не было, на представление смотрели стоя; кто хотел сидеть, приносил стул или кресло с собой. Сенаторские места были отделены от остальных перегородкой, но сидений не было и на них.

Около 174 г. до н. э. была построена первая каменная сцена, но без амфитеатра, который по-прежнему пристраивался к ней на время игр. Долго ли просуществовала эта сцена, неизвестно, однако уже спустя несколько лет она была сломана или заброшена. Не следует думать, что деревянные театры были примитивны. Хотя их строили только на время игр, отделка их, особенно сцены, бывала иногда необыкновенно богата, особенно в последние годы Республики. Первый каменный театр был построен Помпеем (в 55 г. до н. э.) и вмещал в себя по одним сведениям около 18 000, по другим — до 40 000 зрителей. Над ступенями его амфитеатра возвышался храм Венеры Победительницы. После него были построены почти одновременно (около 13 г. до н. э.) еще два каменных театра, один Корнелием Бальбусом, другой Августом. Последний театр, посвященный Августом памяти его племянника Марцелла, имел до 20 000 мест. От него уцелела значительная часть (рис. 160).

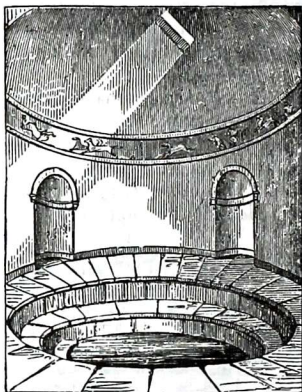

Рис. 163

Римский театр по планировке напоминал греческий, но отличался от него некоторыми деталями. Римский театр также состоял из полукруглого амфитеатра с сидениями для зрителей, поднимавшимися концентрическими уступами, и возвышенного помоста, на котором играли актеры (просцениум); помост оканчивался в глубине стеной, служившей постоянной декорацией и называвшейся «сцена».

Римские театры строились большей частью на ровном месте; благодаря доведенной до совершенства кладке сводов римляне не нуждались, как греки, в естественных склонах для амфитеатра.

Своды, поднимавшиеся ярусами, образовывали коридоры, которые прорезали толщу здания и

служили проходами к сиденьям. Снаружи римский театр представлял собой полукруглое здание, обычно в несколько этажей. Каждый этаж отделялся от другого широким антаблементом и состоял из ряда арок или ниш с колоннами и пилястрами между ними (рис. 132; рис. 161).

Временные деревянные театры для сценических представлений, даваемых по какому-нибудь особенному случаю, не были забыты и после появления постоянных каменных. Замечательный деревянный театр был построен в 50 г. до н. э. К. Скрибонием Курионом по случаю похорон его отца. Он состоял из двух половин, двигавшихся на шарнирах. Во время сценических игр обе половины были обращены полукругами друг против друга и каждая примыкала к особой сцене, а затем, перед началом игр атлетов и гладиаторов, их вместе

со зрителями поворачивали и соединяли, так что возникал своего рода амфитеатр, который и послужил образцом для более поздних построек (ср. рис. 161).

Об устройстве каменных амфитеатров свидетельствуют остатки этих хорошо сохранившихся зданий, в особенности развалины амфитеатра Флавиев или Колизея (Colosseum) в Риме (рис. 161; рис. 162). Амфитеатры имели эллиптическую форму. Расположение зрительских мест, кольцом окружавших площадь амфитеатра или арену, было то же, что и в театрах (рис. 162 — разрез и фасад).

Арена была застелена дощатым помостом, укрепленным на невысоком каменном цоколе, огибавшем ее внутри целиком. Пространство под помостом служило помещением для машин и клеток с дикими животными.

Вертикальная стенка, отделявшая нижние сиденья (подиум) от арены, была снабжена для безопасности зрителей высокой балюстрадой с деревянными вращающимися валиками и сетками с острыми шипами. Арены больших амфитеатров можно было наполнить водой для разыгрывания морских сражений. Для таких представлений существовали также огромные искусственные бассейны, называвшиеся навмахиями. Остатков их не сохранилось, но известно, что бассейн, устроенный Августом, имел 1800 футов длины и 1200 футов ширины.

Общественные бани (термы)

Устроенные первоначально с целью доставить небогатым людям возможность мыться каждый день, термы скоро превратились в огромные великолепные здания, вмещавшие в себя, кроме холодных, теплых, горячих и паровых бань, помещения для гимнастических упражнений, или гимнасии, устроенные по греческому образцу, библиотеки, художественные галереи, залы для бесед и разного рода игр, портики и аллеи для прогулок — словом, все удобства утонченной, по понятиям того времени, жизни.

Римские бани состояли из четырех главных отделений: раздевалки, холодной, теплой и горячей бань. В помпейских банях, которые сохранились лучше других, женская половина отделена от мужской глухой стеной и вход в нее особый. Мужская половина имела два входа: один вел во двор, окруженный колоннами, а другой открывался в узкий коридор, через который можно было пройти в богато отделанный продолговатый зал, обставленный скамьями. Из него одна дверь вела в холодную баню (рис. 163), а другая — в теплую (рис. 164).

В холодной бане был устроен большой круглый бассейн с холодной водой. Из теплой бани, температура которой была умеренной, переходили в горячую — продолговатый зал, нагревавшийся горячим воздухом при помощи труб, проведенных в стенах и под полом.

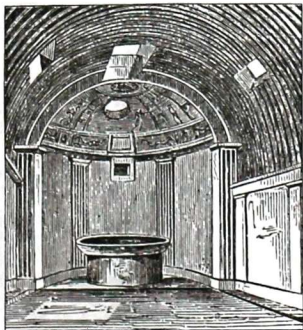

Рис. 164

Один ее конец заканчивался полукруглой нишей, а на противоположном было сделано возвышение. В нише помещался бассейн с холодной водой, а на возвышении была устроена горячая купальня. Средняя часть этого зала — пространство между нишей и возвышением — предназначалась для сауны.

Непосредственно за стеной горячей бани, отделявшей мужские бани от женских, находилась печь, нагревавшая обе половины, и рядом с ней цистерна для воды. Женские бани были похожи на мужские, но теснее их и проще. Помпейские бани, рассчитанные на двадцать пять человек, не могут сравниться с римскими термами, о величине которых можно судить по тому, что в термах Каракаллы (развалины которых простираются на 1800 футов в длину и на столько же в ширину) могли одновременно мыться 2300 человек, а таких терм при Константине было в Риме не менее десяти.

✓ *Дороги, мосты и водопроводы*

Первая дорога была построена около 312 г. до н. э. Аппием Клавдием, соорудившим и первый водопровод. Эта знаменитая Аппиева дорога, остатки которой уцелели до сих пор, была первой в той обширной сети искусственных дорог, которой римляне впоследствии покрыли свои владения. Немногие из построенных позже дорог могли сравниться с Аппиевой в техническом совершенстве. Первоначально она доходила только до Капуи и на протяжении 28 миль тянулась ровным шоссе. В понижениях и углублениях почвы дорога была укреплена массивным каменным фундаментом, состоявшим из опорного слоя и насыпи, заключенной между двумя параллельными каменными стенами. Ее полотно, шириной 25 футов, было покрыто плотной каменной мостовой, выпуклой в середине и покатою к бокам, вдоль которых шел невысокий парапет. Впоследствии Аппиева дорога была продолжена от Капуи до Брундизия, а с другой сторо-

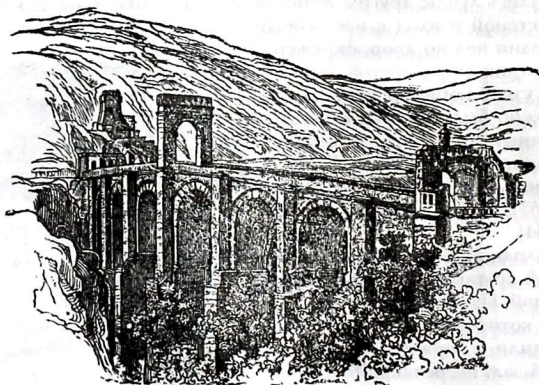

Рис. 165

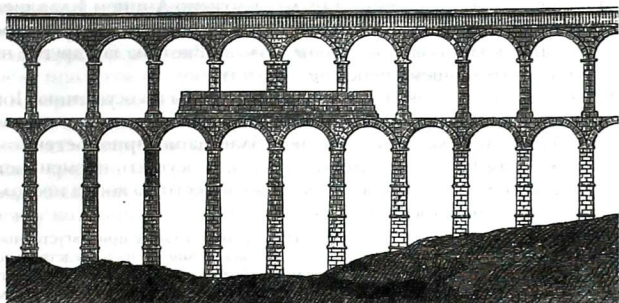

Рис. 166

ны — вдоль морского берега до Мессинского пролива. Из других больших дорог замечательны были Фламиниева, тянувшаяся вдоль восточного берега Италии; Аврелиева, соединявшая Рим с Пизой; Кассиева, между Сутрием, Клузией и Ареццо; Постумиева, проложенная от Генуи до Аквилеи, а затем от Генуи к Пизе. Больших мощеных военных дорог насчитывалось в римских владениях двадцать восемь.

Строительство дорог сопровождалось возведением каменных мостов. Первый каменный мост был построен в Риме в 181 г. до н. э. консулами Эмилием Лепидом и Флавием Нобилиором. Вслед за этим мостом (его называли либо по имени строителя Лепидовым, либо просто Каменным) были построены в разное время мост Фабриция, мост Цестия, мост Элия, подведенный Адрианом к своему мавзолею, и другие, так что в конце Империи в Риме было около девяти больших каменных мостов, в том числе несколько крытых. От них уцелело лишь несколько обломков арок и столбов, но и по ним можно судить о высоком качестве строительства.

Рисунки мостов, сделанные еще тогда, когда они не были так сильно разрушены (например изображения моста Фабриция), показывают, что римляне умели соединять необыкновенную прочность с чрезвычайной легкостью постройки и тем самым придавать даже мостам отпечаток художественности.

Успехи римлян в области мостостроения подтверждают колоссальные, частично еще сохранившиеся развалины древних мостов в бывших римских провинциях. Никакие препятствия, связанные с рельефом местности, не останавливали строителей: со скалы на скалу, через глубокие пропасти и горные стремнины перебрасывали они арки своих мостов, делая их почти несокрушимыми.

Уцелевшие мосты встречаются в каменистой Аравии, особенно много их в Южной Франции и Восточной Испании. Заслуживает внимания мост в Алькантаре (Испания), построенный при Траяне. Он укреплен на массивных опорах над глубоким ущельем и простирается в длину на 670 футов, по обоим его концам возвышаются ворота, а посередине стоит высокая триумфальная арка (рис. 165).

Начало водным сооружениям было положено Аппием Клавдием, построившим первый водопровод, и Манием Курием, который продолжил второй водопровод и осушил долину Рьетци, дав другое направление протекавшему через нее Велину.

Около 160 г. до н. э. были предприняты работы по осушению Понтийских болот. Они продолжались долго, но не привели к удовлетворительным результатам. Однако благодаря приобретенному опыту римлянам удалось около 109 г. до н. э. осушить низменности между Пармой и Пласенцией и счастливо довести до конца несколько других подобных предприятий.

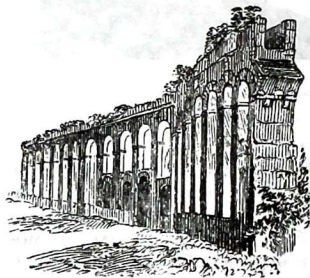

Рис. 167

Замечательный водопровод Клавдия, имевший 59 000 шагов длины, почти на две мили проходил по аркам, из которых иные доходили до 100 футов высоты (рис. 167). Перед городом он соединялся с другим водопроводом Клавдия (аква Клавдия) великоленными двойными воротами. От римских водопроводов осталось много развалин, нередко колоссальных размеров. Таковы 150 арок водопровода в Сеговии (рис. 166) и трехэтажные аркады нимского водопровода. По этим руинам видно, что водопроводы строили так же прочно и грандиозно, как и мосты, тем более что водопроводы иногда служили мостами на военных дорогах, а мосты заменяли аркады водопроводов.

Вода из водопроводов поступала в особые емкости, откуда она распределялась по окрестностям при помощи труб. Эти резервуары были выложены внутри плотным камнем, а снаружи отделаны красивыми фасадами с колоннами и статуями. Древний Рим был хорошо снабжен водой: один Агриппа устроил в нем не менее 700 колодцев (в том числе 105 фонтанных), украшенных 300 статуями и 400 мраморными колоннами. От всех этих колодцев и фонтанов уцелел один только кеглеобразный столб, поднимающийся из круглого бассейна, по всей вероятности, остаток городского фонтана. Небольшие уличные фонтаны были найдены в Помпеях (ср. рис. 136).

* * *

Римские ворота строились по типу полукруглой арки. В зависимости от того, были ли они простым проходом, сквозной аркой, стоявшей особняком, или служили входом в какое-то замкнутое пространство (например город, форум), форма их видоизменялась в соответствии с назначением. Над воротами форумов обыкновенно надстраивали верхний этаж с комнатами, в которых помещались кон-

торы менял. Примером могут служить ворота Арру в Отене III в. (рис. 168). Так как каждые ворота имеют две лицевых стороны, они назывались у римлян именем двуликого Януса, подразделяясь по числу пролетов на двойные, тройные и четверные.

К воротам последнего вида принадлежит хорошо уцелевшая арка времен Константина на бывшем воловьем рынке в Риме. Она состоит из четырех четырехугольных столбов, соединенных полукруглыми арками, которые, взаимно пересекаясь, образуют крестовый свод. Снаружи столбы покрыты двойным рядом небольших ниш, между которыми стояли прежде колонны.

Укрепления

Первыми римскими укреплениями были кольцеобразные ограды, сложенные на возвышении из необработанных каменных глыб. Эти укрепленные возвышения служили сравнительно надежным убежищем местному населению в случаях неприятельского нападения, и потому их называли крепостью, а ограду на возвышении — венцом или головой (капитолием); черта, внутри которой селились жители у подножия возвышения, получила название ограды, или кольца. Таким образом, итальянский капитолий соответствовал греческому акрополю: он был центром города, средоточием его важнейших святынь и крепостью. Таков был и Капитолий Рима.

Кроме городов, возникших под защитой естественных укреплений, усовершенствованных человеком, у итальяцев уже в глубокой

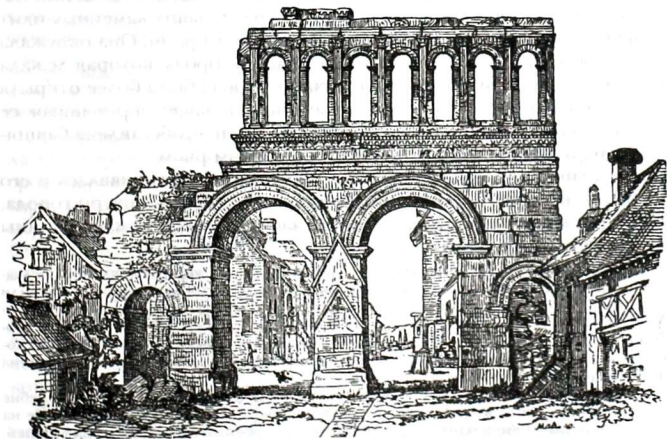

Рис. 168

древности были города, снабженные оборонительными сооружениями. Закладка городов сопровождалась обрядом, который был перенят римлянами у этрусков. Он состоял в следующем: на выбранном месте по правилам авгуральной науки отмечали прямоугольное пространство; посередине этого прямоугольника вырывали небольшую яму, бросали в нее несколько пригоршней земли, взятой рядом, и несколько полевых плодов, а затем опять засыпали.

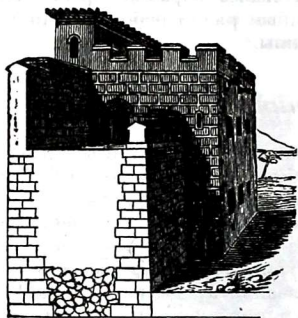

Рис. 169

Основатель города, одетый в тогу старинного покроя, брал соху, запряженную белым быком и такой же коровой, и проводил вокруг прямоугольника борозду — границы будущего города. При этом он вел соху так, что бык шел по правую сторону борозды, вне черты города, а корова с внутренней стороны. Поднимаемая сошником земля отворачивалась налево, внутрь черты.

Там, где предполагались ворота, соху приподнимали и, перенеся несколько шагов, опять опускали, отсюда и название портика (от *portare* — нести). С обеих сторон городской стены оставляли пустое пространство — полосу земли, которую не застраивали. Эта полоса называлась «помериум» и вне стены обозначалась камнями. По такому обряду был основан и Рим, почему и назывался квадратным — Рома квадрата (*Roma quadrata*). Вероятно, что при основании он был окружен вместо стены земляным валом и нешироким рвом.

Постройку первой стены вокруг Рима предание приписывает Тарквинию Приску и Сервию Туллию. Эта стена, обыкновенно называвшаяся Сервиевской, была сложена из больших каменных плит 13 футов длиной и снаружи обведена широким рвом. Она окружала на протяжении одной мили только ту часть города, которая лежала на левом берегу Тибра. Восточная часть города была более открыта нападению, поэтому укреплена намного сильнее: окружавшая ее стена была построена на массивном фундаменте, обставлена башнями и снаружи защищена широким и глубоким рвом.

С увеличением населения Рима постепенно увеличивалась и его площадь, в результате эти древние стены оказались внутри города, защищая лишь незначительную его часть, между тем как границы его оставались открытыми.

Пока Рим сохранял свое могущество, он не нуждался в укреплениях, но впоследствии, когда непрерывные вторжения варваров на территорию империи заставили опасаться и за ее столицу, необходимость надежной защиты стала очевидной. Поэтому в 217 г. Аврелиан начинает постройку новой городской стены, законченную Пробом (276—282 гг.). Эта стена построена так, что между лицевыми ее сторонами, сложенными из крепких кирпичей и соединенными между собой арками, оставлена пустота, плотно набитая щебнем.

Она имела 52 фута высоты, протяженность 2 мили и не менее 14 ворот. На гребне стены были бойницы в виде зубцов; снаружи ее окружали башни, размещенные на одинаковом расстоянии одна от другой. Так же построена и городская стена Помпей, примечательная особой формой бойниц. Ее прямоугольные башни имели по несколько этажей, которые соединялись между собой каменными лестницами, а с гребнем стены — особыми проходами (рис. 169).

Полевые укрепления и осадные постройки

В военном строительном искусстве римляне только подражали грекам и не изобрели ничего оригинального. Исключением было устройство военного лагеря, которое римляне довели до совершенства. По обычаю италийцев, выбор всякого общественного места сопровождался авгуральным обрядом лимитации, состоявшем в том, что авгур намечал границы этого места по правилам своей науки, поэтому римский лагерь (кастра) всегда строился на освященном месте и располагался квадратом.

Впоследствии, когда римская армия увеличилась за счет вспомогательных и союзных войск, лагерь строился как продолговатый прямоугольник: квадратный лагерь собственно римского войска (легиона) был увеличен за счет территории, отведенной под лагерь неримских войск. Позднее, когда лагерным укреплениям стали уделять меньше внимания, римляне позволяли себе отступления от традиционной схемы.

Внутри лагеря планировался следующим образом: из центра квадратной площади проводили к ее сторонам перпендикулярные линии, разбивая площадь на четыре квадрата. По этим линиям прокладывали две дороги шириной от 50 до 100 футов, пересекавшиеся под прямым углом.

В точках пересечения дорог с границей лагеря строили ворота. Дорога, которая шла параллельно стороне лагеря, обращенной к неприятелю, называлась главной, ее ворота — главными правыми и главными левыми. Ворота, расположенные посередине передней стены лагеря, носили название преторских (от «претор», т. е. предводитель, военачальник). Внутри квадратов, но отступив от стены на двести футов, размещали палатки и другие принадлежности лагеря.

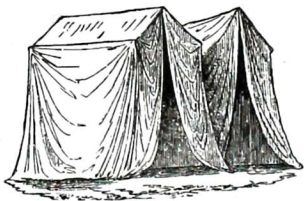

Рис. 170

Лагерные укрепления различались в зависимости от того, какой лагерь строили — летний или зимний, временный (на короткий срок, нередко только для ночевки) или постоянный. Временные лагеря, даже зимние, строили без больших затрат материала и работы, укрепляли их обычно нешироким рвом и валом или насыпью; в особенно опасных случаях ров рыли несколько шире и глубже и, кроме вала, лагерь окружали частоколом.

Постоянный лагерь, который был в то же время и зимним, строили особенно прочно и окружали высоким валом с брустверами и выступами; перед валом вырывали глубокий ров, который нередко выкладывали камнем; ров обносили частоколом и окружали на некотором расстоянии другим валом и рвом.

В тех случаях, когда нужно было обезопасить себя от нападения сильного неприятеля, прибегали к еще более надежным укреплениям. При осаде Цезарем Алезии римский лагерь был защищен со стороны крепости оборонительной линией с 23 бастиями длиной две

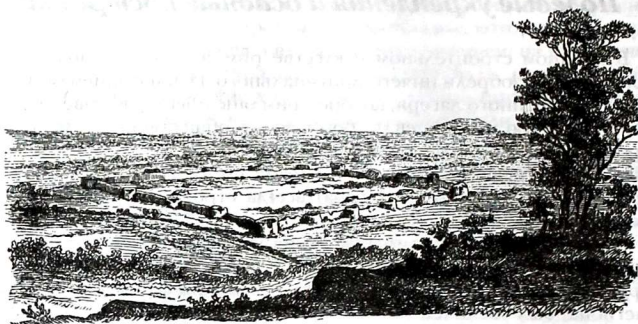

Рис. 171

мили. Такими же линиями окружали и осажденную крепость, чтобы отрезать всякое сообщение с ней. Палатки в летнем лагере были кожаными (рис. 170); в зимних лагерях их заменяли небольшими деревянными хижинами, крытыми соломой. На рис. 171 показаны руины укрепленного римского лагеря в долине реки Тимока.

К осадным постройкам и приспособлениям, служившим как для нападения, так и для защиты, принадлежали насыпи, подвижные башни, засеки, подкопы, волчьи ямы и капканы. Насыпи строились из бревен, земли и дерна и иногда (как построенная Цезарем под Аварикумом) доходили до 360 футов длиной и 80 футов шириной. Место, предназначенное для постройки такой насыпи, сначала выравнивали, затем по обеим его сторонам укладывали крест-накрест древесные стволы, засыпая промежутки землей и камнями.

Эти две стены и оставшийся между ними проход покрывали плотным настилом из брусьев, на который опять клали стволы. Такую кладку продолжали, постепенно сужая ее уступами, до тех пор, пока настил не достигал уровня гребня стены, на которую требовалось взойти. Чтобы уберечься от огня, бока насыпи обшивали кожами; промежуток между ней и стеной, если таковой оставался, наполняли щебнем, камнями, землей и таким образом подводили ее под самую неприятельскую стену, работая постоянно под защитой деревянного навеса.

Осадные подвижные башни ничем не отличались от греческих, кроме того, что в редких случаях римляне строили их из камня (например при осаде Массилии Цезарем); точно так же были похожи на греческие и другие осадные машины: таран (рис. 172), стенобитная машина, серпообразное орудие для разламывания стен, а также оборонительные машины, опускающий мост, метательные снаряды.

Похожу на греческие были и все средства защиты, которые римляне употребляли в случае осады. Лестницы, приставленные к стене, опрокидывали вилами, а влезавших по ним хватили клещами специальных кранов и перетаскивали через стену.

Переносные крыши обливали растопленным свинцом, горячей смолой или бросали на них зажигательные снаряды; стенобитные машины дробили каменными глыбами или захватывали их и притягивали к стене канатами, а также ослабляли их удары деревянными щитами и подушками, которые спускали со стены.

Ворота закладывали массивными щитами, утыканными железными остриями. Насыпи, строящиеся неприятелем, старались поджечь, если это не удавалось, то их подкапывали. Против подвижных башен действовали метательными орудиями, поставленными на гребне стены, или на том месте, куда была направлена атака, ставили башню. Если разбиваемая часть стены начинала качаться, за ней изнутри строили другую стену, используя для этого материал ближайших домов.

Рис. 172

К военным постройкам следует отнести и мосты для переправы войска через реки. Искусство их строительства у римлян было доведено до совершенства. Доказательством этого служит огромный мост через Рейн, построенный армией Цезаря в течение 10 дней (рис. 173), и не меньший по размерам Траянов мост через Дунай. Оба эти моста были укреплены на сваях. Кроме свайных мостов наводились понтонные мосты и мосты на козлах, преимущественно для переправы через болота и небольшие реки.

Судостроение

Во всем, что касалось морского дела, римляне были учениками греков. Кстати, латинские наименования отдельных частей судна происходят от древнегреческих названий. По-видимому, основы судостроения были известны племенам, заселявшим Италию, еще до переселения. В Италии судостроением занимались прежде всего этруски. Для торговли и морского разбоя им нужны были воору-

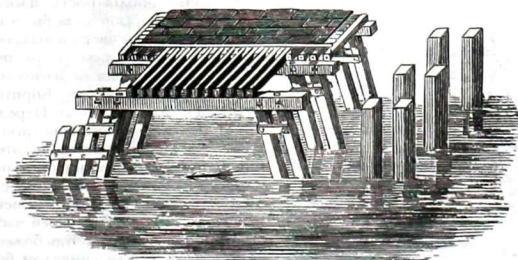

Рис. 173

б

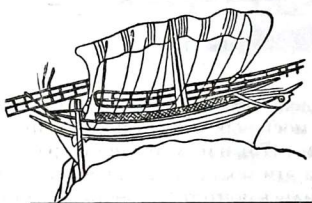

Рис. 174

которого большую часть судов они пока позаимствовали у своих греко-италийских союзников. Впрочем, уже около 311 г. до н. э. были назначены два главнокомандующих флотом, а в 267 г. до н. э. выбраны четыре флотских квестора.

Постройка и снаряжение военных судов различной величины продолжались непрерывно, и в 260 г. до н. э., к началу Пунических войн, римляне уже владели флотом, состоявшим кроме многочисленных военных судов с 50 веслами из двадцати трехпалубных (трирем) и ста пятипалубных кораблей. Образцом последних был карфагенский корабль, выброшенный бурей на итальянский берег и захваченный римлянами. При императорах численность римского флота была такова, что каждая значительная гавань имела свою собственную военную флотилию.

По виду и оснастке римские суда были во всем похожи на греческие (рис. 176, А).

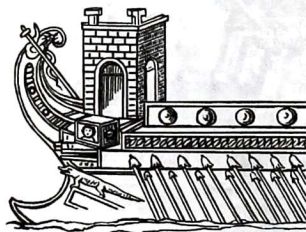

Рис. 175

женные суда. Этруски раньше других прибрежных италийцев овладели всем Тирренским морем (в основном в качестве пиратов) и построили первые военные корабли по образцу греческих и западноазиатских пятидесятивесельных судов. Изображения подобных кораблей, тяжелых и крутободких, встречаются на этрусских вазах (рис. 174, б) и других памятниках (рис. 174, а — с помпейского рельефа).

Строительство военных судов типа греческих и финикийских парусных с несколькими рядами весел (двумя, тремя, до 10 рядов) началось у римлян, когда возрастающее могущество Карфагена заставило их подумать о коренном преобразовании флота. Этруски к этому времени утратили господство на море, и итальянские берега страдали от нападений греческих пиратов, а почти вся торговля перешла к карфагенянам (322 г. до н. э.).

Вынужденные защищаться, римляне прежде всего приступили к укреплению берегов (338 г. до н. э.) и вслед за тем к организации военного флота (326 г. до н. э.), для

В противоположность плоскодонным речным, все морские суда были килевыми, с сильно загнутым вверх и выдающимся килем. Из киля выходили ребра, поднимаясь вверх сначала пологим изгибом, а потом почти перпендикулярно. Корпус корабля назывался «алвеус» (а—а). Передняя часть (б—б), почти такой же конструкции, как и корма, была вооружена на высоте ватерлинии железным наконечником с тремя зубцами (ростра) — для пробивания неприятельских судов (рис. 176, Б, В). На ней же было написано имя судна, большей частью заимствованное у какого-нибудь божества.

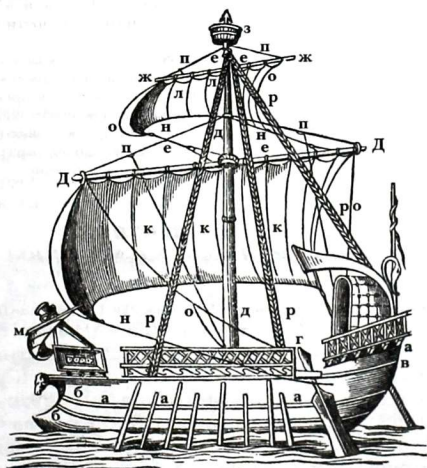
Корму украшали символом бога — покровителя корабля, и какой-нибудь резной фигурой, на которой вешали сигнальный

флаг. На корме располагалось крытое сиденье для рулевого, а впереди сиденья по обеим его сторонам были прикреплены к борту два широких рулевых весла (г).

Внутри корабля находились скамьи гребцов, поставленные в несколько рядов, поднимающихся один над другим. В зависимости от числа их рядов корабли разделялись на либурны, триремы, квадриремы и т. д. Весла, длина которых для каждого ряда скамей была разной (чем дальше от борта скамья, тем длиннее весло), проходили сквозь круглые отверстия в боках корабля. Отверстия эти были обложены кожаными подушками, в них находились уключины, к которым весла крепились ремнями.

Мачта (д—д) — ставилась в углубление посередине корабля и укреплялась подпорками. Если на корабле было две или три мачты, то главная (грот-мачта) занимала середину корабля, а меньшие ставились: одна ближе к носу (фок-мачта), другая — к корме (бизань-мачта). На каждой мачте было не менее одного марса (з). Немного пониже марса на грот-мачте прикреплялся брамсель (л—л), а под ним большой марсель (к). Паруса висели на реях (е—е), которые удерживались в горизонтальном положении туго натянутыми канатами (п—п), захлестнутыми за головки рей (ж—ж). На больших судах к грот-мачте прикрепляли третий парус и ставили парус на носу судна (м). Якоря были большей частью железные, с двумя или четырьмя лапами.

К большим судам принадлежали также башенные, тоже подобные греческим, с одной или несколькими башнями на палубе. Двухъярусные суда были двух видов — беспалубные (открытые) и палубные (крытые), те и другие очень прочной конструкции и с высокими бор-

А

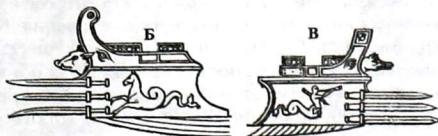

Рис. 176

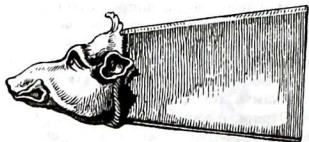

Рис. 177

тами. Однорусные разделялись на шлюпки и сторожевые. Существовали корабли особой конструкции: с узким и длинным корпусом, которые назывались быстроходными, а также большие тяжелые суда для перевозки грузов и кавалерии.

Численность солдат на римских кораблях (*milites classici, classarii*)

намного превышала количество солдат на греческих кораблях. Например, на пятигребном римском корабле насчитывалось 120 солдат. На рис. 175 — военный корабль с башней (*navis turrita*).

В области вооружения военных судов римляне не только не отстали от греков и карфагенян, но даже превосходили их благодаря некоторым собственным изобретениям. В начале Пунических войн адмиралом Дуилием были устроены abordажные машины, имевшие целью превратить морской бой в сражение на палубе. Они состояли из столба, вокруг которого вращался широкий опускающийся мост, снабженный перилами и на переднем конце железными зубцами.

Приблизившись к неприятельскому судну, римляне опускали мост и тот, упав на палубу последнего, вонзался в нее своими зубцами и сцеплял оба корабля. Эти мосты были впервые использованы в сражении при Милах (260 г. до н. э.) и оказались настолько полезными, что благодаря им римляне уничтожили почти половину карфагенского флота.

Из других abordажных орудий применяли серпы, насаженные на длинные шесты, для перерезания неприятельского такелажа и abordажные крючья. Для повреждения неприятельских судов издали в них пускали брандеры и бросали зажигательные стрелы. При Августе получил распространение клюв, изображенный на рис. 177. Острые зубцы такого клюва не выдавались над водой, как у двух прежних, а были скрыты под ней, вследствие чего их удары были для кораблей гораздо опаснее удара тарана, так как за проломом следовало немедленное потопление.

Триумфальные арки и монументальные колонны

Одной из древнейших триумфальных арок называют арку Фабия, поставленную в 139 г. до н. э. в честь Фабия Максима, от которой не осталось никаких следов. Сохранившиеся в Риме арки относятся к более позднему времени. Самая древняя из них арка Тита, воздвигнутая в честь его победы над иудеями в 70 г. (рис. 129; рис. 130).

Известны арки Септимия Севера (203 г.) и Константина (рис. 178), построенная в IV в. И та, и другая имеют по три пролета, из которых средний больше боковых. Хотя арка Септимия на сто лет древнее арки Константина, в ней, при всем богатстве орнамента, гораздо заметнее упадок римского зодчества, чем в арке Константина. Но превосходство арки Константина только кажущееся.

Из арок меньших размеров, поставленных не за воинские подвиги, а за гражданские заслуги, достойны внимания две арки, воздвигнутые Августу за возобновление Фламиниевой дороги (одна в Сузе в Пьемонте, другая в Римини), а также ворота, посвященные золотых дел мастерами и менялами Септимию Северу. Они накрыты го-

ризонтактным архитравом и в орнаменте схожи с триумфальной аркой того же императора.

Из монументальных колонн первое место принадлежит колоннам Траяна и Антонина. Первая представляет собой мраморный цилиндр, сложенный из 19 частей, на прямоугольном пьедестале. Внутри цилиндра высечена винтовая лестница со 184 ступенями, освещающаяся 45 узкими отверстиями в стенках колонны.

Пьедестал покрыт изображениями трофеев; по стволу колонны спиральной полосой идет длинный рельеф, заключающий в себе 2500 фигур. Он изображает битвы Траяна с даками. На вершине колонны стояла статуя Цезаря, позднее замененная бронзовой фигурой св. Петра в 23 фута высотой. Высота колонны с пьедесталом 177 футов, без него — 92 фута; диаметр ствола у основания — 11 футов, вверху — 10 футов. На Антониновой колонне представлены сцены из войн Марка Аврелия с квадами и маркоманами. И на ней статуя св. Петра заменила статую римского императора.

К разряду подобных памятников могут быть отнесены ростральные колонны. Древнейшей из них является пила Горагия — столб, обвешанный оружием, отнятым Горациями у Куриациев, некогда стоявший на римском Форуме. Кроме того, римские военачальники, как и греческие, в память о своих победах сооружали храмы богам и посвящали им алтари.

Утварь

Древнейшие изделия римского производства принадлежали этруским мастерам. При Нуме в Риме было учреждено цеховое ремесленное сословие, но неизвестно, были эти ремесленники римлянами или этрусками. Можно предположить, что римлян среди них не было, так как единственными промыслами, которые римляне

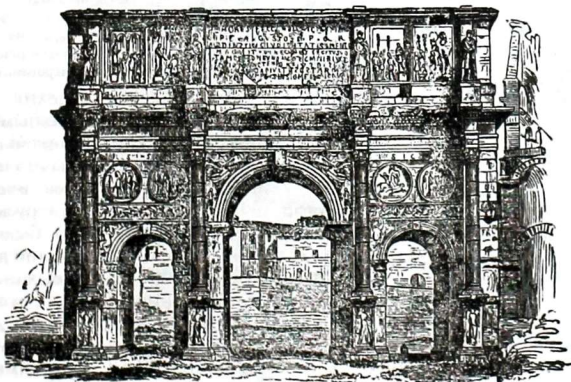

Рис. 178

считали не унижительными и на которые по закону они имели исключительное право, были земледелие, скотоводство и сбыт товаров за море. Всякая мелкая промышленность и ремесла были строго запрещены всем римлянам вообще, как патрициям, так и плебеям. Кроме того, в первые века существования Рима все его силы были направлены на развитие и упрочение военного могущества, и мирные занятия должны были отойти на второй план.

Скорее всего, цеха Нумы (их было девять: музыкантов, столяров или плотников, красильщиков, сапожников, горшечников, кожевников, золотых и бронзовых дел мастеров и др.) состояли если и не из одних этрусков, то из клиентов, рабов и отпущенников, свободных римлян в них не было. Впоследствии в них вступали, очевидно, и бедные плебеи, а еще позднее они пополнялись переселенцами из Греции и Малой Азии.

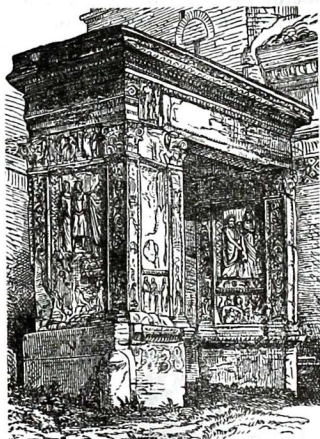

Рис. 179

Со времен войн Рима на Востоке, в Греции и Малой Азии, особенно после завоевания Греции (146 г. до н. э.), все предметы роскоши и художественные изделия стали, благодаря торговле, поступать непосредственно из этих земель.

В самом Риме они изготавливались иностранными (греческими) художниками и мастерами. В результате местные ремесла ограничивались производством предметов первой необходимости, но подобные производства были маловыгодны и непочтены, поэтому они перешли в руки рабов, которых для этой цели покупали и обучали.

Работать за деньги стало считаться позорным делом, и даже такие люди, как Цицерон, называли звание ремесленника «непристойным, низким и бесчестным» (Цицерон, I, 42). Неудивительно, что ни один римлянин, если только его не вынуждала к тому крайняя нужда, не хотел браться ни за какое ремесло или искусство (древние эти понятия не разграничивали).

Металлические изделия римлян находились под сильным влиянием этрусского производства. Большие предметы обычно не отливали, а чеканили, пластические

орнаменты к ним вытачивали резцом. Насколько широко этруски занимались металлическими работами и как велико у них было потребление металла, можно судить по тому, что, когда римляне взяли город Волсиниум, они нашли в нем не менее 2000 бронзовых статуй.

Из деревянных поделок не уцелело почти ничего, но то, что столярное мастерство было доведено у римлян до совершенства, доказывают, с одной стороны, сохранившиеся изображения различной деревянной утвари, по-видимому, с металлическими и другими инкрустациями, а с другой — заслуживающие доверия свидетельства древних авторов.

Особенно выдающихся успехов достигли ремесленники Александрии в производстве стекла и стеклянных изделий. К началу эпохи Империи они умели не только окрашивать стекло во всевозможные цвета, так что его трудно было отличить от цветных камней, но и смешивать разноцветные стеклянные сплавы (под цвет опала или агата) или накладывать слоями один на другой. В этой технике выполнены портлендская ваза и найденный в Помпее красивый сосуд с выпуклыми орнаментами (рис. 180). Для получения орнаментов сосуд из темного стекла покрывали слоем непрозрачного белого и вышлифовывали требуемое изображение.

Рис. 180

Из стеклянных сосудов до нашего времени дошли несколько чаш и небольших кубков с круглым дном, сделанных из тонкого стекла и покрытых стеклянной сеткой, прикрепленной стеклянными штифтиками. Такие сосуды назывались прорезными.

До какой степени была усовершенствована обработка стекла, свидетельствует рассказ о том, что в царствование Тиберия был изобретен род ковкого стекла, за что император, опасаясь, чтобы новое стекло не обесценило благородные металлы, велел казнить изобретателя. Историки приводят также описание стеклянного кратера, украшенного виноградными кистями. Красное вино, наливаемое в него, входило в эти кисти постепенно, так что они краснели и будто бы созревали.

Техника каменного ваяния была принесена в Италию греческими художниками. До этого этрусские скульпторы работали с мягким песчаником, пеперином и алебастром, хотя мрамор был у них под рукой. Кроме того, они редко высекали фигуру целиком, а прибегали к более легкому приему, составляя ее из отдельных фрагментов. С введением греческой техники ваятелям стали доступны все породы камней (мрамор, порфир, гранит и т. д.). Это доказывают многочисленные статуи и различная каменная утварь: столы, кресла, канделябры и пр.

В керамике этруски были мастерами уже в глубокой древности и в отношении техники не уступали греческим горшечникам. Они тоже употребляли стеку, гончарный станок и деревянные и глиняные формы, умели сушить и обжигать свои изделия, расписывать их, покрывать глазурью и особым составом вроде лака, обеспечивающим их прочность.

Сосуды

Древние сосуды, найденные в Этрурии, в основном сделаны из глины и металла, кроме нескольких стеклянных чашечек круглой формы. Но все это изделия привозные. К ним относятся небольшие сосуды восточного происхождения из голубой финифти, зеленоватой глины и алебаstra, несколько орнаментированных страусовых яиц и множество расписанных глиняных ваз, которые были извлечены из этруских гробниц и теперь выставлены в музеях под названием этруских.

Эти керамические вазы — изделия греческого производства. Основываясь на различиях в стиле, можно полагать, что одни вазы были вывезены из Коринфа между 500 и 450 гг. до н. э. (если уже не при Тарквиниях), другие — из Аттики и дорийского острова Керкиры в течение следующего века, до 350 г., третьи, включая большие красивые вазы, найденные в позднейших гробницах, — из Сицилии.

Существенно от них отличаются глиняные сосуды местного, этруского производства. Не уступая греческим с точки зрения техники, они стоят гораздо ниже в художественном отношении. Этрусские сосуды разделяются на две группы. К первой принадлежат расписанные амфоры и чаши, подражающие греческим вазам.

Вторую, меньшую, группу составляют нерасписанные сосуды среднеазийского и египетского типа с грубо выполненными пластическими украшениями. Сосуды второй группы разделяются по цвету

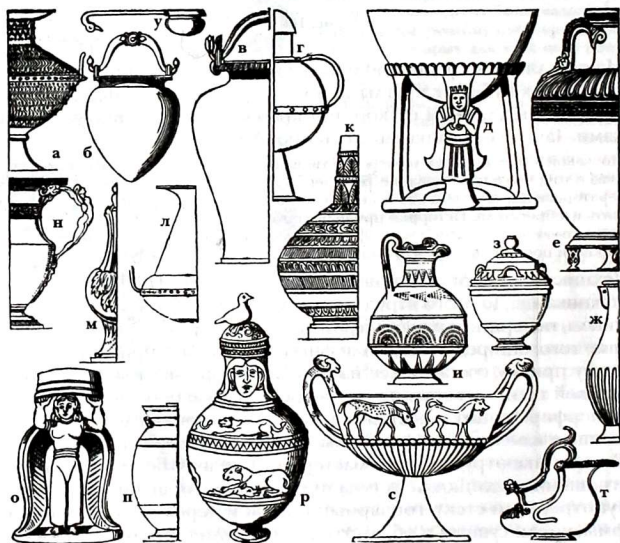

Рис. 181

глины на черные и красные, первые более неуклюжие, большей частью необожженные и потому, несомненно, древнее последние, закаленных на огне.

Древность черных сосудов подтверждается еще и тем, что они были найдены большей частью в древних гробницах Южной Этрурии (преимущественно в Вейях) и кажутся неуклюжими по сравнению с гораздо более изящными красными сосудами. Производство красных сосудов в Арециуме (Ареццо) продолжалось еще в императорскую эпоху и потому не избежало позднегреческого влияния.

Черные сосуды часто делали в форме крутобокой амфоры с крышкой (или без нее) и массивной подставкой или большого египетского кувшина с человеческой головой и руками, так называемого канона. Встречаются также пузатые кружки с ручкой, плоские фляжки с двумя ручками, сосуды для питья в форме чаш, стаканов и чашек, иногда с ручками и подставкой, окруженной фигурками в виде кариатид, продолговатые конические сосуды в виде животных.

Орнамент на всех этих сосудах вытиснен и представляет собой горизонтальные полосы или ряды фигур людей и животных (ср. рис. 181, д, з, и, к, о, р, с). Большинство красных сосудов составляют амфоры (до 3 футов высотой) и довольно большие плоские чаши; из мелких сосудов многочисленнее других греческие кружки, красивые горшочки, цилиндрические и кеглеобразные флакончики (бальзамарии) и всяческие глиняные лампы.

Металлические сосуды рассматриваемой эпохи по формам и отделке приближаются к черным глиняным, следовательно, к древнему, восточному типу, больше всего напоминая ассирийские образцы. Некоторые из них отличаются более чистыми формами и потому сделаны, вероятно, в более позднюю, греко-итальянскую эпоху, может быть, даже греческими мастерами (рис. 181, б, в, е, ж, м, н, т, у).

Древнейшие металлические сосуды делятся на следующие разновидности. Серебряные (найденные в гробнице вблизи древнего города Цере, ныне Черветро): круглая чаша с двумя ручками на высокой ножке; глубокая чаша или кубок с двумя ручками (скифос); небольшая круглобокая амфора тоже с ручками; простая кружка; высокий кубок и плоская чаша без ручек. Почти все они украшены плоским рельефом.

Бронзовые: плоская чашечка с горизонтальной ручкой (рис. 48); горшки разного вида, с ручками и подставками и без них; плоские и глубокие чаши и кубки, на ножке и без нее; вазоподобная курильница и полукруглый открытый котел или таз, по верхнему краю украшенный несколькими звериными головами, загигающимися внутрь в виде ручек (ср. рис. 181, б, в, е, ж; рис. 182; рис. 183, в, г). Некоторые из сосудов, употреблявшиеся, вероятно, при богослужении, поставлены на подставки: у котлов эта подставка состоит из бронзового треножника (рис. 183, а—в), у курильниц — из фигуры божества, стоящей на колесах, или из одних только колес (рис. 182).

Рис. 182

Переход от прежней простоты к необузданной роскоши совершился очень быстро. Во времена Республики, когда по закону из серебряных вещей позволялось иметь только солонку и жертвенные чаши, один из сенаторов был исключен из сената за то, что у него нашлось до 10 фунтов серебряной посуды.

При Сулле одних только стофунтовых серебряных блюд насчитывалось в Риме до 150 штук. Работа нередко превышала в 15—18 раз стоимость металла. Поэтому некоторые вещи, сделанные знаменитыми мастерами, покупались за баснословные цены. Луций Красс за два серебряных кубка работы Ментора заплатил в 95 г. 100 000 сестерциев. Но это не самая большая цена по сравнению с теми суммами, какие платили за подобные вещи в императорскую эпоху.

Когда серебряная посуда стала считаться слишком обыкновенной (если кухонная посуда богатых людей делалась из серебра, то, конечно, столовый серебряный сервиз был вещью заурядной), ее стали постепенно заменять золотой. Употребление золотых, осыпанных драгоценными камнями и даже сделанных из драгоценных камней сосудов началось при Августе и вскоре приняло такие размеры, что уже при Тиберии сенат вынужден был принять декрет, ограничивающий эту непомерную роскошь.

Из всей этой массы дорогих сосудов до нас дошло очень немного. Самый большой древний сосуд из драгоценного камня, какой только существует в Европе, находится теперь в Вене. Он был захвачен крестоносцами при взятии Константинополя. Это великолепная чаша с ручками, высеченная из цельного агата: она имеет высоту 4,5 дюйма и 28,5 дюйма в поперечнике с ручками и 22 дюйма без них.

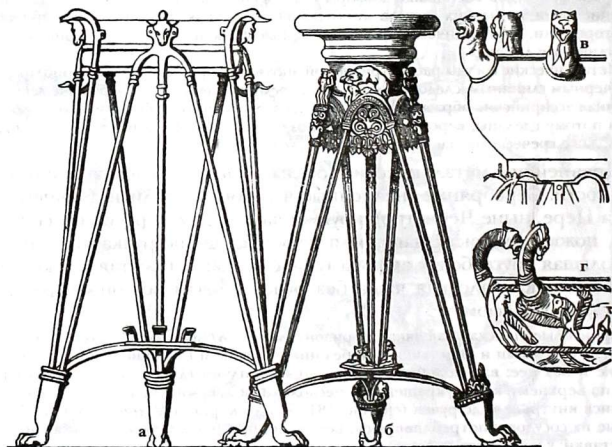

Рис. 183

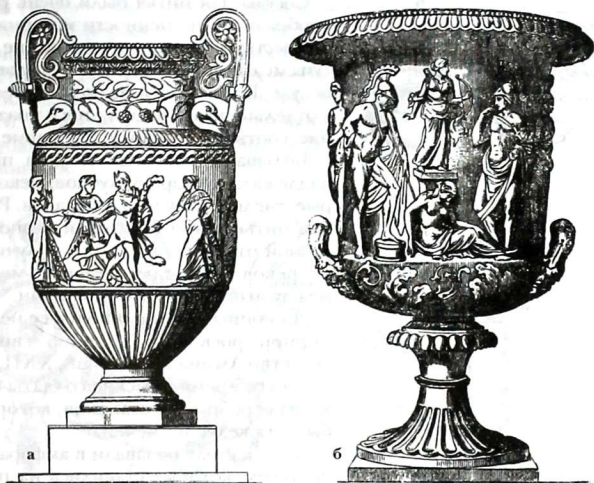

Рис. 184

Для выделки небольших и для украшения больших сосудов из золота использовали также янтарь. Реже делали их из слоновой кости и других подобных материалов. В сосудах, имевших декоративное назначение (из алебастра, мрамора, порфира, гранита, туфа и др.), главную роль играла художественная отделка — скульптурные орнаменты и рельефные композиции в древнегреческом (рис. 184, а) или в древнеримском стиле (рис. 184, б).

Хозяйственная посуда римлян ничем не отличалась от греческой. Большие емкости для жидкостей делались обычно в виде бочек из обожженной глины или в форме амфоры, которую придавали в каменным вазам со скульптурными украшениями (ср. рис. 184, а).

Кухонную посуду составляли: горшки разных видов, котлы, в том числе солдатские походные (рис. 64, б), сковороды, посуда для воды или молока, поддонники, корыта для теста, разного рода лохани, кувшины для черпания и ношения воды, посуда для умывания, черпаки с длинными ручками, половники и ложки (рис. 186). К кухонной утвари принадлежали также бутылки, делавшиеся иногда из кожи, воронки, сита, решета, треножники для горшков, вертелы и рашперы для жаренья, ступки каменные и металлические. Сюда же можно отнести весы и безмены.

Кушанья подавали на больших блюдах. Самые вместительные из них предназначались для рыбы. Стофунтовые серебряные блюда, которых при Сулле насчитывалось в Риме 150 штук, сделались в императорскую эпоху вещью обыкновенной, даже блюда в 500 и более фунтов не были тогда редкостью. Римляне использовали также тарелки, соусники и салатники.

Рис. 185

Рис. 186

Сосуды для питья были очень разнообразны и по ценности материала, изяществу и богатству отделки не уступали самой драгоценной столовой посуде. Все они назывались «покула», а отдельно каждый сосуд носил название, соответствовавшее его форме.

Большая часть этих сосудов принадлежала к разряду кубков, некоторые имели форму чаш и бокалов. Рога для питья в той богатой и разнообразной отделке, какую они получили у греков, занимали главное место между этими дорогими сосудами.

Для описываемой эпохи с ее непомерной роскошью типично свидетельство Аммиана (Аммиан, XXII, 4), что в его время римские солдаты пили из серебряных стаканов, которые были тяжелее их мечей.

Вино к столу подавали в амфорах и кратерах, которые ставились на подставки. Как и у греков, форму кратера придавали также большим декоративным сосудам (рис. 184, б).

Осветительные приборы

Как и греки, итальянцы освещали свои жилища сначала лучинами из смолистого дерева и факелами, потом перешли к свечам, сальным и восковым, а затем к лампам. Сальные свечи употреблялись и позднее людьми небогатыми; богатые пользовались только масляными лампами и восковыми свечами.

Лампы назывались «луцерна» (lucernae) и разделялись по своему назначению на комнатные, банные, лампы для столовой, погребальные и т. д. Несмотря на разнообразие ламп, все они имели форму овальной или круглой закрытой чаши с носиком спереди (для фитиля) и ручкой на противоположной стороне, были на подставке или без нее (рис. 187, а—к).

Кроме глиняных ламп у римлян были очень дорогие металлические — бронзовые, серебряные и даже золотые. Лампы могли быть с одной головкой, двумя и более. Ламповый набор состоял из небольшого кувшинчика для наполнения лампы маслом, крючка и щипчиков для поправления и срезания фитиля. Крючок и щипчики иногда прикреплялись цепочкой к самой лампе (рис. 187, д).

В этрусских могилах не найдено ламп, но зато нашли много бронзовых канделябров (рис. 188, а—з). Все они состоят из стержня, оканчивающегося чашей (для огня), и треноги или сплошной подставки.

Канделябры у римлян (рис. 189, а—д) служили только подставками для ламп, поэтому стержень их оканчивался вместо чаши плоским крутом (189, б, г). Мраморные канделябры с чашами использовались для освещения на воздухе (рис. 189, а). Были переносные канделябры, к ним подвешивали по несколько ламп на цепочках (рис. 189, в). Большие канделябры делались также с выдвижным стержнем, длину которого можно было менять по желанию.

В Помпеях был найден очень красиво сделанный фонарь цилиндрической формы с полукруглым верхом, трубкой для фитиля и цепочками, за которые его носили.

Приборами для отопления и разогревания еды были жаровни и небольшие переносные печки, обычно из бронзы (рис. 190). Кроме того, комнаты нагревались теплым воздухом, который проходил по трубам, проложенным под полом. В Северной Италии пользовались каминами.

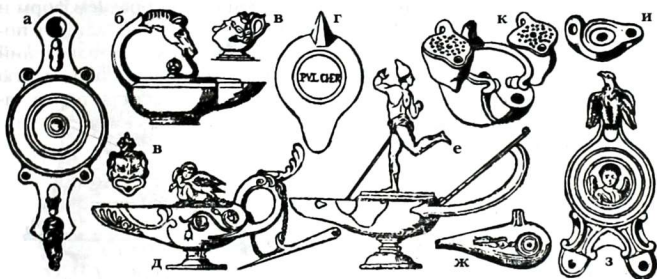

Рис. 187

Треножки получили в позднейшую эпоху значение декоративной утвари и соответствующую ему отделку, в которой греческое изящество соединялось с причудливостью римского вкуса. Треножки делались также и складные, на шарнирах, подобно складным канделябрам.

Изображение на этрускской гробнице в Тарквиниях, по стилю относящееся к раннегреческому времени, указывает на употребление поставцов в виде столов с несколькими полками или этажерок (рис. 191).

Мебель

Мебель римлян известна нам не столько по сохранившимся образцам, сколько по изображениям, так как она изготавливалась из легко разрушающихся материалов (дерева, кости) и редко из металлов и камня. До нас дошли хорошо сохранившиеся предметы каменной и бронзовой мебели, найденные в Геркулануме, в Помпеях, на римской земле и даже в этруских могилах.

Есть доказательства, что этруски и в своей мебели, как и во всем остальном, любили восточную пышность. Они отделывали свои ложа слоновой костью и покрывали их дорогими восточными коврами. Так был убран трон царя Аримна, подаренный этрусками храму Юпитера Олимпийского. Обычным украшением мебели, по свидетельству позднейших авторов, было скульптурное изображение ос-

линой головы, которому этруски приписывали силу разрушать всякие чары и которое в том же значении употреблялось в старом Риме.

Из древнеэтрусской мебели сохранилось несколько бронзовых и каменных кресел и погребальные носилки из металлических шестов. Изображения домашней утвари на саркофагах, урнах и т. п. должны быть отнесены к более позднему, римскому периоду.

Комнатная мебель римлян даже в период роскоши была не сложнее этруской или греческой и состояла из тех же предметов (кроме шкафов со створчатыми дверцами — более позднего изобретения), но зато эти вещи отличались чрезвычайным разнообразием форм и необыкновенно высокой стоимостью. За пару богато вытканых покрывал платили до 200 000 сестерциев, собиратели произведений искусства не задумываясь давали 40 000 сестерциев за небольшую бронзовую фигурку для украшения комнаты. Разумеется, перед такой роскошью оказывались бессильными все издаваемые против нее постановления.

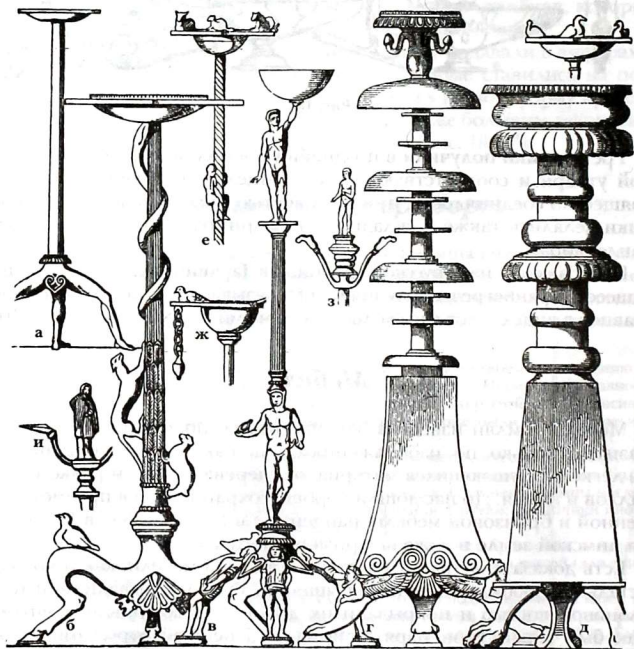

Рис. 188

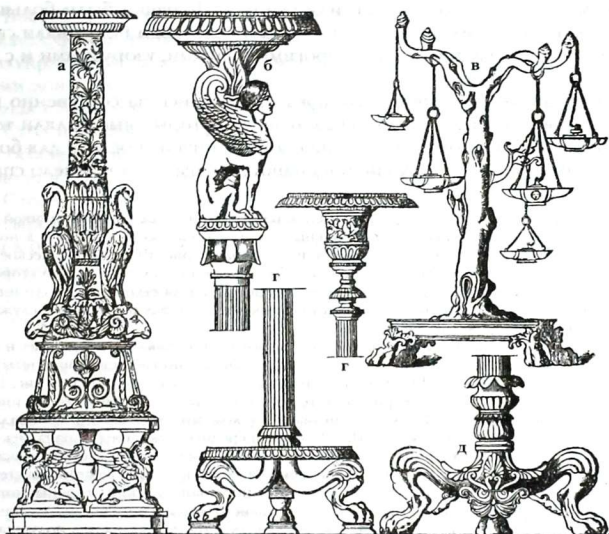

Рис. 189

Мебель для сидения была разных видов. Стулья, употреблявшиеся только женщинами, были похожи на греческие сидения без ручек. Кресло главы дома было настоящим креслом (со спинкой и ручками), настолько высоким, что на него садились с помощью скамейки (рис. 192, в). Оно называлось «солиум» (название это впоследствии было перенесено и на трон).

Стулья различались устройством, величиной и материалом, из которого они были сделаны. Были сиденья с одной спинкой без ручек, или только с ручками без спинки, или же без спинки и без ручек (рис. 192, г); иногда спинка и ручки соединялись вместе в один выгнутый полукруглый щит (рис. 192, б). Основа стула или кресла делалась то с четырьмя прямыми ножками, то в форме ящика или цилиндра (рис. 192, а).

Использовались складные легкие стулья, которые брали с собой, например, в театры, когда там еще не было скамей, или курульные кресла, которые приносили с собой на заседания. Сиденья могли быть двухместные и даже многоместные. По материалу они разделялись на деревянные, бронзовые и каменные. Были также кресла, плетеные из камыша, каменные кресла, сделанные в подражание плетеным (рис. 192, а, б).

Кроме кресельных скамеек, были низкие скамьи для ног, употреблявшиеся преимущественно при ложах и в ваннах (рис. 193, г). В старину на этих скамьях сидели дети и рабы у ног главы дома во время обеда, поэтому на них делались иногда невысокие спинки.

Ложа состояли из рамы, на которую натягивалась тесьма, тюфяка, одеял и подушек: Рамы были металлические или деревянные, в последнем случае они обычно инкрустировались слоновой костью, черепаховым панцирем и благородными металлами; ножки выполнялись из серебра или даже золота.

Рамы делались со спинкой или без нее. Подушки были большей частью круглые, их набивали пухом. Богатые люди покрывали свои парадные и обеденные ложа дорогими коврами, узорчатыми и с золотыми вышивками.

По назначению своему эти ложа разделялись на собственно постели, обеденные ложа, погребальные, на которых выставляли тело умершего, парадные супружеские постели, низкие постели для больных. Спальное ложе походило на наши диваны, то есть имело спинку и стенки с боков.

Обеденные были без спинки и без стенок или с одной только низкой стенкой (ср. рис. 192, г; рис 193, в), постель для больных была со стенками в головах и в ногах, причем последняя стенка делалась вдвое ниже первой (рис. 193, а); супружеское ложе отличалось от простой постели тем, что было выше нее и без стенки со стороны ног, на него всходили по приставной лесенке с несколькими ступенями. Были и кровати, похожие на современные, с прямыми спинками в головах и ногах; они служили для сна и сидения, как наши кушетки.

Для полного триклиния (обеденного стола, который назывался так же, как и столовая) требовалось обычно три ложа, которые ставились по трем сторонам четырехугольного стола (рис. 194, Т), четвертая сторона оставалась свободной (см. рис. 194). Так как на каждой софе было три места, то число обедавших за одним столом никогда не превышало девяти. По месту, занимаемому ложами (А, Б, В), они назывались: верхнее (В), среднее (А) и нижнее (Б). Верхнее и среднее ложа предназначались для гостей, нижнее — для хозяина с его домашними или приживалами и нахлебниками.

Почетными местами на верхнем и нижнем ложах были первые со стороны стенки или прислона (1, 2, 3), а на среднем — первое с противоположной стороны, потому что оно было ближайшим к первому месту нижнего ложа, занимаемому хозяином. Это место называлось консульским. Так как каждому гостю подавалась подушка, на которую он опирался, то эти подушки заменяли на вторых и третьих местах спинки, одновременно разделяя места.

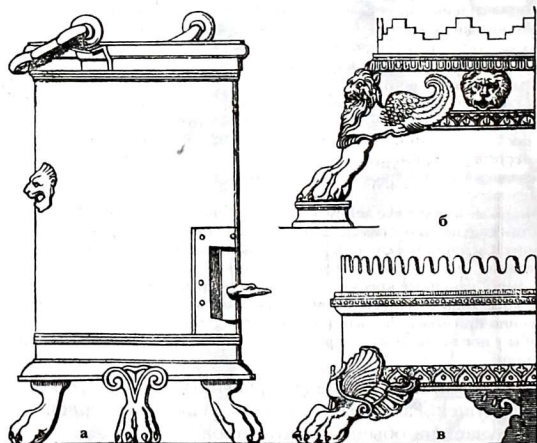

Рис. 190

Введение круглых столов вместо четырехугольных изменило все расположение триклиния. Прежние прямые лежа были заменены полукруглыми, наподобие старинной греческой буквы «С» (отчего и сами лежа получили название «сигма»); места на них считались начиная с левого конца, и число их не ограничивалось тремя.

Стол помещался посередине; кушанье ставили не прямо на стол, а на особые подставки, с которых гости сами брали его. Впоследствии вошло в обычай подавать кушанья гостям в руки.

Столы были различной величины: прямоугольные и круглые, на четырех, трех ножках и одноножные. Они были очень разнообразны в отношении отделки, украшений, формы ножек и материала, из которого сделаны.

К дорогой мебели принадлежали небольшие круглые столики с одной ножкой, которые вывозили из Азии; доска их делалась из ценного дерева, а ножка — из слоновой кости.

Ножкам дорогих столов чаще всего придавали форму звериных лап или ног животных (рис. 195, а, б) или делали их в виде прямых столбиков, опирающихся на лапы (рис. 195, в). Особого рода низенькие металлические и мраморные столики служили подставкой для декоративных ваз и других подобных вещей. Были также небольшие красивые столики, на которых подавали вино.

В Помпеях был найден хорошо сохранившийся мраморный стол, который может служить примером художественной отделки этой мебели у римлян (рис. 195, а).

К комнатной мебели принадлежали также сундуки и шкафы. Сундуки, в которых хранили деньги и другие ценности, были большей частью металлические или деревянные, обитые крепкими металлическими полосами.

Устройство римских шкафов нам известно только по одному дошедшему до нас рисунку (рис. 196); по нему видно, что они походили на современные. На том же рисунке изображена стенная полка, тоже похожая на нынешние. Для хранения небольших вещей, например туалетных принадлежностей, имелись красивые шкатулки, металлические корзиночки и т. п.

Зеркала (они были только металлическими) и хронометры, хотя и были известны римлянам еще до эпохи Империи, встречались очень редко. По свидетельству Плиния, солнечные часы, устроенные по образцу греческих, были введены около 294 г. до н. э.; они назывались «солярия», изготавливались из камня и имели различную форму. Позже появились водяные часы, тоже уже известные грекам. Август устроил в Риме большие городские солнечные часы. Первые водяные часы для общественного употребления были поставлены Сципионом Назикой за 159 лет до н. э.

Рис. 191

Популярные игры римлян также были заимствованы у греков. Самой любимой из них была игра в кости, которой римляне придавались с такой страстью, что правительство не раз издавало против нее запретительные декреты. В этой игре использовались кости двух видов, которые бросали из стакана или рожка, и игральная доска без бортов или с бортами.

Музыкальные инструменты

У римлян, как и вообще у итальянских народов, не было собственных музыкальных инструментов, кроме флейты (если не считать военные рога и трубы). Струнные инструменты появились у них уже в более позднее время от греков вместе с греческой музыкой. Флейта была издавна известна этрускам, к которым она пришла с Востока, и они ее до такой степени усовершенствовали, что, по свидетельству Поллукса, у них был даже инструмент вроде органа, составленный из бронзовых флейт, в которые воздух вдувался мехами или, при больших размерах инструмента, давлением воды.

От этрусков флейта перешла к римлянам, вероятно, тоже очень рано, так как уже Нумой была учреждена в Риме коллегия флейтистов.

Вполне вероятно, что римские флейты были уже и тогда гораздо лучшей конструкции, чем греческие.

От древнейшей формы (тибия) — простой дудки с четырьмя отверстиями (рис. 197 а, д) — произошли все остальные разновидности флейты.

У этрусков были флейты из слоновой кости, из букowego дерева (преимущественно культовые инструменты), из корня лотоса, из ослиных костей и серебра; была найдена также бронзовая этрусская флейта (рис. 197, а). Флейты были одиночные и двойные. В одиночных отверстие для вдувания воздуха находилось либо на конце трубки, либо сбоку. Разновидность флейты с загнутым концом была заимствованна у фригийцев (рис. 197, г). Реже встречалась фистула или сиринга (цевница) — соединение нескольких простых флейт неравной длины (рис. 197, е, ж, з).

В двойных флейтах стволы либо соединялись одним мундштуком, либо оставались свободными. Входящие в инструмент флейты могли быть одинаковыми (парными) или различными по форме и тону (непарными) (рис. 197, б, в, г).

В непарных флейтах различали правую и левую флейты: на первой играли правой рукой, на второй — левой; тон первой был ниже тона второй, поэтому она преобладала в серьезной, торжественной музыке, а вторая — в веселой; правая флейта была ведущей, а левая аккомпанирующей.

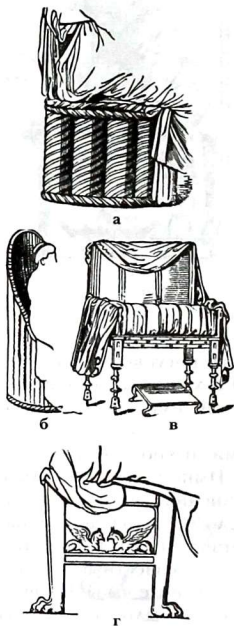

Рис. 192

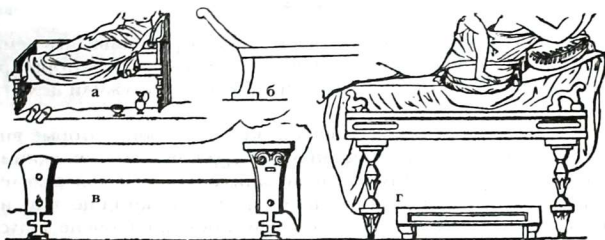

Рис. 193

Судя по изображениям на памятниках, парные флейты бывали различной длины и формы, то прямыми, то изогнутыми, и в последнем случае иногда расходились, начиная только с середины. При игре римские флейтисты, подобно греческим, накладывали себе на рот повязку с отверстиями, в которые вставляли мундштуки флейт (рис. 197, б, в).

Струнные инструменты появились у римлян не ранее императорской эпохи. Они были заимствованы ими частично от греков, частично у западноазиатских народов, некоторые даже от египтян, и почти все сохранили свои местные наименования (ср. рис. 198). Главными из них были кифара (cithara) и лира в ее различных видах (рис. 198), называвшаяся так потому, что ветви ее походили на рога, а иногда действительно делались из цельных рогов дикой козы или антилопы.

Позднее, для больших музыкальных представлений, прибавились греческий треугольник, египетская гитара, восточные арфа, самвика, наблий и почти все известные тогда инструменты.

К ударным инструментам принадлежали: скабиллум — две соединенные шарниром довольно толстые дощечки, которые подвязывали под ступню как подошву и, наступая на них, отбивали такт; цимбалы — то же, что наши тарелки; кастаньеты (рис. 89, а); тамбурин или тимпан (рис. 198, а), треугольник, египетский систр (рис. 89, б), введенный вместе с культом Иисиды, и различные инструменты из колокольчиков, в том числе бубен и погремушки из бубенчиков.

К ударным следует отнести найденный в Этрурии (часто встречающийся в изображениях вакхических сцен) металлический инструмент, состоящий из плоских кружочков, нанизанных на бронзовый прут.

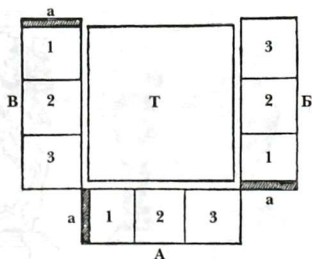

Рис. 194

* * *

Спортивные снаряды итальянцев вначале ограничивались немногими приспособлениями для физических упражнений, которые развивали военные навыки и приучали к боли, а не служили цели гармонично развивать тело.

Уже у древних этрусков возникли кулачные бои, которые впоследствии были переняты римлянами и сделались для них одним из любимейших зрелищ. Гимнастикой занимались или для развлечения, как и любой другой игрой, или с гигиеническими целями, и то лишь одни мужчины, так как римское чувство приличия не допускало к ней женщин. Поэтому, за исключением перчаток кулачных бойцов, все гимнастические снаряды римлян были греческими.

Из легких спортивных игр римляне особенно любили игру в мяч. Мячи делались обычно из кожи и набивались перьями и т. п. Иногда они украшались росписью. Большие мячи наполнялись воздухом и потому были очень легкими. Из остальных гимнастических снарядов наиболее употребительными были диск, гантели и железный инструмент для очистки кожи от пота и пыли.

Римские спортивные колесницы (употреблявшиеся для соревнований, а не в бою) были устроены так же, как и греческие или древневосточные, хотя отличались менее красивой формой и большей простотой.

Сохранившаяся древнеримская колесница в Ватикане (рис. 200, а), а также подобные ей этруские образцы (рис. 200, б) показывают, что колесницы делали из дерева и обивали бронзовыми листами или обтягивали кожей; бронзовые колесницы были редки.

Кузов лежал прямо на оси, на которую надевались колеса из деревянных клиньев, связанных шиной. Дышло приделывалось к середине оси, к нему прикреплялось ярмо, всегда парное, отчего и сама колесница называлась парной.

Даже в тех случаях, когда запрягали четырех лошадей (квадрига), только дышловые шли в ярме, а пристяжные пристегивались к дышлу; употреблялись ли при этом постромки, неизвестно. Самыми

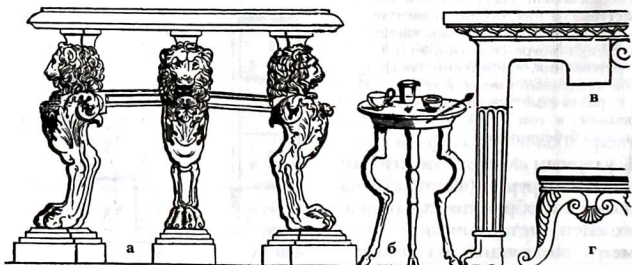

Рис. 195

распространенными упряжками были парные или четверные, тройка употреблялась редко. Только в особых случаях запрягали более четырех лошадей: Нерон на Олимпийских играх правил колесницей, запряженной десятью лошадьми, столько же лошадей везли триумфальную колесницу Траяна.

Средства передвижения

Для перевозки по суше людей и вещей употреблялись телеги и повозки, двух- и четырехколесные, носилки и портшезы.

Портшезы, появившиеся в Риме после войны в Азии, стали при императорах обычным средством передвижения зажиточных людей и даже предметом моды. Они походили на восточные паланкины и были открытыми или закрытыми, иногда с занавесками, в некоторых вставлены окна, вероятно из слюды.

Для ношения портшезов по городу держали особых рабов или нанятых слуг; а в дорожные портшезы запрягали двух мулов, одного спереди, другого сзади; такая упряжка называлась «бастерна». Число носильщиков зависело от величины и тяжести портшеза и доходило иногда до восьми.

Легкие портшезы носили, положив их шесты прямо на плечи, тяжелые — на ремне, который носильщики вешали себе на плечо. Позднее вошли в моду кресла на носилках, обычно без верха.

Экипажи употреблялись только для путешествий и загородных поездок, в самом Риме езда в них была запрещена всем, кроме жрецов во время религиозных празднеств, весталок и позднее — высших магистратов.

Даже повозки с товарами и кладью могли проезжать по городу лишь рано утром. Несмотря на эти ограничения, римские экипажи были очень разнообразны и имели разные названия, зависевшие от их формы и назначения.

Некоторые из них были местного происхождения, другие заимствованы у иностранцев. Они делились на двухколесные и четырехколесные.

Двухколесные просторные крытые повозки использовались магистратами в городе, знать ездила в таких за город. Другой тип повозок употреблялся для перевозки погребальных урн. Повозки сельских жителей представляли собой

Рис. 196

простые телеги с верхом. Легкие открытые экипажи, перенятые римлянами от бриттов и белгов, походили на нынешние итальянские двухколесные кабриолеты.

Для перевозки грузов использовались прочные повозки на двух массивных колесах, иногда они состояли из широкой доски на раме. К двухколесным экипажам могут быть также отнесены триумфальные колесницы, колесницы с богатым балдахином, в которых перевозили изображения богов, и даже двухколесные кресла для больных.

К четырехколесным экипажам и повозкам принадлежали: дорожный возок, в котором могли поместиться несколько человек вместе с поклажей, и парадный экипаж с верхом и очень высоким ходом.

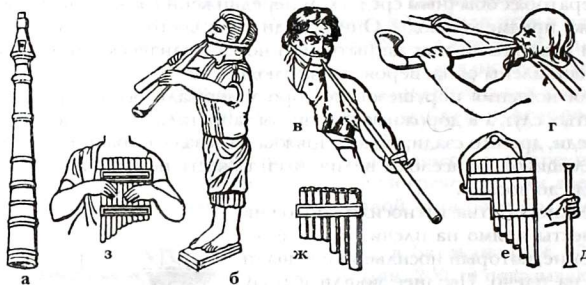

Рис. 197

Нерон возил за собой иногда более тысячи таких экипажей, а при Марке Антонии и Гелиогабале для торжественных процессий в них запрягали львов, тигров, оленей, собак и даже страусов.

Женщины ездили в крытых экипажах, которые завешивались занавесками. Из простых четырехколесных повозок известны следующие: род фургона, в котором перевозили рабов и ездили бедные люди; повозки с плетеными кузовами, служившие для перевозки клади и товаров; род дровней на колесах, употреблявшийся для перевозки мраморных глыб, больших статуй и других тяжестей; а также легкие телеги, подобные встречающимся на помпейских картинах телегам для перевозки мехов с вином (рис. 201).

В экипажи запрягали большей частью лошадей, тяжелые и вообще простые повозки возили мулы и быки. Богатые люди ездили на лошадях малорослой галльской породы. Экипажная упряжь ничем не отличалась от колесничной: дышловых запрягали в ярмо, пристяжных привязывали веревочными постромками, пристегивавшими к нагруднику и подпруге. При одиночной запряжке дышло заменяли оглоблями с одиночным ярмом. Лошадей погоняли бичом или кнутом, быков и мулов — палкой с острием на конце. Известен был римлянам и тормоз.

Сельскохозяйственные орудия итальянских земледельцев, несмотря на раннее развитие земледелия в Италии, были не сложнее греческих. Главное сельскохозяйственное орудие — плуг — был известен итальянцам в тех же двух разновидностях, в каких он описан у Гесиода, то есть ручной (соха) и колесный (рис. 203). Древнеэтрусская бронза дает представление об устройстве сохи (рис. 202): она состояла из кривого дерева с железным сошником, дышлом и рукоятью. Колесный плуг описан вместе с некоторыми другими сельскими орудиями Вергилием в «Георгиках».

Точно так же ничем не отличались от греческих орудия и приспособления для виноделия, охоты, рыболовства и скотоводства, бывшие в употреблении у римлян.

Говоря о различных государственных должностях, существовавших в Древнем Риме, мы упоминали и о знаках отличия, соответствующих этим должностям.

Одним из необходимых атрибутов было почетное сиденье, в незапамятные времена перенесенное к римлянам с Востока и сохранившее свою первоначальную форму складного табурета на выгнутых ножках (рис. 204).

В древности оно делалось из слоновой кости и было почетным местом царя или главного судьи. Впоследствии оно стало принадлежностью всех почетных магистратов, между тем как трибуны, а во времена Республики и сенаторы, сидели во время заседаний на про-

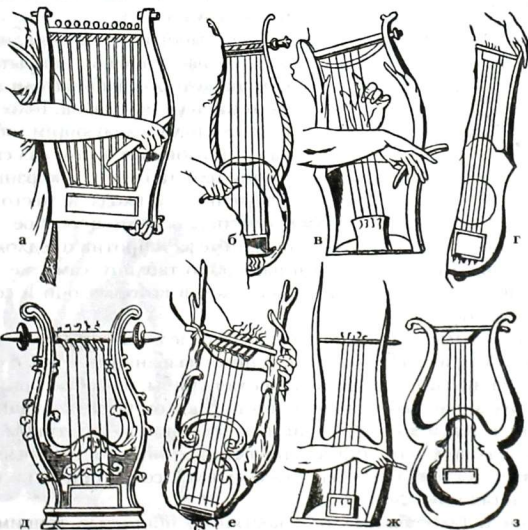

Рис. 198

стых скамьях. Перед концом Республики, когда старые обычаи утратили свою силу, прежнее значение почетных мест постепенно ослабело, но вместе с тем сами сиденья стали намного роскошнее, так как делались уже не из слоновой кости, а из более ценных материалов и украшались благородными металлами и дорогими камнями.

Приспособления для голосования на народных собраниях

Введение их совпадает с заменой устного голосования тайным (письменным), введенным в 139 г. до н. э. При устном голосовании только председательствующие на собраниях и предлагавшие закон имели при себе таблички, на которых отмечали поданные голоса.

Рис. 199

При новой системе каждый имевший право голоса получал две таблички: на законодательных комициях — с буквами UR (*uti rogas*, то есть «принимаю предлагаемый закон») на одной и буквой A (*antiquo*, то есть «отвергаю») на другой; на судебных — одну с буквой A (*absolvo* — «оправдываю»), другую с буквой C (*condemno* — «осуждаю»).

При выборах употреблялись прямоугольные дощечки, покрытые воском, на которых избиратели записывали имена кандидатов. Голосование происходило следующим образом: каждый избиратель опускал свою дощечку или табличку в корзинку, поставленную у входа в место собра-

ния; затем корзины с табличками переносили в особое здание, выгружали и, сосчитав голоса, поданные за и против предложенных кандидатов, записывали итоги на особую таблицу; сами же таблички складывали в ящички или мешочки, в которых они и сохранялись для контроля.

Порядок голосования по трибам определялся жребием: для этого глашатай брал жеребии, помеченные названиями триб, и опускал их один за другим, громко перечисляя трибы, в особую урну, затем, смешав их в ней, вынимал по одному. В каком порядке вынимались жеребии, в том и должны были подавать свои голоса трибы.

Изображения названных приспособлений, как и письменных принадлежностей (табличек, стила и т. п.), сохранились на некоторых монетах (рис. 205).

Таблички (деревянные или костяные, покрытые тонким слоем воска) были одиночные или двойные, тройные и более, соединенные вместе и раскрывавшиеся, как книжка. Каждая табличка была обве-

дена выпуклой рамкой, которая не позволяла восковым поверхностям соприкасаться и стирать написанное. Для письма служил бронзовый стиль в форме круглого стержня, заостренного с одного конца и с головкой на другом (рис. 205, и).

Одиночные таблички, большие и малые, использовались для писания записок и писем, для некоторых писем, например любовных, они были с особой отделкой. Исписанные таблички складывали вместе (написанным внутрь) и перевязывали шнурком, а узел припечатывали восковой печатью, затем надписывали адрес (рис. 205, г).

Двойные и тройные таблички были записными книжками, которые носили при себе, поэтому крышки их делали из слоновой кости, дорогого дерева, серебра, золота и т. д. с резьбой и другими украшениями. По числу табличек они назывались «диптихи», «триптихи» и т. д. Особенно богатой отделкой отличались резные диптихи из слоновой кости, которые высшие магистры, консулы и преторы дарили друзьям при своем вступлении в должность (рис. 64; рис. 65).

Для книг, актов, деловых бумаг и т. п. римляне использовали или пергамент, как греки, или бумагу, приготовленную из египетского папируса. Предпочтение отдавалось бумаге, которой уже при Августе выделялось восемь сортов, от самого высокого качества до обыкновенной оберточной.

В редких случаях писали на коже и холсте (как в древности), на шелке и т. п. Так как бумага изготавливалась узкими полосами, то для письма брали несколько таких полос и склеивали в один лист, ширина которого была не менее 6 и не более 13 дюймов, длина же, как видно по сохранившимся рукописям, доходила иногда до 8 футов и более (рис. 206).

Писали на одной стороне листа столбцами, которые шли поперек его и отделялись один от другого красными линиями; обратную сторону листа для предохранения от червей, а отчасти для красоты покрывали краской, как правило желтой. Исписанный лист содержал в себе целое сочинение или часть его и назывался «свиток», так

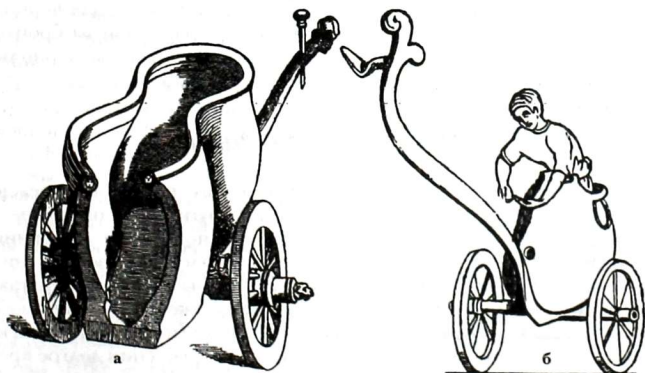

Рис. 200

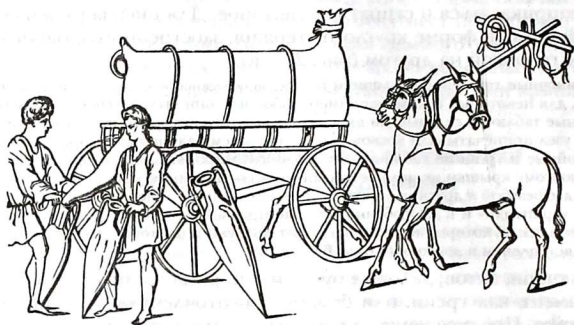

Рис. 201

как для удобства чтения эти листы наворачивали на валик с головками, прикрепленный к последней странице. Края свитка выравнивали, отполировывали пемзой и покрывали черной краской. Иногда свиток вкладывали в пергаментный футляр, на котором надписывали заглавие сочинения и его оглавление (титул и индекс). Свитки хранили в цилиндрических коробках с крышкой — деревянных, кожаных или жестяных (рис. 205, д).

В таких же коробках, только меньших размеров, хранили дети свои учебные принадлежности. За детьми богатых родителей, когда они шли в школу, эти коробки носили рабы. Вместо перьев употребляли египетский тростник, который заостряли ножом. Чернила были черные, темно-коричневые и темно-красные. Их держали в чернильницах, которые обыкновенно делали двойными — для чернил двух цветов (рис. 205, ж); несколько таких чернильниц из бронзы с серебряными украшениями дошло до нас. Портативные чернильницы подвешивались за приделанную к ним ручку.

Италийские деньги

Весьма вероятно, что металлические деньги появились прежде всего у этрусков, от которых перешли и к другим италийским племенам, заменив собой обычный обмен, в основном на домашний скот. Поэтому на металлических деньгах вначале было изображение какого-нибудь домашнего животного. На первых римских деньгах, введенных, по преданию, Сервием Туллем, тоже были такие изображения. Они изготавливались в виде медных слитков или палочек, которыми платили по весу, и оставались в употреблении долгое время. Только в 450 — 430 гг. до н. э. они были заменены более удобной круглой монетой из меди с добавлением свинца.

Сначала монеты отливали и обозначали на них стоимость, потом их стали чеканить и выбивать на них надпись ROMA. Чеканная монета (асс) была шести различных видов, каждая с особым штемпелем на лицевой стороне; на оборотной стороне всех этих монет было выбито очень грубое изображение корабля.

Наименования и их знаки были следующие: асс имел голову Януса и прямое I; половина асса или семис — голову Юпитера и S; триенс (равный 4 унциям) — голову Минервы и четыре шарика; квадранс (3 унции) — голову Геркулеса и три шарика; секстанс (2 унции) — голову Меркурия (или кадуцей и стриглис) и два шарика; унция — голову Ромы и один шарик.

Впоследствии, с началом Пунических войн, все эти монеты были уменьшены в весе и к ним прибавлены три новых наименования — 2, 3 и 10 ассов: дупондий, трипондий, денарий. На новых монетах был один и тот же штемпель — женская голова в шлеме и цифра, обозначающая их стоимость в ассах, изображение корабля на реверсе сохранилось.

В 269 г. до н. э. начали чеканить монеты из серебра, которое раньше ходило только в слитках. Тогда же был устроен монетный двор и учреждена должность смотрителей за выпуском монеты. Серебряные монеты выпускалась трех видов: денарий — в 10 ассов, квинарий — в 5 ассов, и ставший с этих пор монетной единицей сестерций (2,5 асса) — со знаками их стоимости: X, V, IIS.

На оборотной стороне денария была выбита колесница парой или четверней (рис. 207); квинарий имел первоначально на лицевой стороне голову Минервы, на оборотной — диоскуров и надпись ROMA; впоследствии на нем стали чеканить фигуру победы. Сестерций старинного типа представляет с лицевой стороны женскую голову в шлеме и знак IIS, с обратной — диоскуров с надписью ROMA.

Чеканка этих так называемых консулярных или фамильных монет (так как монетные триумвиры, преторы, эдилы и другие магистраты ставили на них свои имена) еще очень грубая, плоская, рисунок голов и фигур неуклюж, и только с середины I в. до н. э. под влиянием греческого искусства он улучшается.

Пятьдесят лет спустя после введения серебряных денег (около 218 г. до н. э.) были выпущены первые золотые монеты в 60, 40 и 20 сестерциев со знаками LX, XXXX, XX и изображением на лицевой стороне головы Марса, на оборотной — орла и под ним надписи ROMA.

Пятьдесят лет спустя после введения серебряных денег (около 218 г. до н. э.) были выпущены первые золотые монеты в 60, 40 и 20 сестерциев со знаками LX, XXXX, XX и изображением на лицевой стороне головы Марса, на оборотной — орла и под ним надписи ROMA.

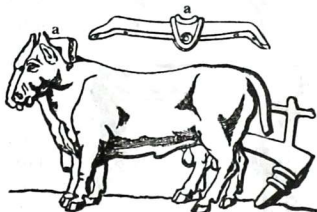

Рис. 202

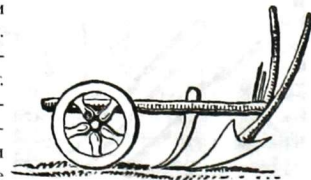

Рис. 203

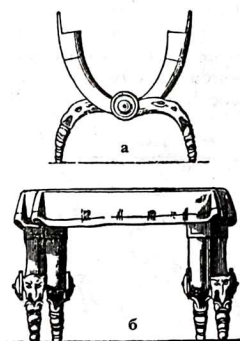

Рис. 204

Увеличение выпуска золотой монеты (в 100 и 50 сестерций) последовало, однако, только при Цезаре, ходовой монетой золото стало не ранее правления Нерона, так что, собственно говоря, золотые, серебряные и медные монеты вошли в одновременное обращение лишь при императорах.

Вес и качество монет, особенно серебряных, неоднократно изменялись. Иногда вместо серебряных денариев выпускали бронзовые, покрытые серебром. Позднее из серебра чеканили одни только денарии и квинарии, но уже не сестерции.

Каракалла ввел новую серебряную монету (с изображением его портрета в лучах, или портрета императрицы на полумесяце), которая при Гордиане совсем вытеснила денарий, но качество ее до такой степени ухудшилось, что при Валериане и Галлиене монеты вместо серебра чеканили из отбеленной меди. Такое положение римских финансов сохранялось до Диоклетиана, которому удалось восстановить нероновский денарий в его первоначальной чистоте (292 г.).

Подобное ухудшение испытала и медная монета. В 39 г. до н. э. триумвир Антоний чеканил сестерции из желтой меди вне Рима, а при Августе такие же сестерции стали чеканить и в самом Риме; затем, до правления Нерона, и ассы чеканили двух родов — из красной и желтой меди, последний имел особый штампель; выпущенные при Нероне медные монеты при Деции (249—251 гг.) стали тоже чеканить из желтой меди, так что деньги из красной меди постепенно совсем исчезли из обращения. Так продолжалось до Константина, который положил начало новой монетной системе.

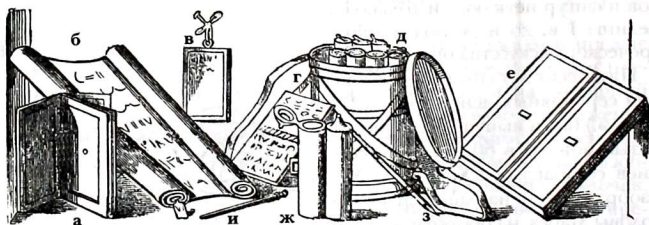

Рис. 205

Несмотря на обесценивание денег, чеканка их постоянно совершенствовалась и становилась художественнее. Это видно по сохранившимся фамильным монетам Нерия, Корнуфиция, Секста Помпея, Лентулла Косса, по бронзовым медалям Секста и особенно по медалям императоров Юлиева и Флавиева дома.

Все эти монеты и медали напоминают лучшие греческие образцы. Ухудшение чекана началось после Антонинов. Сначала оно было едва заметно, но под влиянием общего вырождения римского искусства чеканка становилась все хуже.

В самом Риме монетные штемпеля еще вырезались довольно четко и только гораздо позднее дошли до такого же искажения, какое было характерно для монет не итальянского, преимущественно малоазиатского чекана.

Впрочем, римские деньги редко чеканились вне Рима; монетные дворы в провинциях были заведены не ранее Галлиена. В торговле использовались, конечно, и иностранные деньги, но они не имели определенного курса. Латинские колонии и союзные Риму города чеканили собственную монету — медную и серебряную.

Рис. 206

Средства для охраны общественной безопасности и порядка

К ним принадлежали, кроме установленных правительством орудий наказания, имущество различных учреждений для обеспечения городского благосостояния и в их числе пожарное снаряжение. Его составляли ведра, топоры, лестницы, канаты и пожарные трубы, вошедшие в употребление, вероятно, при Траяне.

Хотя точное устройство сифонов неизвестно, их использование подтверждается не только свидетельствами древних авторов, но и найденным в наше время близ Чивитавеккьо прибором, напоминающим насос: он состоит из двух бронзовых цилиндров с клапанами внутри, соединенных между собой горизонтальной трубкой.

Что касается орудий наказания, то они были разнообразны и жестоки, соответствуя строгости древнеримских уголовных законов. Наказания, которые обыкновенно назначались народными или уголовными судами, возрастали в зависимости от вины от имущественной пени (размер которой доходил до стоимости двух овец и тридцати быков), кабалы (для несостоятельных должников) и тюремного заключения (иногда соединенного с телесным наказанием) до лише-

Рис. 207

ния гражданских прав, изгнания и смертной казни. Смертная казнь, за которой следовала конфискация имущества казненного, производилась различными, но всегда мучительными способами.

В древние времена осужденных на смерть удушали веревкой или засекали до смерти, позднее — обезглавливали, бросали с Тарпейской скалы, зарывали живыми в землю, распинали. Этот последний род казни предназначался преимущественно для рабов, с которыми вообще обращались крайне жестоко, подвергая почти за всякую вину телесному наказанию.

Для рабов были введены и особые орудия наказания. К ним принадлежало клеймо для пойманных беглых рабов, которым выжигали на лбу букву F; железные ножные кандалы и деревянный чурбан, который приковывали цепью к ноге виновного и соединяли с железным поясом (рис. 208); железный ошейник, ручные кандалы, которые иногда сковывали цепью с поясом и ножными кандалами.

Более жестокие наказания для рабов состояли в том, что виновного привязывали за руки к перекладине, на ноги подвешивали ему гири и в таком положении секли; уличенному в воровстве отрубали руки или выводили на арену цирка и отдавали на растерзание диким животным, а иногда кормили им диких зверей хозяина раба. Если раб убивал господина, закон осуждал на смерть всех рабов, принадлежавших убитому.

Рис. 208

Военное снаряжение римского войска включало, прежде всего, метательные орудия. Изображения на памятниках не дают представления об устройстве орудий, а только показывают способ их установки (рис. 209). Поэтому мы ограничимся только их перечислением.

Римские метательные орудия подразделялись на два вида: орудия, метавшие снаряды по горизонтальной линии, и орудия, снаряды которых описывали дугу.

К первым принадлежали катапульты и различной величины самострелы. Ко второму типу относились машины для метания тяжелых камней, известные под общим названием «баллисты».

Культовая утварь

Культовая утварь итальянцев художественностью обработки обязана в основном этрускам. Перенесение в Рим греческих культов, происшедшее при Тарквиниях, привело к тому, что к древнеэтрусской культовой утвари присоединилась греческая, а при дальнейшем слиянии римской религии с греческой она вытеснила этрусскую.

Римский культ раньше не только не требовал, но даже не допускал олицетворения богов в человеческом образе, поэтому в первое время у римлян не было никаких статуй божеств, кроме статуи древнего их божества — двуликого Януса, а были только символы их, например копье и щит, в лице которых еще при Нуме они поклонялись Марсу. Затем появились скульптурные изображения богов; они были заимствованы вначале у этрусков, потом у греков.

К древнейшим из этих статуй, о стиле которых дают приблизительное понятие сохранившиеся глиняные и бронзовые фигурки грубой работы, принадлежала, вероятно, и статуя Юпитера, которая стояла в построенном Тарквинием на Капитолии храм между статуями Юноны и Минервы.

По широко распространенному в древности обычаю одевать и наряжать идолов, статую капитольского Юпитера облачали в великолепную одежду, точной копией которой было принятое впоследствии одеяние триумфаторов (даже раскрашивание лица стало принадлежностью триумфаторского наряда).

Такое облачение идолов сохранилось до позднейшего времени, по крайней мере при известных празднествах, например лекгистерниях, установленных в 399 г. до н. э. Другие статуи были или подражанием греческим, или являлись произведениями греческого искусства.

Алтари представляли собой небольшие алтарики для поклонения низшим богам или собственно алтари — жертвенники, на которых раскладывались жертвенные орудия и рассматривались внутренности принесенных в жертву животных (для жертвоприношений подземным богам вырывали яму — скробикул).

К ним принадлежали и жертвенные треножки (рис. 183, а, б). Вначале их размер, материал, из которого они были сделаны, и устройство не регламентировались. Позднее Витрувий сделал попытку подчинить определенным правилам величину алтарей. Большие алтари для жертвоприношений делали обыкновенно из мрамора, реже из известняка, но часто употребляли для них кирпич и даже дерево.

Рис. 209

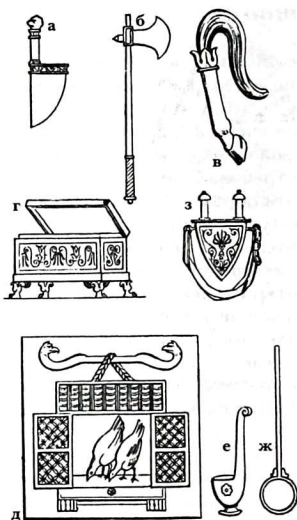

Рис. 210

Форма алтарей, как видно по дошедшим до нас изображениям, тоже имела различия. Были алтари в виде колонны, овальные, кубические, треугольные, то с вертикальными, то с наклонными сторонами, а также составленные из всех элементов этих форм. На верхней доске больших алтарей делалось чашеподобное углубление; у жертвенников, на которых приносили кровавые жертвы, по ней шли плоские желобки для стока крови.

На боковых поверхностях алтарей высечены выпуклым рельефом цветочные гирлянды и между ними жертвенные орудия, головы и черепа жертвенных животных, большей частью баранов и быков, или же на них представлены сцены из жизни богов, обыкновенно того божества, которому алтарь посвящен.

На небольших алтарях высекали иногда короткие посвятельные надписи. Жертвенная утварь, дошедшая до нас в изображениях на этруских и римских памятниках, делится

на две группы: собственно орудия и сосуды. Как те, так и другие имеют этрускую художественную обработку.

Найденные в одной этруской гробнице бронзовые приборы, вероятно имевшие культовое назначение, отличаются высокой художественностью (рис. 211).

Найдены котлы и треножники (рис. 183), круглая треножная жаровня со всеми нужными для разведения и поддержания огня орудиями (рис. 211, а): щипцами на колесах (рис. 211, в), лопаткой (рис. 211, г) и двумя крючками (рис. 211, б), вероятно, для переворачивания углей. Этруски употребляли при своих религиозных обрядах топоры, ножи, жертвенные чаши и т. п., поскольку их религия требовала жертвоприношений для предсказаний по внутренностям животных.

Согласно древнему обычаю этрусков, жертвоприношения сопровождалась игрой на флейте. О жертвенной утвари римлян известно, что при Нуме она изготавливалась из самых простых материалов и без всякой отделки.

Плиний замечает, что в его время, несмотря на развитие роскоши, для возлияний при жертвоприношениях использовались сосуды не из хрусталя или мурры, а из глины. Правда, эти сосуды могли составлять исключение в ряду остальной жертвенной утвари и иметь такое же сакральное значение, как и кремень, служивший фецialsам вместо жертвенного ножа.

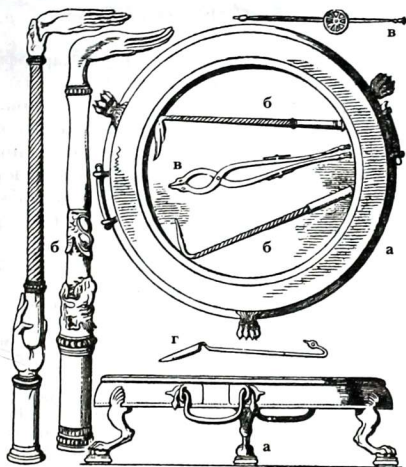

Рис. 211

К жертвенным орудиям римлян принадлежали: топоры или секиры (рис. 210, б), молоты (рис. 112, в), ножи (рис. 210, а, з; рис. 109, а; рис. 112, а); кропила из конских волос (рис. 210, в) для окропления люстральной водой и ложечка, которой клали курения в курильницы во время обряда жертвоприношения.

Сосуды, употреблявшиеся при жертвоприношениях (часто серебряные, а нередко и золотые) были следующие: сосуд с крышкой для хранения курений (рис. 210, г; рис. 113, б), круглая или многоугольная курильница на цепочках, большая жаровня без ручек (ср. рис. 84, а), горшки, в которых варили внутренности жертвенных животных, сосуды для черпания, с одной или двумя ручками (рис. 210, е), плоские чаши для возлияний, с ручкой или без нее (рис. 210, ж; рис. 110), различной величины блюда, на которых предлагали богам жертвенное мясо (рис. 113, а), а также корзинки для приношения плодов.

К священной утвари должны быть также отнесены: щиты и копья салийских жрецов, кривой посох авгуров, ремни луперкиев, клетка для священных кур (рис. 210, д), по клеванию которых угадывали волю богов, и храмовая утварь весталок, отличавшаяся особенной простотой, так как культ Весты был воспроизведением первобытного культа домашних богов.

Она состояла из двух палочек для добывания священного огня, если по какой-либо причине огонь, постоянно горевший на алтаре Весты, потухал; глиняного сосуда для хранения воды, которую черпали из ключа нимфы Эгерии, глиняной посуды для приготовления жертвенных кушаний и кропила.

Так как, согласно обряду, нужную для жертвоприношений Весте воду запрещалось ставить на землю, был изобретен специальный сосуд с широким устьем, заостренный книзу так, что он никак не мог быть поставлен.

Саркофаги и урны

Различие между ними состояло в том, что в саркофагах помещались тела умерших, а пеплохранильницы служили для пепла, оставшегося после сожжения тела. И те и другие изготавливались преимущественно из пеперина, травертина, мрамора, алебастра и других, более дорогих, каменных пород, а также из обожженной глины, но пеплохранильницы почти никогда не делались из дерева.

Саркофаги же, наоборот, в большинстве случаев были деревянные, причем не всегда из экономии, а очень часто из роскоши, так как упоминаются дорогие саркофаги из кипарисового дерева.

Саркофагам придавали форму продолговатого ящика с массивной, плотно закрывавшейся крышкой. Отделка их, разумеется, зависела от средств и вкуса заказчика, но обыкновенно она состояла, как на саркофаге Сципиона (рис. 126), или из архитектурных элементов, заимствованных у храмовых и других построек, или, как видно по некоторым хорошо сохранившимся саркофагам, из украшений в виде колец, которые держат львиные головы.

Иногда бока саркофага или только переднюю его сторону покрывали рельефными композициями. Этот род украшения часто использовался для пеплохранильниц. У них не только бока были покрыты многофигурными композициями (из греческих мифов, символизирующих смерть и царство теней, а также из жизни умершего), но и крышка украшена статуей умершего, в богатой одежде, в лежачем или полулежачем положении (рис. 45); рельефы, кроме того, раскрашивались и покрывались позолотой.

К погребальной утвари принадлежали также и урны — небольшие сосуды, которые ставили в нишах колумбариев (рис. 212). Эти урны, среди которых выделялись своей особой формой альбанские, делались из различных материалов и были разнообразны по форме — от простых глиняных до золотых и серебряных, скульптурно украшенных. В такой урне из алебастра был привезен в Рим из Британии пепел императора Севера.

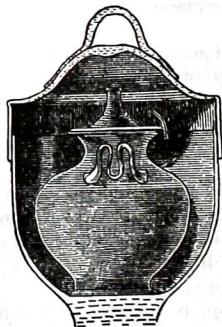

Рис. 212

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ ЕВРОПЫ 3

Народы Италии 3

Предварительные замечания 3

Одежда 6

Обрядовое (символическое) значение одежды 24

Вооружение 38

Римская военная одежда 45

Деление римского войска 46

✓ Постройки 68

✓ Гробницы 82

✓ Храмы 87

✓ Общественные здания 91

✓ Архитектура правительственных зданий 95

✓ Здания для игр и зрелищ 97

✓ Общественные бани (термы) 101

Дороги, мосты и водопроводы 102

Укрепления 105

Полевые укрепления и осадные постройки 107

Судостроение 109

Триумфальные арки и монументальные колонны 112

Утварь 113

Сосуды 116

Осветительные приборы 120

Мебель 121

Музыкальные инструменты 126

Средства передвижения 129

Приспособления для голосования на народных собраниях 132

Италийские деньги 134

Средства для охраны общественной безопасности
и порядка 137

Культовая утварь 139

Саркофаги и урны 142

В этом уникальном издании представлены костюм, оружие, мебель, предметы быта и архитектурные сооружения народов нашей планеты. Автор этого интереснейшего труда — выдающийся немецкий художник и историк культуры, профессор Берлинской академии художеств Герман Вейс (1822—1897). Особую ценность многочисленным иллюстрациям придает то, что они выполнены самим автором с оригиналов, большинство из которых сегодня утрачены. По широте и объему материала, сведенного в единое целое, эта книга до сих пор не знает себе равных в России.

В серии также выходят:

«Зарождение мировой цивилизации.
ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ»

«Первые сверхдержавы.
АССИРИЯ. ВАВИЛОН. ПЕРСИЯ»

«Истоки европейской цивилизации.
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ»

«Великое переселение народов.
ГОТЫ, ГУННЫ, СЛАВЯНЕ, ГЕРМАНЦЫ»

«Арабские завоевания.
РАСЦВЕТ ВИЗАНТИИ»

«Европейское Средневековье.
ПЛАМЕНЕЮЩАЯ ГОТИКА»

«Великие христианские государства.
АНГЛИЯ. ФРАНЦИЯ. ГЕРМАНИЯ»

«Высокое Возрождение.
ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕНЕССАНС»

«Торжествующая монархия.
ЕВРОПА. XVIII—XIX вв.»

«Загадка великой культуры.
РОССИЯ. X—XX вв.»

«Прекрасная эпоха. **ЕВРОПА. XX в.**»

ISBN 5-699-13019-5

9 785699 130191 >

ДРЕВНИЙ РИМ. Возвышение и упадок империи